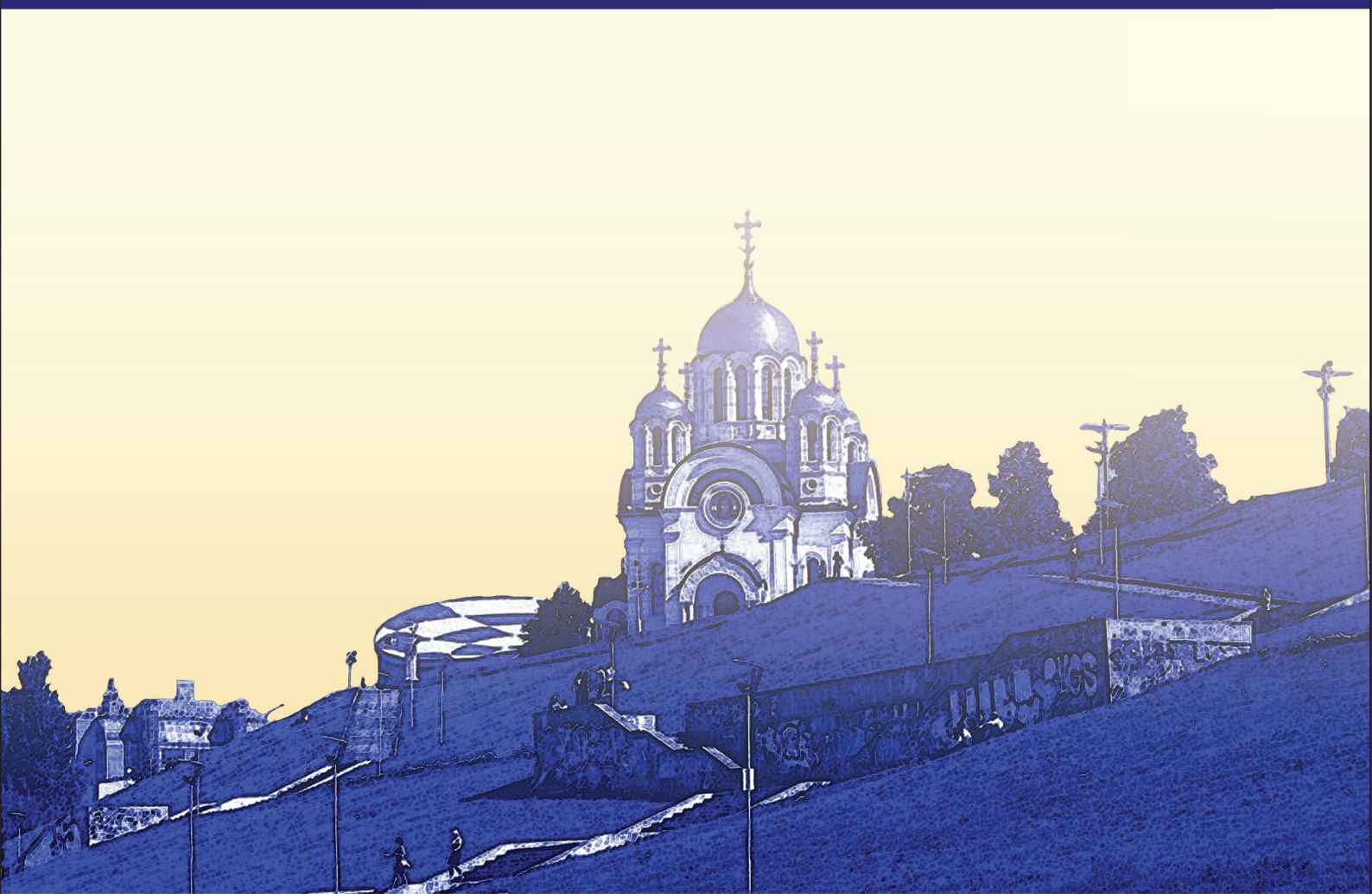

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

VI Международная научная конференция

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Самара

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
С56

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеев, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Кыят Эмине Лейла (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узиков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Современная филология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2018 г.). — Казань : Молодой ученый, 2018. — iv, 66 с.

ISBN 978-5-905483-29-5

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Современная филология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Садокова А.Р.

Образ волка в японской народной храмовой мифологии 1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Головина Е.В., Щербакова М.В.

Семантические доминанты пейзажных описаний в произведении Ж. Верна «Дети капитана Гранта» 4

Котова А.В.

К вопросу о сарм. 2 и 2b у Катулла 7

Павлова В.Г.

Функционально-семантические особенности использования имен собственных в поэтических текстах
Николая Алешкова 9

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аугаретыан А.Г., Pronkina А.А.

The word order in the affirmative sentence in the English and Spanish languages 12

Васильева Е.Н., Карпова С.Е.

Внутренняя форма «живая» и «забытая». Этимологическое значение слова 14

Васильева Е.И.

Тенденции интернет-сленга немецкоязычной аудитории в 2017 году 15

Винникова О.М.

Специфика использования метафоры в политическом дискурсе 18

Дрынова А.С.

Особенности лексем в изречениях китайских софистов 20

Зияева С.А.

Социальные факторы и проблемы построения социально корректного коммуникативного акта 22

Zokirova D.M., Jabborova M.Y.

Isomorphic and allomorphic features of the homogeneous direct objects in modern English and Uzbek . . . 24

Zokirova D.M.

Types of the homogeneous direct objects in modern English and Uzbek 25

Мирзоева Г.Т.

Когнитивная лингвистика 27

Полончук Р.А.

Анализ фразеологических единиц китайского языка военной тематики с иероглифическим
компонентом лошадь («马») 29

Радченко Д.В.

Модальные глаголы werden и müssen в значении субъективной модальности как объект
прагматико-лингвистического анализа 31

Сардалова Л.Р.

Особенности функционально-дискурсивного параметрирования фразеологических единиц
(на материале произведений англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного
дискурса) 36

Satimova D.N.

English composite sentences with introductory «It» 39

Чайлахов И. В., Рудометова А. Ю. Этапы становления и стандартизации китайской письменности	41
Ханджани Л. Стилистический аспект синонимии словообразовательных приставок	45
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Харлушина А. А. Прописная буква как выразительное средство в языке СМИ	48
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Курбанова Д. Ш. Challenges in translation of pharmaceutical terms	51
Мартемьянова Е. В. Практические переводческие подходы к работе с испанскими и французскими юридическими терминами и клише	52
Михеева С. В. Особенности перевода профессионализмов на примере произведений Артура Хейли	56
Пивоненкова Т. Б. Специфика перевода фразовых глаголов с образным потенциалом	60
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Коновалова Э. К., Махнач В. С. Важность проектной методики при изучении английского языка (на примере проекта «Ecotourism in Kuban Region – a Fresh Glance»)	63

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Образ волка в японской народной храмовой мифологии

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Набор животных, которые считаются в японской народной традиции благожелательными символами, достаточно большой. Это и лиса, и обезьяна, и бык, а также лошадь, лягушка, некоторые виды рыб и птиц. Они же являются и героями произведений японского фольклора, олицетворяя собой те или иные добродетели. Однако в этом перечне трудно встретить волка, хотя в действительности волки обитают в Японии и имеют в народной культуре, пусть небольшую, но собственную обрядность.

Вероятно, такое отношение к волкам связано с несколькими факторами. Во-первых, волки на протяжении веков представляли собой реальную угрозу жизни людей, особенно в отдаленных горных деревнях. Во-вторых, в народном сознании сложилось двоякое представление о волке. Когда речь шла о «злых деяниях», практически всегда фигурировал именно волк, когда же описывались благородные поступки этого животного, он представал в образе собаки. При этом подобная оппозиция была не повсеместна и не всегда выражена четко. Это привело к тому, что со временем образы волка и собаки слились воедино, что, с одной стороны, добавило образу волка привлекательности, с другой — сильно размыло границы между этими животными в народной культуре. Сложности в понимании образа волка добавил еще и культ «собакольвов»-*комаину*, который также получил в Японии широкое распространение. Это культ каменных «стражей ворот», которых можно встретить при входе в синтоистский храм. Обычно стражи-*комаину* располагаются на постаменте слева и справа от входа и практически всегда имеют устрашающий вид. И хотя эти скульптурные изображения в большинстве случаев позиционируются как некая смесь собаки и фантастического льва, они зачастую понимались как собаки, защищающие людей от волков.

В Японии сохранилось немало народных повествований о том, как каменные стражи-*комаину* спасли людей от волка. Типичным примером истории такого рода может считаться легенда г. Канадзава в преф. Исикава. Она известна под названием «*Комаину*, изгнавшие волков». События этой легенды связаны с ныне уже не существующим буддийским храмом Дэндодзи и небольшим синтоистским храмом Микава-дзиндзя, который и сохраняет «подтверждения» этой удивительной истории.

Рассказывается о том, что в храм Дэндодзи прибежали местные жители, спасая от волка девушку. Волк на-

кинулся на нее, но местным жителям удалось ее отбить. Они привели девушку в храм, но сами, боясь волка, уже не смогли из него выйти. Настоятель приказал плотно закрыть ворота храма. Но вскоре вместо одного волка к храму прибежала целая стая, которая пыталась проникнуть вовнутрь. Люди не знали, что делать и где спрятаться. Однако в какой-то момент они поняли, что снаружи идет настоящий бой: слышался не только волчий вой, но и лай собак. Когда все стихло, настоятель осмелился выйти из храма. Его удивлению не было предела: волки убежали прочь, а у каменных статуй *комаину* из рта сочилась кровь, а сами они были все исцарапаны. Люди от всего сердца поблагодарили *комаину* за спасение, вытерли кровь, омыли статуи и стали почитать их как богов. Считается, что эти изваяния долго хранились в буддийском храме Дэндодзи, а потом были перенесены в синтоистский храм Микава-дзиндзя, где хранятся до сих пор и считаются храмовым сокровищем [4]. Однако синтоистский храм Микава-дзиндзя является не только местом хранения удивительных изваяний. Около храма установлен один не парный *комаину*, и о нем также бытовала известная в тех краях легенда. В основе ее сюжета также лежит история о нападении волков, только на этот раз — на ребенка, который играл около храма. За него вступился каменный *комаину*, обративший волка в бегство. Считается, что каменное изваяние, которое и сегодня стоит на территории этого небольшого храма, и есть тот самый отважный *комаину* [4].

В народных храмовых легендах функция защитников у *комаину* могла реализовываться не только в рассказах об их непосредственном бое с волками. Уже само наличие в храме этих каменных изваяний считалось гарантией защиты от волков и других врагов. В этом смысле показательна легенда храма Амаги-дзиндзя, который находится в центральной части полуострова Идзу, известного своими горячими источниками. Именно поэтому в этих краях бытовало большое количество легенд и преданий о пребывании там великого буддийского монаха Кобо-дайси (Кукая), который, как считалось, и создал большую часть этих источников.

Легенда о *комаину*, бытовавшая на полуострове Идзу, также повествовала о чуде, совершенном великим Кобо-дайси. Рассказывалось о том, что в окрестностях источников Югасима появлялось много волков, и местные жи-

тели старались лишней раз не выходить на улицу. К тому же по вечерам со стороны горы Амаги доносился страшный волчий вой. Однажды в тех краях появился странствующий монах, у которого болело плечо. Он несколько раз окунулся в горячий источник, и плечо перестало болеть. Обрадовавшись, монах достал со дна источника два камня и вырезал из них двух собаколовов-*комаину*, очень напоминающих собак. Вырезал, оставил и ушел. Утром местные жители обнаружили, что у обоих *комаину* головы повернуты в одну сторону. Все стали смеяться над незнакомым путником и поговаривать, что странник ошибся, ему стало стыдно, потому он и сбежал. Однако уже вечером все поняли, что со стороны горы Амаги, куда и был обращен взор *комаину*, больше не раздается волчий вой. Тогда все поняли, что к ним приходил не обычный монах, а сам Кобо-дайси, и стали почитать вырезанных им *комаину* как защитников своей земли [3]. Здесь следует отметить, что, обращенные в одну сторону изваяния, встречались и в других районах Японии. Там также считалось, что взгляд каменных *комаину* устремлен туда, откуда могла исходить потенциальная опасность [1, с. 18].

Однако, несмотря на бытование столь драматических историй, большинство народных повествований о волке все-таки сохранило о нем сведения, как о «положительном персонаже». И эти повествования связаны в Японии с храмовым фольклором. Вероятно, по двум причинам. С одной стороны, в японской народной культуре и народной мифологии существовал культ волка, как одной из ипостасей Бога горы, хранителя местности. Этому в большой степени способствовало само слово «волк», которое по-японски звучит как «ооками» и омонимично словосочетанию «Великое божество». А храмы в большинстве своем строились на/под горой, и потому нуждались в защите Бога горы, который нередко имел облик, в том числе и волка. С другой стороны, встреча с волком, как наиболее простая реализация «встречи с опасностью», служила прекрасным поводом рассказать о героических деяниях японских мифологических героев, значимость которых в народном сознании была такова, что их не трогают даже волки.

В этой связи можно вспомнить народные повествования о встрече с волком японского героя Ямато-такэру, который считается в Японии самым известным мифологическим богатырем, совершившим много замечательных подвигов. И хотя рассказ о его «жизни» был зафиксирован еще в первых письменных памятниках VIII в., на протяжении всей истории образ этого богатыря играл значительную роль в разных сферах жизни Японии, в том числе в религии и народной культуре. Именно поэтому большой корпус историй о нем сохранился в произведениях японского фольклора. Храмовые легенды и мифологические предания о богатыре Ямато-такэру можно встретить практически во всех уголках Японии.

Сюжеты этих фольклорных историй разнообразны, и не всегда в их основе лежит рассказ о подвигах или каких-то значимых деяниях героя. Народная традиция зачастую

стремилась «использовать» имя богатыря как «ссылку на авторитет», что является обязательным условием бытования произведений народной сказочной прозы. В народных повествованиях такого рода, почти всегда привязанных к конкретному топонимическому объекту, важен был сам факт присутствия здесь известного богатыря.

Одним из многочисленных мест, связанных с именем Ямато-такэру, является гора Митакэсан, культ которой сложился как раз во многом благодаря связи с героическими деяниями этого богатыря. Речь идет о части национального горного парка Титибу-Окутама, в состав которого входят гора Митакэ (929 м) и ее окрестности. Формально гора расположена на территории Токио, хотя реально находится в достаточно отдаленной горной лесной местности.

Открытая еще в 736 г., она всегда почиталась как святая. Со временем даже сформировалось такое понятие как *митакэ синко* (культ Митакэ). Однако особой популярностью гора Митакэсан стала пользоваться в эпоху Эдо, то есть в первой половине XVII в., когда начала активно культивироваться легенда о посещении в древности этих мест богатырем Ямато-такэру.

Согласно древнему народному мифологическому сказанию, подъехав к горе Митакэсан, богатырь решил поохотиться. Но гора была покрыта непроходимым лесом и он, потеряв дорогу, долго плутал, пока совсем не выбился из сил. Неожиданно перед ним явился белый волк, который не только не набросился на Ямато-такэру, а стал как бы звать его за собой, указывая дорогу. Так белый волк вывел богатыря из леса и привел к храму. Сочтя, что получил помощь от самого Бога горы, Ямато-такэру провозгласил волка главным божеством местного храма и нарек его Божеством Оокути-магами, что значит Истинное Божество Большой пасти. Под этим именем оно до сих пор почитается в этом храме. При этом использовалось и другое имя — Ооину-сама, что означало «Господин (Божество) Большой собаки». Собака однозначно понималась как волк.

Интересно, что в окрестностях горы Митакэсан бытовал и другой вариант этого народного повествования. В нем речь шла о некоем злом горном духе, который специально заманил Ямато-такэру в лес, желая погубить его. Для этого злой горный дух превратился в белого оленя, который стал убегать от богатыря, завлекая его все глубже и глубже в непроходимую чащу. Когда же силы почти покинули Ямато-такэру, перед ним явился белый волк, который прогнал белого оленя и вывел богатыря из чащи.

В XVII в. история о Ямато-такэру и белом волке привлекла огромное число паломников на гору Митакэсан. Стали считать, что Божество Большой пасти спасает от пожаров, воровства и всяких болезней. Более того, полагали даже, что этот бог оберегает не только свою гору, но и всю равнину Канто, что, естественно способствовало еще большей его популярности.

Вскоре это божество начали изображать на амулетах и оберегах. Правда, со временем животное на рисунке все больше напоминало собаку, причем не белого, а чер-

ного цвета. Эта традиция сохраняется и сегодня. Черная собака-волк считается символом храма Мусаси Митакэ дзиндзя. Ее изображение можно увидеть на вотивных табличках *эма*, на которых прихожане пишут свои просьбы к божеству, на деревянных, бумажных и тканевых амулетах с пожеланием здоровья, долголетия, безопасности в пути, а также на оберегах от бедности и краж.

Как бывает часто с произведениями японской несклочной прозы, они имеют еще и материальное «подтверждение» правдивости рассказа. Так, на горе Митакэсан доказательством истинности событий считаются каменные стражи — «собакольвы» — *комаину*, стоящие за храмом. Там рассказывают, что эти старые каменные изваяния — волки или собаки, а точнее «собаковолки» — и есть прообразы того волка, который спас богатыря Ямато-такэру.

Такие же «собаковолки» охраняют и небольшой, но очень почитаемый храм Ходосан-дзиндзя в горах Титибу в преф. Сайтама. Этот храм находится на горе с удивительным названием — Хотояма (букв. «Гора, где оставили огонь»). Появление этого названия связано еще с одной историей о Ямато-такэру и волке.

На сей раз Ямато-такэру прибыл в эти края и поднялся на гору, желая окинуть взглядом красивые окрестности. И в этот момент неожиданно начался пожар. Огонь бушевал неистово. Спаситься из огня было почти невозможно. И тогда на помощь богатырю прибежала «огромная собака», то есть, вероятно, волк. Эта «огромная собака» вывела Ямато-такэру из огня и тут же исчезла. Как счи-

тается, это был сам Бог горы, и потому на месте встречи богатыря с собакой (волком) был построен храм Ходосан-дзиндзя, основателем которого считается богатырь Ямато-такэру [2, с. 53].

Из приведенных выше примеров понятно, что, согласно народным представлениям, волк, будучи ипостасей Бога горы, нередко выступал как хозяин и защитник леса, в том числе и от пожаров. В этом же качестве, а именно, защищая от пожара окрестности, каменные *комаину*, без сомнения напоминающие волков, с давних пор стояли и стоят до сих пор при входе в горный храм Мицуминэ-дзиндзя, который также находится в горах Титибу в преф. Сайтама. Этот храм, как считается, тоже был основан богатырем Ямато-такэру, которого также спас от пожара волк, именуемый в данном случае «горная собака». В окрестностях этого храма бытовали истории и о том, как волки своим воем предупреждали местных жителей о пожаре [1, с. 84].

То есть совершенно ясно, что образ волка в японской народной культуре не только сложное, но и неоднозначное, собирательное явление. В культе волка переплелись древние представления об опасности — с одной стороны, о Боге горы, о животных заступниках в любом образе — «собакольва», «огромной собаки» или «горной собаки» — с другой. Именно поэтому в зависимости от района бытования и храма волки/собаки/ «собакольвы» могли выступать в качестве защитников от волков, а могли пониматься и как непосредственно сами волки, но защищающие людей от всевозможных невзгод.

Литература:

1. Такуки Ёсимицу. Комаину кагами (Отражение комаину). Токио, 2006.
2. Таникава Кэндзи. Нихон-но камигами. Дзиндзя то сэйти (Японские синтоистские божества. Храмы и святые места). В 13-и тт. Т. 11. Токио, 1984.
3. <http://enjoo.com/komaken/kaiin/amagi1.htm>
4. <http://www4.city.kanazawa.lg.jp/>

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Семантические доминанты пейзажных описаний в произведении Ж. Верна «Дети капитана Гранта»

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент;
Щербакова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Исследование семантических доминант пейзажных описаний с применением метода графосемантического моделирования включает в себя несколько этапов: сбор материала, компонентный анализ, объединение компонентов в поля по признаку их семантической общности, полевый анализ, подсчет всех комбинаций полей, определение силы связей между полями, построение модели и ее интерпретация.

В данном исследуемом произведении методом сплошной выборки текста выделено 417 контекстов, содержащих авторские пейзажные описания объемом в одно или несколько предложений. Например, «*Lord Glenarvan et lady Helena vivaient heureux à Malcolm-Castle, au milieu de cette nature superbe et sauvage des Highlands, se promenant sous les sombres allées de marronniers et de sycamores, aux bords du lac où retentissaient encore les pi-brochs du vieux temps, au fond de ces gorges incultes dans lesquelles l'histoire de l'écosse est écrite en ruines séculaires. Un jour ils s'égarèrent dans les bois de bouleaux ou de mélèzes, au milieu des vastes champs de bruyères jaunies; un autre jour, ils gravissaient les sommets abrupts du Ben Lomond, ou couraient à cheval à travers les glens abandonnés, étudiant, comprenant, admirant cette poétique contrée encore nommée »le pays de Rob-Roy«, et tous ces sites célèbres, si vaillamment chantés par Walter Scott. Le soir, à la nuit tombante, quand »la lanterne de Mac Farlane« s'allumait à l'horizon, ils allaient errer le long des bartazennes, vieille galerie circulaire qui faisait un collier de crêneaux au château de Malcolm, et là, pensifs, oubliés et comme seuls au monde, assis sur quelque pierre détachée, au milieu du silence de la nature, sous les pâles rayons de la lune, tandis que la nuit se faisait peu à peu au sommet des montagnes assombries, ils demeuraient ensevelis dans cette limpide extase et ce ravissement intime dont les cœurs aimants ont seuls le secret sur la terre» [1].*

Далее из контекстов выделено 1252 семантических компонента, участвующих в создании картин природы. Наибольшее количество компонентов в рамках одного поля — 26, наименьшее — 1.

По результатам проведения полевого анализа все элементы распределены по 11 семантическим полям: «характеристика местности», «описание водоемов», «описание рельефных форм», «человек и природа», «описание рас-

тительности», «погодные условия», «животные на фоне пейзажа», «описание неба и небесных светил», «звук как часть пейзажа», «временные рамки», «описание поселений» (Таблица 1).

Данные таблицы отражают разный удельный вес семантических полей в связи с разным количеством компонентов в их составе. Определив удельный вес каждого семантического поля, мы проанализировали наиболее значимые из них. Наиболее значимым в исследуемом произведении является семантическое поле «характеристика местности», удельный вес которого составляет 16.9%. В картинах природы Жюль Верна превалирует описание различных типов местности, наполненное многочисленными деталями. Так, материальным окружением персонажей послужили живописные панорамы рек, долины, покрытые богатыми дичью лесами, плодородные пастбища, песчаные пустыни (*panoramas splendides; des forêts riches en gibier; le fertile territoire de l'Araucanie, riche en vignes et en troupeaux; une grande quantité de dunes de sable appelées «medanos»*).

Следующими по значимости в анализируемом произведении являются семантические поля «описание водоемов» (удельный вес 16.3%) и «описание рельефных форм», элементы которых сопровождают героев романа на протяжении всего повествования и играют для них жизненно важную роль (*On boit l'eau des torrents dans la montagne, l'eau des ruisseaux dans la plaine; les sommets du nord et de l'est disparaissaient dans les ténèbres; un massif, large de plusieurs milles, se déplaçait tout entier et glissait vers la plaine*). Семантические элементы этих полей отражают противостояние сил природы и живого существа, показывают насколько ничтожен человек в своем стремлении подчинить себе природный мир. Тем не менее, побеждает стремление человека выжить в критических ситуациях, олицетворяемых природными катастрофами и суровыми условиями неизведанных уголков планеты.

Высокий удельный вес семантического поля «человек и природа» свидетельствует о том, что именно люди являются главными героями произведения. Группа искателей приключений отправляется на поиски потерпевшего кораблекрушение капитана Гранта и его уцелевшей команды. Как отдельные элементы пейзажной картины, так и пол-

Таблица 1

Удельный вес семантических полей в произведении Жюль Верна «Les enfants du capitaine Grant»

Название семантического поля	Удельный вес поля, %
Характеристика местности	16.9
Описание водоемов	16.3
Описание рельефных форм	10.8
Человек и природа	10.4
Описание растительности	9.4
Погодные условия	9.1
Животные на фоне пейзажа	6.3
Описание неба и небесных светил	4.8
Звук как часть пейзажа	3.9
Временные рамки	3.7
Описание поселений	3.6

ноценные описания природы неизменно сопутствуют героям, сказываясь, прежде всего, на их физическом состоянии (*glacés par l'air froid qui les pénétrait, aveuglés par les tourbillons de neige, ils haletaient, anéantis, presque inanimés, et ne s'accrochaient aux rocs que par un suprême instinct de conservation*); путешествие по неизвестным уголкам планеты оставляет неизгладимое впечатление у всех участников экспедиции (*C'était un éblouissement de voir les rocs et les glaciers baignés dans cette irradiation de l'astre du jour; le spectacle devenait splendide; Paganel et Glenarvan seraient restés longtemps à contempler cette lutte magnifique des feux de la terre et des feux du ciel*).

Семантические поля «описание растительности» и «погодные условия» являются сходными по количеству семантических компонентов в своем составе (удельный вес 9.4% и 9.1% соответственно). Растительные элементы пейзажа — деревья и кустарники, травы и цветы, являются неотъемлемой частью почти всех картин природы (*toute espèce d'arbres épineux dont la maigreur trahissait déjà l'infertilité du sol; un bouquet de myrtes géants; l'herbe épaisse de la prairie*). Чуть меньше внимания автор уделяет на описании погодных явлений, что, однако, не уменьшает значимости этих компонентов в создании картин окружающей природы. Прежде всего, влияние погодных явлений сказывается на физическом состоянии персонажей и их настроении (*une belle brise du nord; le temps était affreux; les passagers du Duncan se virent donc consignés sous la dunette, pendant que la mer et le ciel mêlaient leurs eaux dans une inexprimable confusion*). Элементы данного семантического поля находят отражение в описаниях других компонентов природы — водных пространств, растительности, небесных светил, рельефных форм (*la mer fut assez houleuse; le ciel de ce pays n'a pas un nuage de novembre à mars; aux terribles rochers du cap Horn, incessamment visités par les ouragans et les tempêtes*).

Удельный вес семантического поля «животные на фоне пейзажа» составляет 6.3%. Большое внимание автор уделяет деталям в описании животного мира произведения. Можем сказать, что отдельные его представители явля-

ются второстепенными персонажами романа, которые, будучи спутниками искателей приключений, разделяют с ними все тяготы опасного путешествия (*C'était le lama, animal précieux des montagnes, qui remplace le mouton, le bœuf et le cheval, et vit là où ne vivrait pas le mulet; l'animal était d'une beauté parfaite, sa couleur brune indiquait une bête de fond, fière, courageuse et vive; les chevaux s'arrêtèrent au bord d'un vaste lac*).

Семантические компоненты поля «описание неба и небесных светил» занимают 4.8% от общего удельного веса. Автор восхищается красотой ночного неба, освещенного миллионами мерцающих звезд; завораживают картины восхода и заката солнца (*le ciel se constella d'étoiles brillantes; le soleil, dépouillé peu à peu de ses lueurs crépusculaires, disparaissait comme un astre éteint dans les ombres de l'horizon; le ciel aura repris sa pureté habituelle*). Однако, семантические компоненты этого поля занимают второстепенную позицию в описании окружающей природы и несут в себе лишь дополнительную смысловую нагрузку.

Удельный вес семантического поля «звук как часть пейзажа» составляет всего 9.3%, поскольку в процессе создания словесных картин природы автор практически не использует звуковые элементы. Следовательно, семантические элементы этого поля лишь добавляют некоторые штрихи к общему описанию природы (*Les hurlements, — des hurlements de bêtes effarées, — redoublaient; des grondements éloignés, sourds, menaçants, comme les roulements d'un tonnerre qui ne viendrait pas du ciel*).

Наименьшим удельным весом обладают семантические поля «временные рамки» и «описание поселений» (удельные вес 3.7% и 3.6%). Элементы этих семантических полей не несут в себе особой смысловой нагрузки и используются автором, чтобы информировать читателя где и когда происходит событие (*la ville, élevée sur une plaine en forme de terrasse; le fort Ballenare apparut sur un roc à pic qu'il couronnait de ses courtines démantelées; le soir, à la nuit tombante; une admirable journée se préparait*).

Семантические поля «характеристика местности», «описание водоемов», «описание рельефных форм», «че-

ловек и природа» и «погодные условия» являются частью композиционной системы художественного произведения: длительное и утомительное путешествие полно опасностей — героям приходится пересекать океаны и моря, преодолевать непреступные горы, претерпевать различные трудности, обусловленные суровыми условиями незнакомой природной среды, такие как землетрясение и извержение вулкана или наводнение. Описание окружающей природы неизменно сопровождает перемещения всех действующих лиц произведения. Роль семантических компонентов этих полей крайне важна при анализе проблематики произведения, в особенности в раскрытии внутреннего мира героев романа.

Таким образом, по результатам полевого анализа выделено четыре наиболее значимых семантических поля, чьи компоненты участвуют в создании пейзажных описаний в научно-фантастическом романе Жюль Верна «Les enfants du capitaine Grant»: «характеристика местности», «описание водоемов», «описание рельефных форм», «человек и природа» и «погодные условия».

На следующем этапе исследования построена графосемантическая модель, отражающая сущностные черты пейзажных описаний в научно-фантастическом романе Жюль Верна «Les enfants du capitaine Grant». (Рисунок 1).

Основываясь на данных Таблицы 1 и Рисунка 1 можем сделать вывод, что ядро полученной графосемантической модели формируют семантические поля «описание

водоемов» и «человек и природа», поскольку образуют сильную связь между собой и большое количество сильных связей с другими полями модели (по 10 связей, из них 6 и 5 — сильные). Наличие или отсутствие водных ресурсов непременно влияет на жизненное состояние человека, сказывается на окружающей местности, определяя ее растительный и животный мир, изменяет характер рельефа. Поскольку главными персонажами произведения является группа путешественников, семантическое поле «человек и природа» также входит в ядро модели.

Центральную позицию также занимает семантическое поле «животные на фоне пейзажа», образуя 9 связей с другими компонентами модели, из которых 6 являются сильными. Это свидетельствует о том, что животные являются неотъемлемой частью картин изображенной в романе природы. Животный мир произведения чрезвычайно богат, и некоторые его представители тоже становятся участниками происходящих событий.

Семантические поля «погодные условия» и «описание рельефных форм» удалены от центральных позиций модели, поскольку образуют также по 9 взаимосвязей с другими семантическими полями, но уже с меньшим количеством сильных связей — по 4. Это объясняется тем, что семантические элементы данных полей менее значимы в анализе исследуемого произведения. Поле «погодные условия» тесно связано с полями «животные на фоне пейзажа», «описание неба и небесных светил», «описание

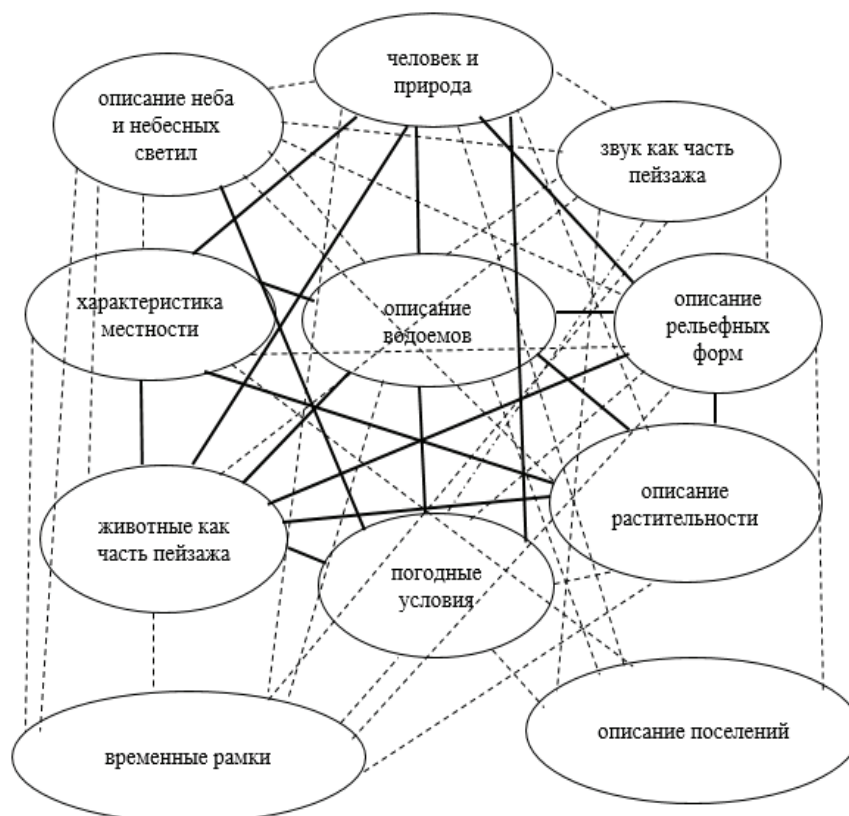

Рис. 1. Графосемантическая модель семантического пространства пейзажного описания в произведении Жюль Верна «Les enfants du capitaine Grant»

водоемов» и «человек и природа». Поле «описание рельефных форм» находит отражение в элементах полей «человек и природа», «описание растительности», «описание водных пространств», «животные на фоне пейзажа».

Несмотря на меньшую валентность, поля «описание растительности» и «характеристика местности» образуют сильную связь между собой и по 4 сильные взаимосвязи с семантическими полями «природа и человек», «животные как часть пейзажа», «описание водоемов» и «описание рельефных форм». Это свидетельствует о том, картины природы, на фоне которых писатель изображает те или иные события, состоят из нескольких важных компонентов и множества дополнительных деталей.

Семантические поля «описание неба и небесных светил», «временные рамки», «звук как часть пейзажа» и «описание поселений» находятся на периферии полученной графосемантической модели и, несмотря на высокую валентность, образуют преимущественно слабые взаимосвязи с другими ее компонентами, поскольку семантические элементы этих полей носят информативный характер и играют служебную роль в произведении.

Принадлежность произведения к художественному стилю, цель которого — с помощью выразительных средств создать неповторимый художественный образ и воздействовать на духовное пространство читателя, обусловило образование между семантическими полями большого количества взаимосвязей с сильными связями. Наличие большого

количества взаимодействий, образованных между семантическими единицами одного поля (например, 80 в рамках семантического поля «характеристика местности», 65 в рамках поля «описание водоемов», 59 в рамках поля «описание рельефных форм») свидетельствует о подробном описании автором объектов окружающей природы, наполненном множественными деталями. Отсутствие полей-посредников и тупиковых полей свидетельствует о том, что все семантические компоненты тесно связаны друг с другом и совместно участвуют в образовании пейзажных описаний.

Таким образом, согласно представленной графосемантической модели, основную смысловую нагрузку в раскрытии семантических характеристик пейзажного описания в научно-фантастическом романе Жюль Верна «Les enfants du capitaine Grant» несут семантические поля «характеристика местности», «описание водоемов», «человек и природа», «описание рельефных форм», «животные на фоне пейзажа». С помощью семантических элементов в составе этих полей автор раскрывает проблемы взаимоотношения человека и окружающего мира, затрагивает вечные темы противостояния личности судьбе, любви и добродетели. Большое количество значимых семантических полей обуславливается композицией произведения, в котором преобладает описание с выраженным психологизмом повествования. Указанные семантические поля являются доминантами семантического пространства пейзажного описания в исследуемом произведении.

Литература:

1. Les enfants du capitaine Grant [Электронный ресурс]. URL: http://bookscafe.net/read/verne_jules-les_enfants_du_capitaine_grant-261171.html# (дата обращения: 25.08.2017).

К вопросу о сарм. 2 и 2b у Катулла

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

Среди стихотворений Катулла есть фрагмент 2b, который представляет особый интерес для изучения. В научном сообществе представлены две точки зрения: одни исследователи творчества поэта считают 2b частью стихотворения 2, другие ученые убеждены в его самостоятельном характере. В статье автор анализирует доводы сторонников обеих точек зрения и приходит к собственному выводу.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, сармен 2, сармен 2b.

Стихотворения Катулла, латинского поэта I в. до н.э., родившегося в Вероне около 87 г. до н.э., дошли до нашего времени в виде сборника, содержащего в себе три части: полиметры, которые написаны различными лирическими размерами (стихотворения 1–60), их вслед за поэтом называют «безделками» (*pucae*); большие произведения — «ученые поэмы» (*sarmina docta*): эпиллии, эпиграмм, элегии, послание (стихотворения 61–68); и «эпиграмм», короткие стихотворения в элегических двустопиях (стихотворения 69–116).

Однако сборник стихотворений Катулла, как известно, составлен не самим поэтом, а приобрел тот вид, в котором мы его знаем, уже после смерти автора стихов. Об этом свидетельствует ряд фактов: например, что касается порядка стихотворений, они собраны в соответствии с метрическими особенностями, а хронологический и содержательный аспекты не учитываются. Кроме того, обращает на себя внимание различная степень «шлифовки» стихотворений, а также тот факт, что некоторые тексты дошли в искаженном виде.

Так, в сборнике за стихотворением 2 следует фрагмент 2b. Дискуссии о том, считать ли их единым целым или двумя разными стихотворениями, не угасают до сих пор. Рукописная традиция не способствует решению этой проблемы: в ныне утраченном Веронском кодексе сагм. 2, 2b и 3 были записаны подряд без пробелов под заглавием *Fletus passeris Lesbiae* [10; 12, p. 421]; в Оксфордской рукописи обнаруживаются некую отметку после 2, 10, которая означает, что неизвестный читатель отделил стихи 2, 1–10 от 2, 11–13 (т.е. от сагм. 2b); такой же знак разделяет 2, 13 и 3, 1. Однако аналогичная помета стоит и после 2, 7, что мешает считать надежными упомянутые ранее знаки [10]. В связи с этим издатели делят текст, опираясь на смысл, стилистические характеристики и собственные построения. В научной литературе обозначено несколько способов решения этой проблемы.

Некоторые издатели печатают эти строки единым текстом; среди них есть такие, кто считает, что текст сагм. 2, 1–13 можно оставить без изменений, и такие, кто вслед за Лахманом обозначают лакуну после сагм. 2, 10. К примеру, Э. Т. Меррилл [16, p. 5] и Х. Деттмер [4] защищают единство двух текстов, проводя параллель между сагм. 2, 1–13 и сагм. 65, где также во второй части текста присутствует развернутое сравнение, в котором фигурирует яблоко. По мнению Дж. Инглхат [11], сагм. 2 и 2b объединены аллюзиями на стихи Сапфо «К Афродите» (*Sapph. fr. 1 Voigt*), где описывается золотая колесница, запряженная воробьями, в которой богиня прибывала к лирической героине; такая трактовка не кажется нам убедительной, так как *passer* у Катуллы не перекликается с воробьями (*στρουθοί*), которые везут колесницу Афродиты.

С. Харрисон тоже считает сагм. 2 и сагм. 2b синтаксическим и тематическим целым. Однако, по его мнению, чтобы читать текст, не предполагая лакуны, нужно заметить *gratum est* (2b, 1) на *gratum es!*: тогда *gratum* будет выступать в роли субстантивированного прилагательного в предикативной позиции («you are such a pleasant thing to me...»). Харрисон объясняет связь сагм. 2 и 2b тем, что птенчик как подарок для возлюбленной связан с яблоком: золотой плод открыл Гиппомене дорогу к ложу Аталанты, а птичка (и стихотворение о ней) должны даровать лирическому герою любовь Лесбии [10]². Однако, во-первых, в сагм. 2b речь идет все-таки не о Гиппомене, а об Аталанте; во-вторых, Катулл *сейчас* осознает, что *passer* ему мил, а Аталанта поняла всю ценность золотого яблока уже *post factum*, поэтому сравнение птенчика с яблоком кажется натянутым.

Те ученые, которые стремились присоединить сагм. 2b к сагм. 2, но видели трудность в конъюнктиве *possem* (2,

9), не сочетающимся с индикативом *est* (2b, 1), заменяли *possem* на *possum*, *posse* и даже *passer*³.

Кроме того, некоторые сторонники единства сагм. 2 и 2b предлагали менять строки местами. Так, Дж. С. Филлимор, внося некоторые поправки в текст, помещает сагм. 2b после 2, 7, считая, что это трехстишие представляет собой слова Лесбии, обращенные к птенчику. Отсутствие глагола говорения он объясняет лакуной в один стих после сагм. 2, 7, где можно предположить следующий текст «*“Passer, deliciae meae”, inquit illa*» [20]. Дж. Око предлагает такую последовательность: 2, 1–6; 2b, 1–2; 2, 7; 2b, 3; 2, 8–10 [17]. Л. Т. Пирси считает правильным переместить сагм. 2b после 2, 8 [19]. Но, пожалуй, с самым оригинальным предложением выступил Д. А. Слейтер, считающий рукописный текст испорченным настолько, что его позволительно переписать заново. В результате у Слейтера получился «*Passer*», весьма отдаленно напоминающий исходный вариант [23, p. 122–125].

Представители другой точки зрения считают сагм. 2b самостоятельным стихотворением. Так, М. Джонсон видит в цикле про *passer* трехчастную структуру: «ухаживание» (сагм. 2), «свадьба» (сагм. 2b) и «брак» (сагм. 3) [13, p. 11]. Основательные аргументы в пользу того, что сагм. 2 и фрагментарное сагм. 2b — разные стихотворения, приводит Д. Ф. С. Томсон: во-первых, сагм. 2 структурно завершено, и его развязка заключена в последних двух стихах; во-вторых, синтаксическую переменную времен (*possem* <...> *gratum est*) до сих пор не удалось адекватно объяснить; в-третьих, элемент внезапности (падение яблока в истории об Аталанте и Гиппомене) возможен в сагм. 2b, но никак не вписывается в сагм. 2, так как там Катулл изображает целиком статичную ситуацию. Кроме того, вероятно, что то стихотворение, фрагментом которого является сагм. 2b, было вставлено между двумя частями цикла о птенчике — подобно тому, как сагм. 6 разделяет стихотворения о поцелуях (сагм. 5 и 7) [24, p. 205–206]⁴. Последний аргумент можно дополнить: помимо диптиха сагм. 5 — сагм. 7 аналогичную ситуацию мы наблюдаем в сагм. 37 — сагм. 39 и сагм. 41 — сагм. 43.

Итак, мы рассмотрели основные точки зрения на вопрос о том, как идентифицировать фрагмент 2b сборника Катуллы: одни исследователи расценивают сагм. 2 и 2b как единое целое (среди них есть такие, кто полагает, что текст сагм. 2, 1–13 можно оставить без изменений, и такие, кто обозначают лакуну после сагм. 2, 10); другие видят в сагм. 2b самостоятельное стихотворение. Наиболее убедительные, на наш взгляд, доводы в пользу последнего приводит Томсон; присоединяясь к нему, мы считаем сагм. 2b фрагментом из неизвестного стихотворения, не имеющего отношения к диптиху о птенчике Лесбии.

¹ Такую конъектуру уже предлагал Дж. С. Филлимор [20, p. 218].

² Так же: [5, p. 6; 6; 2; 3; 25; 9, p. 236].

³ Обзор конъектур см.: [15, p. 166].

⁴ Та же точка зрения: [15; 7, p. 91; 1]. К. Квинн не выделяет 2b, а печатает текст как бы с лакуной, но в комментарии объясняет, что считает последние три строки фрагментом совсем другого стихотворения [21, p. 95–96]. В некоторых старых изданиях (например: [22, ad loc.; 8, ad loc.) сагм. 2b объединено с сагм. 14b, что вызвало закономерные возражения (14, S. 5; 18, p. 12).

Литература:

1. Bishop J. D. Catullus 2 and Its Hellenistic Antecedents // *Classical Philology*. — 1966. — Vol. 61. — P. 158–167.
2. Braunlich A. F. Against Curtailing Catullus' «Passer» // *The American Journal of Philology*. — 1923. — Vol. 44. — P. 349–352.
3. Brotherton B. Catullus' Carmen II // *Classical Philology*. — 1926. — Vol. 21. — P. 361–363.
4. Dettmer H. Catullus 2B from a Structural Perspective // *Classical World*. — 1984. — Vol. 78. — P. 107–110.
5. Catulli Carmina / Rec. brevique and. crit. instr. R. Ellis. — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1904. — xii, 126 p.
6. Fay E. W. Catullus Carmen 2 // *Classical Philology*. — 1913. — Vol. 8. — P. 301–309.
7. Fordyce C. J. Catullus: A Commentary. — Oxford: Oxford University Press, 1961. — 447 p.
8. Catulli Veronensis Liber / Erkl. von G. Friedrich. — Leipzig; Berlin: Teubner, 1908. — 560 S.
9. Catullus / Ed. with introd., transl., and notes by G. P. Goold. — London: Duckworth, 1983. — vi, 264 p.
10. Harrison S. Sparrows and Apples: The Unity of Catullus 2 // *Scripta classica Israelica*. — 2003. — Vol. 22. — P. 85–92.
11. Ingleheart J. Catullus 2 and 3: A Programmatic Pair of Sapphic Epigrams? // *Mnemosyne*. 4 ser. — 2003. — Vol. 56. — P. 551–565.
12. Jocelyn H. D. On Some Unnecessarily Indecent Interpretations of Catullus 2 and 3 // *The American Journal of Philology*. — 1980. — Vol. 101. — P. 421–441.
13. Johnson M. Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // *The Classical Journal*. — 2003. — Vol. 99. — P. 11–34.
14. C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. — Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. — xii, 299 S.
15. McDaniel W. B. Catullus IIb // *The Classical Quarterly*. — 1908. — Vol. 2. — P. 166–169.
16. Catullus / Ed. E. T. Merrill. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. — I, 273 p.
17. Oko J. L'ode de Catulle sur le Passereau (carm. 2) // *Eos*. — 1928. — Vol. 31. — P. 79–86.
18. Oksala P. Adnotationes criticae ad Catulli carmina. — Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1965. — 118 p.
19. Percy L. T. Catullus 2B: Or Not 2B? // *Mnemosyne*. 4 ser. — 1980. — Vol. 33. — P. 152–162.
20. Phillimore J. S. Catull. Carm. II // *Classical Philology*. — 1910. — Vol. 5. — P. 217–219.
21. Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. — London: Macmillan Classical Series, 1973. — xli, 460 p.
22. C. Valeri Catulli Liber: Les poésies de Catulle / Trad. en vers français par E. Rostand. Avec un comm. crit. et expl. par E. Benoist et É. Thomas. — Paris: Hachette, 1882. — lxxix, 836 p.
23. Slater D. A. Catulliana // *The Classical Quarterly*. — 1913. — Vol. 7. — P. 122–128.
24. Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. — Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2003. — xii, 578 p.
25. Wagenvoort H. De Catulli carmine secundo // *Mnemosyne*. 3 ser. — 1940. — Vol. 8. — P. 294–298.

Функционально-семантические особенности использования имен собственных в поэтических текстах Николая Алешкова

Павлова Виктория Геннадиевна, кандидат филологических наук, учитель
МАОУ «Лицей № 78 имени А. С. Пушкина» г. Набережные Челны

Исследуя ономастикон поэтических текстов Николая Алешкова, мы выявили 1200 онимов, которые были использованы поэтом. В своем подавляющем большинстве (680 единиц) они относятся к антропонимам.

В ономастическом пространстве рассматриваются классификации имен собственных по различным признакам. Для текста оказывается важна классификация, позволяющая отобразить имя собственное как структурный элемент художественного текста. Для исследования антропонимов в поэтических текстах Николая Алешкова необходимо обратиться к словарю, наиболее полно отражающему предпочтения русских поэтов на-

чала прошлого века. Мы использовали «Словарь русской поэзии XX века: Словарь личных имен» [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2001: 20], в котором представлено описание проприальных единиц, совпавшее с нашим видением классификации. Данную типологию собственных имен мы взяли за основу, так как считаем, что язык поэзии XX века наиболее приближен к языку поэтических текстов автора, к его идиолекту. Нами рассмотрены элементы ономастикона стихотворений Николая Алешкова: а) имена реальных лиц 64% (434 единицы) — личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища. В стихотворениях Николая Алешкова обилие

реальных антропонимов: *Борис Годунов, Гришка Распутин, Сталин* и др.; б) имена вымышленных лиц (нереальных) 21% (143 единицы) — литературных героев, мифологических имен, фольклорных персонажей, например: *Афродита, Добрыня, Иван-дурак* и др.; в) теонимы 2% (13 единиц) — имена божеств в политеистических религиях, например: *Фемида, Эрос* и др.; г) культонимы (культовые имена) 9% (61 единица) — *Бог, Всевышний* и др.; д) агнионимы 4% (29 единиц) — имена, связанные с монотеистическими религиями, например: *Адам, Иоанн* и др.

Обратимся при этом к некоторым теоретическим положениям, ссылку на которые важно сделать при изложении этой части материала.

Очевидно, что имена существительные, кроме референтного значения, имеют еще и вторичное. В художественном тексте антропонимы становятся актуализаторами его смысловой наполненности, являются связующим элементом реалий авторского мира поэта: воспоминаний, исторической реальности, культурного пространства.

Исследуемый антропонимикон формирует интегративную систему языковых единиц для создания художественных произведений с закономерностями функционирования антропонимов в произведениях автора.

В ономастическом пространстве поэзии Николая Алешкова нами выделены и рассмотрены *имена реальных лиц*, которые обладают высокой частотностью, имеют сильную позицию в тексте, выявленную в ходе анализа его произведений, и являются изобразительным и хронотопоформирующим средством поэзии автора. Исследуемые антропонимы — важная смысловая и текстопорождающая единица, смысловая веха в организации поэтического произведения.

Подгруппа антропонимов, включающая *имена литературных деятелей, писателей, поэтов*, является самой многочисленной из всех обнаруженных в анализируемых поэтических текстах автора. Она представлена 127 единицами. Это имена русских, татарских и европейских литературных деятелей, писателей, поэтов, которые в текстовом пространстве Николая Алешкова становятся компактным и сжатым источником историко-культурологической информации: *Белла Ахмадулина, Анна Ахматова, Александр Блок, Андрей Вознесенский, Максимилиан Волошин, Владимир Высоцкий, Лилия Газизова, Александр Герцен, Герман Гессе, Александр Грин, Сергей Есенин, Михаил Лермонтов, Булат Окуджава, Григорий Поженян, Александр Пушкин, Николай Рубцов, Игорь Северянин, Александр Твардовский, Василий Тредиаковский, Хасан Туфан, Василий Шукшин, Поль Элюар, Антуан де Сент-Экзюпери* и др.

Большинство антропонимов этой подгруппы используется поэтом однократно, но встречаются такие, которые употребляются в сильной позиции и обладают высокой частотностью: *Антуан де Сент-Экзюпери, Лилия Газизова, Александр Герцен, Александр Грин, Максимилиан Волошин, Владимир Высоцкий, Сергей Есенин, Булат*

Окуджава, Николай Рубцов, Василий Тредиаковский, Василий Шукшин.

Отметим особый интерес Николая Алешкова к творчеству *Сергея Есенина* как основателя нового литературно-художественного течения в русской поэзии XX века — имажинизма (под *имажинизмом* мы понимаем «декадентское литературное направление в английской, американской и русской поэзии начала XX в., утверждающее, что цель творчества состоит в создании отдельного образа» [4], на что указывает частота употребления антропонима (14 текстов и 18 словоупотреблений). Заметим, что анализируемый нами антропоним употреблен в заглавии стихотворения, что указывает на сильную позицию в тексте данной ономастической единицы [5, с. 89]. Так, антропоним, употребленный в заглавии, является «надтекстом», «минитекстом», с которого начинается декодирование смысла произведения. Антропоним *Есенин* употребляется автором в качестве посвящения (1 раз), в качестве эпитафии к разным стихотворениям (6 раз) и в самом тексте (10 раз).

Безусловно, *Есенин* — прецедентное имя, на что указывает использование Николаем Алешковым именование русского поэта в основном только через фамилию 10 раз. Встречается употребление двусоставного антропонима (5 раз) и единичное употребление антропонимической единицы *С. Есенин*. Также на прецедентность указывает и то, что автор ставит его в один ряд с именами таких известных личностей, как *Пушкин, Рубцов*.

Прецедентное имя *Есенин* сопровождает Николая Алешкова на протяжении всего творческого пути. Уже в раннем периоде его творчества имя собственное Есенин служит образцом поэтического вдохновения автора («Билось сердце его обнаженное, в нервном пульсе билось стихами») в стихотворении «Сердце поэта» [2, с. 13], посвященном «Памяти Сергея Есенина».

В стихотворении «В Константинове», где на родине поэта «под тальянку песня пелась, а в песне той звенела Русь», антропоним *Сергей Есенин*, выступая в номинативной функции, служит для создания целостной картины «праздника возвращения к родной бревенчатой избе»: Возникли в музыке осенней/черты знакомого лица,/ как будто встал *Сергей Есенин/у* деревянного крыльца [2, с. 34].

В контексте антропоним *Сергей Есенин* создает зримый образ поэта, чья судьба неотделима от его малой родины и России.

Именем собственным *Есенин* сопровождаются рассуждения поэта о «тайне творчества» в разделе «Упасть зерном» в стихотворении «Нескладухи»: *Есенин* не писал о хлеборобах. /Писал — чудак! — о собственной душе.../ Но вот что интересно — хлеборобы/ *Есенина* читают, нас — увь... [2, с. 98]

Первый раз антропоним *Есенин* употребляется с апеллятивом «чудак» в значении «тот, чье поведение отличается странностями, чьи поступки вызывают недоумение, удивление» [4], который передает эмоциональную

оценку объекта, с непроизводным простым междометием *увы*, выражающим эмоциональное состояние поэта, сожаление. Второй образует метонимический перенос, что устанавливается благодаря предикату-клише *Есенина читают* (то есть читают его стихи, произведения). Таким образом, антропоним выполняет экспрессивную функцию, эксплицируя элемент «сожаление» через интенцию поэта.

В стихотворении «Привет, Москва!», где «сплошь чужие лица», показано отношение Николая Алешкова к «нерусской столице»: Застыли Пушкин и *Есенин*,/как чужестранцы на Тверском [2, с. 228].

Объединяющая двух поэтов формула «Пушкин и Есенин» воспроизводит реалии сегодняшнего дня: Москва! Как мало в этом звуке /осталось русского. Увы... [там же].

Образность контексту придает сравнение. Логическая структура тропа в данном стихотворении представлена следующими элементами: элемент *A* является предметом сравнения (в качестве предмета сравнения выступает метонимическое сочетание *застыли Пушкин и Есенин*, следует отметить, что речь идет о памятниках Пушкину и Есенину) и обозначает объект, свойства которого автор выясняет с помощью сопоставления с другим объектом; второй объект является элементом *B* в структуре сравнения, представляя собой эталон сравнения (*чужестранцы*). Так, контекстуальные партнеры — *чужестранцы* в значении «граждане какой-то страны по отношению к другой стране» [4], *застыли* в значении «стали неподвижными» [там же] актуализируют авторскую сему «чужой» в содержании рассматриваемой единицы и эксплицируют не только номинативную, но и экспрессивную функции.

В строчках, посвященных «Алексею Кознову, односельчанину, поэту, музыканту» фамильный антропоним *Есенин* в однородной конструкции с именами собственными *Рубцов, Пушкин* выполняет коммуникативно-стилистическую функцию, где имя является способом указания на персонаж: Нам Рубцов, *Есенин*, Пушкин/откликаются в веках [2, с. 251].

Обращает на себя внимание порядок употребления имен собственных, что связано с позицией рифмы.

Стихотворению «Эта тяга к открытым пространствам» [Алешков 1988: 44] предшествует эпиграф «...Что, любя, проклинал не один. *Сергей Есенин*». Двухименный антропоним служит средством связи времен и памяти поэта («Все больше, Россия, с годами и такого тебя узнавать»). Антропоним *Сергей Есенин* в эпиграфе «Никогда я не был на Босфоре, Ты меня не спрашивай о нем...» [1,

с. 67] подчеркивает тот факт биографии Николая Алешкова, что «никогда (он) не был за границей».

Эпиграфом к главе «Блудный сын» в поэме «Орловское кольцо» имя *Сергей Есенин* используется в эпиграфе «к тридцати годам перебежась...».

Намечается общее в судьбах поэтов: Несется поезд. Жизни половина/осталась за спиной. Погоди!/Нет у тебя ни друга и ни сына,/и неизвестно — что там, впереди [там же].

Неустроенность, неопределенность («К очагу семейному на выстрел тебе уже давно заказан путь», «Мать писем ждать твоих устала») передается стихами Сергея Есенина, которого тоже, как и Николая Алешкова, «другим на родине запомнили — веселым, откровенным, молодым». /Я твой срок земной, *Есенин*, прожил дважды. /В третий раз хочу поспеть./Ты один помазанником Божьим/за Христом с рожденья шел на смерть [3, с. 76].

В цитируемом контексте через антропоним *Есенин* проступает оценочно-экспрессивная коннотация: наличие перед именем собственным лично-притяжательного местоимения *твой*. Через личное местоимение *ты* открывается функция антропонима *Есенин* как идентификатора «своего». Так, антропонимом *Есенин* в данном контексте передается глубинная сема-эксplikатор авторского отношения к герою — «друг». Через словосочетание *помазанник Божий* прослеживается почтительное обращение и уважение Николая Алешкова к Есенину. Таким образом, антропоним *Есенин* для поэта — это имя собственное, называющее единомышленника, друга. Данная антропонимическая единица выполняет характеризующую функцию.

Отметим, что контексты с антропонимами *Есенин, Сергей Есенин, С. Есенин* обладают высокой коннотативной наполненностью, контекстуальной многофункциональностью, что позволяет отнести антропоним к разряду поэтонимов текста Николая Алешкова.

Мы не выявили в поэтических произведениях автора трехсоставного официального имени *Сергей Александрович Есенин*. Это позволяет прийти к выводу о том, что поэт воспринимает Есенина как соратника по творчеству, несмотря на разность эпох.

Отбор антропонимов в конкретные поэтические произведения осуществлялся автором мотивированно, в соответствии с замыслом. Антропонимы в поэзии Николая Алешкова приобретают коннотации согласно авторской интенции. Избирательный подход в употреблении антропонимов относится к идиостилевым чертам поэта.

Литература:

1. Алешков Н. П. Орловское кольцо. Стихи, поэма. — Казань, Татарское книжное издательство, 1988. — 86 с.
2. Алешков Н. П. Сын Петра и Мариши. Стихи. — Казань: Татарское книжное издательство, 2005. — 287 с.
3. Алешков Н. П. Свет небесный: Стихотворения. — М.: «Московский писатель», 2007. — 128 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL.: <http://enc-dic.com/efremova/> (дата обращения 25.07.2015).
5. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. — М., 1999. — 192 с.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

The word order in the affirmative sentence in the English and Spanish languages

Ayrapetyan Angelika Georgievna, assistant professor;
Pronkina Angelina Andreevna, student
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Word order plays an important role in the expression of mother tongue. For creation of the sentence are used specific rules a sequence of components of the statements characterizing one or another language. For a long time the problem of the syntactic typology of the language, and, in particular, the typology of word order was ignored. A dominant role in the description of the grammar was given to the study of the morphological features of the language. The first works devoted to the typology of word order began to appear relatively recently (in the first half of the XX century). Founders of research in the field of linguistics are V. Shmidta, L. Tenera, J. Greenberg, as well as their followers A. A. Holodovicha, V. M. Alpatova, Yu. V. Rozhdestvenskogo and many others. There are different spheres with different rules of word order in the literary language. Written prose speech has very strict rules; word order is freer in poetic speech. A considerable degree of freedom in the arrangement of words is characteristic of colloquial speech. The features of the word order of spoken language are reflected in written language as a means of stylization. The differences in the rules of word arrangement in the above-mentioned fields are associated with the various functions of word order. The main function of word order in written prose speech is the implementation of specific communicative objectives, or actual division of the sentence. For poetic and colloquial speech, the expression of this function by means of word order is less important; so here the order of words has more freedom compared to writing prose speech. Depending on the communicative goals pursued by the speaker, the same sentence can acquire different meanings. Communicative goal is the desire of the speaker to emphasize the aspect of the content of the sentence, which is significant in this context or in the speech situation.

There is a set of classifications of functions of a word order in English. For example, the classifications offered by V. N. Komissarov, I. V. Arnold. In this article we consider the classification offered by A. I. Smirnitsky [1, p. 150–163]. He claims that the word order can perform various functions. It is generally possible to allocate three functions of a word order:

- 1) Grammatical function. Word order serves for expression of certain syntactic relations: subject and object relations, subject and predicate relations, attributive relations;
- 2) Expression of a lexical subject and lexical predicate;
- 3) Expressional — stylistic function.

In some cases the word order can perform several functions at the same time, but one of these functions moves forward the forefront. It should be noted that the word order usually emphasizes the fact of communication between words making the sentence. The following function of a word order is the expression of a lexical subject and lexical predicate. As A. I. Smirnitsky specifies, «in speech practice of people it is necessary and very important to express not only the fact and the nature of communication between words, but also and the direction of this communication.» Many scientists claim that expression of a lexical subject and lexical predicate plays less importance than the grammatical relations between words as in the speech the most essential is establishment of nature of communication, but not his directions. Therefore if the word order serves for expression of character of grammatical link, the direction of this communication can either partially be expressed, or not be expressed in general. For expression of a lexical subject and a lexical predicate in modern English is used freedom of placement of words which remains after all grammatical relations have been expressed. The last function of a word order is expressional-stylistic. This function is that sometimes in the speech it is necessary to select this or that word thus to point out his importance in the sentence [1, p. 50–55].

For Spanish of the most general it is necessary to consider a tendency to expression of a subject as a subject phrase, and rhemes — group of a predicate. Stylistic function of a word order is a first characteristic of all informal and poetic conversation and differs in an emphatic word order. In Spanish numerous cases of inversion of a direct object are noted. Book language allows a final position of a verb predicate and its inversion concerning a subject.

The problem of word order in a sentence (also the problem of inversion) is studied by linguists even from the moment of origin of rhetoric and this dilemma remains urgent until now. At first the so-called «standard» word order was just fixed, then grammar has begun to consider communications between sentence parts, namely syntactic links of sentence parts, and later the stylistic began to study deviations from the standard word order and to define their functions in a discourse.

Inversion is the stylistic syntactic reception of reverse word order. Some changes of a word order change the syntactic relation and with them and all sense of the sentence,

others combine grammatical and expressional functions. The general stylistic function usually comes to light from wider context than the sentence. Stylistic function of inversion sometimes cannot be revealed only by the mutual provision of parts of the sentence though this mutual provision of parts prompts a special shade of value of his statement.

In English each sentence part, as we know, has a usual place determined by his syntactic expression, communications with other words and type of a sentence. It is interesting to note that the main word order in the English sentence: a subject — a verb — an object, has developed under the influence of need of establishment of communication between separate sentences in the narration «known» of earlier told and it established connection between sentences. Thus, there was historically a firm word order of the English sentences. It should be noted that great grammatical loading of the word order conducts to the fact that possibilities of usage of the word order, not for the grammatical purposes in English, is considerably limited [3, p. 74–77].

Structure of a simple sentence in Spanish as well as in many other languages is the same: subject, verb, object. In Spanish almost free word order is subordinated to actual vision: the order of submission of information on degree of importance prevails over a sequence of a grammatical basis, the most communicatively powerful word, as a rule, is in the end [2, p. 99–101].

Both languages are considered to be languages with the basic structure of SVO, however Spanish differs in bigger degree of freedom in following of sentence parts in comparison with English. The main function of a word order in English is grammatical whereas Spanish word order serves, first of all, as expression of communicative structure.

The main difference of a sequence of elements in Spanish by comparison to English is the subject rhematisation in simple not extended sentences which is expressed in his transferring to a final position, and in extended sentences — a possibility of transfer of addition in a position before a verb predicate or before the subject-rheme (new) expressed by a noun. Similar options of a word order are extremely rare in English.

The comparative analysis of examples from the Spanish and English languages shows:

1) In the English language indefinite article serves as an additional tool of marking the subject theme standing at the end of the sentence, for example in the scenic speech: Enters an old woman.

2) In the Spanish language the final subject in a sentence with similar structure may be preceded by the definite article, since the determining factor in the order of subject and predicate which is isolated from the context of the statements may be semantic of the verb: Llegó la enfermera [2, p. 33–40].

Inversion in modern English, thus, is potentially possible realization. Poetic works contain the bigger quantity of inversion, than the prosaic work, though any types of inversion appear both in prosaic, and in poetic works. However requirements of a rhythm and a rhyme can cause inversion in certain

cases. In these cases inversion bears special function — ritmiko-emphatichesky. In original art work use of inversion is always motivated by the statement purpose. This purpose of the statement can be combined in the poetic work with certain requirements of the rhythmic organization of a verse. In prose inversion quite often gives special rhythmic sounding to the sentence. However, unlike poetic works, in prose the rhythm does not cause inversion and the inversion, motivated with the statement purpose, can give a rhythm to the sentence. In modern literary English inversion has stylistic function of a selection of one of the members of the statements in logical terms, or the allocation of statements in an emotional plan. As a rule, in modern English, inverted word order, which pursues the stylistic goal is a heritage of the written type of speech [1, p. 66].

In Spanish, inversion of word-formation process in the framework of the model «subject — predicate» led to its decomposition of two semantically individual constructions. The newly emerged structures do not differ from any other model. The development of language violates the hierarchical relationships between words. The problem of word order is complicated by the fact that the noun, as a result of changes in their semantic structure, can combine the values, some of which are primary, and the other should be considered as derivatives. Grammar of the Spanish language is considered more complex than English because of the more complex paradigms of different parts of speech, especially verbs. Despite this, free word order is very easy to learn. Spanish words in a sentence can stand in any order [5, p. 38].

Inversion of the subject in the role of «new» was recorded in the extended Spanish sentences with the structure SVO, for example:

Who wrote the book?

The teacher wrote the book.

¿Quién escribió el libro?

El libro lo escribió **la maestra**.

Proceeding from all above mentioned, we can conclude that the word order is the basis for the construction of a sentence, which requires a more thorough investigation, and a violation of a well-established word order is often caused by the aspiration of the author to allocate this or that moment in the sentence. The fixed word order in English is explained by the fact that there is a very small amount of grammatical terminations and word-formation suffixes and function of words in the sentence is defined by its place in the sentence. However, the word order can sometimes have an indistinctly established character.

Foreign linguistic science of the last decades is characterized by the rise of interests in the study of word order as the main means of communicative structures expression in the Spanish language. Most of the researches describe a comprehensive approach to the studied problem: attempts to describe the peculiarities of words connected with lexical semantics of verb-predicates. It should be noted that the variety of national variants of the Spanish language to be studied from this point of view: (from Spanish and its versions in

Spain and numerous variations of the Spanish language spoken in Latin America.)

Inversion, mainly grammatical, is used when there is a question, also inversion appears when the words representing the most essential part of a predicate in the semantic relation move forward. In this case inversion reaches emotionality of the statement.

Comparison of a word order as one of the main means of expression communicatively important word is represented prospectively to the Spanish — English bilingual. The ability to choose the necessary language means the realization of the purpose of the statement and represented extremely important as it is connected with increase in pragmatically competence of nominative speaking language.

References:

1. Смирницкий, А.И. Синтаксис Английского языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. — 288 с.
2. Смычковская, Ю.А. Синтаксис современного Испанского языка. — К.: Вища школа, 1979. — 192 с.
3. Чернов, Г.В. Теория и практика синхронного перевода. — М.: Высшая школа, 1987. — 255 с.
4. Dominguez, L. The L2 acquisition of Spanish focus: a case of incomplete and divergent grammars. — UK.: LOT, 2007. — 45–47 p.
5. Hannay, M. Last things first: an FDG approach to clause-final focus constituents in Spanish and English. — Amst.: John Benjamins, 2008. — 33–68 p.
6. Hertel, T.J. Lexical and discourse factors in the second language acquisition of Spanish word order. // Second Language Research. — 2003. — № 19, 273–304 p.

Внутренняя форма «живая» и «забытая». Этимологическое значение слова

Васильева Елена Николаевна, зам. директора, преподаватель русского языка и литературы;

Карпова Светлана Евгеньевна, методист, преподаватель русского языка и литературы

Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (г. Старая Русса)

Понятие «внутренняя форма слова» до сих пор не имеет однозначного определения. А.А. Потебня, один из первых русистов, обратившихся к анализу этого явления, понимал под внутренней формой «ближайшее этимологическое значение слова» [1, с. 56–114]. Современный этап изучения проблемы характеризуется более широким подходом к этому понятию. Вслед за современными исследованиями мы будем считать проявлением внутренней формы любой признак, лежащий в основе наименования, не только уже утраченной носителями языка, но и живой.

Еще Н. Крушевский писал в свое время о том, что в языке постоянно действует тенденция к забвению внутренней формы: «Чем дальше слово употребляется, тем меньше ему нужно сохранять следы своего происхождения и морфологического состава. Насколько это излишне для значения слова. Видно из того, что происхождение слова ускользает от внимания даже и там, где оно совершенно ясно». Из приведенного высказывания явствует, что Н. Крушевский понимает забвение происхождения слова как закономерное и необходимое для развития языка [3].

А.Л. Потебня связывает вопрос об истинном происхождении (этимологии) слова с понятием «внутренняя форма»: каждое слово имеет внутреннюю форму, однако

со временем многие слова ее утрачивают, это относится прежде всего к непроизводным словам. Мы не можем сказать почему *дуб* или *стол* названы прямо так — это немотивированные наименования. Их внутренняя форма утрачена [4]. С утратой внутренней формы мы имеем дело в словах «невеста», «окно».

Невеста — та, которая не ведает, не знает;

Окно — когда-то оно было связано со словом *око* (глаз) и окна были, как бы глазами домов. Это не что иное, как этимологические значения, то есть внутренние формы данных слов «забыты» носителями языка. Эти слова подверглись опрощению, стали проще по структуре.

Н.М. Шанский утрату внутренней формы объясняет:

1. Изменением значения слова, связанное с изменением действительности:

— глагол *стрелять* разошелся со словом *стрела*.

2. Утратой языком мотивирующих слов:

— слово *кольцо* потеряло внутреннюю форму, так как утратилось слово «*коло*».

1. Изменением фонетического облика слов: вряд ли можно догадаться, что

— слова *конец* и *начало*, *коса* и *чесать* восходят к одному корню.

2. Внутренняя форма утрачивается у многих фразеологизмов:

— *трясти мошной* («*тратить деньги попусту*»).
Мошна устаревшее слово
«мешок для хранения денег!».

3. Утрата словом внутренней формы прежде всего связано с изменением в морфемной структуре слова. С этим связан процесс опрошения.

По определению Н. М. Шанского под опрошением понимают такое изменение в морфемной структуре слова, при котором производная основа, ранее распавшаяся на морфемы, становится непроемной, нечленимой. Этому подвергаются слова разных частей речи и разной морфемной структуры:

- *басня* (сравним *бати* — «говорить»);
- *врач* (от «валун»);
- *булыжник* (*булыга* — «глыба»), а в современном русском языке

— *басня, врач, булыжник.*

А. А. Потехина пишет: «Нетрудно вывести из разбора слов, какою бы ни было языка, что слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую та ею содержание, а только один ее признак» [6].

Образ слова может иметь много признаков, но слово стол значит только *постланное* (стол, что и глагол *стлать*). Таким образом, важнейшей проблемой становится этимологическая.

Этимологическое значение для А. А. Потехины есть «отношение содержания и мысли к сознанию». Она показывает, как представляется человеку ею собственная мысль и палому тоже форма слова, только внутренняя.

Литература:

1. Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов С 56 по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит».. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1987. — 256 с.
2. Д. Н. Шмелев. Архаические формы в современном русском языке. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1964—113 с.
3. <https://studfiles.net/preview/460742/page:30/>
4. <https://studfiles.net/preview/460750/page:2/>
5. <http://cheloveknauka.com/protsessy-utraty-vnutrenney-formy-slova>
6. <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met137/node4.html>

Но, являясь внутренней формой слова, этимологическое значение помогает понять процесс мыслительной деятельности человека.

Можно сделать вывод, что *опрошение* — *этимологический процесс*, приводящий к потере словом членимости. Опрошение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение. «*Морфемные швы зарастают*». Внутренняя форма становится «забытой», а выявить ее — это значит определить этимологическое значение слова [1, 114].

Внутреннюю форму как этимологическую рассматривает Д. Н. Шмелев. *Этимологическая форма слова никогда не определяет полностью его лексическое значение*. «Отношение между выдвинутым при назывании признаком и действительным значением слова не обеспечивает достаточной точности понимания: образ и значение между собой связаны только до некоторой степени; образ и словообразовательные значения являются лишь «наметкой» возможного содержания слова. Что слово значит на самом деле, определяет его история, закрепившееся в языке фактическое употребление.

Этимологическая форма слова часто не остается безразличной для его осмысления, однако вряд ли она может быть признана основным из языковых факторов, участвующих в формировании семантической структуры слова» [2, с. 34].

Основываясь на работах, проанализированных в данной статье, можно сделать вывод, что понятие внутренней формы слова связано с понятием этимологическое значение.

Тенденции интернет-сленга немецкоязычной аудитории в 2017 году

Васильева Екатерина Игоревна, студент
Московский педагогический государственный университет

В современном мире, где практически у каждого есть компьютер, планшет или смартфон, где люди столько времени проводят в социальных сетях, не могло не появиться такое явление, как интернет-сленг, интернет-жаргон или, как его еще называют, язык интернета. Конечно, использует его в основном молодежь, поэтому становится проблематичным разграничить интернет-сленг и язык молодежи.

Сленг (англ. slang) — 1) то же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2) Вариант разговорной речи (в т.ч. экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающий с нормой литературного языка [1]. По мнению Розенталя Д. Э., Теленковой М. А., сленг — это слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек [2].

Молодежный сленг — один из интереснейших языковых феноменов. Мы привыкли считать, что границами его распространения являются в первую очередь возрастные рамки. Однако важную роль играет так же принадлежность к социальной группе, пространственные и временные ограничения. По мнению Береговской Э. М., он наиболее широко распространен в кругах городской учащейся молодежи. [3]

Э. М. Берговская в своей статье «Молодежный сленг: формирование и функционирование» [3] выделяет четыре основные черты молодежного сленга:

1. Депрециативность — критическое, ироническое отношение к «миру взрослых», устоявшимся ценностям.
2. Метафоричность — язык отличается высоким уровнем словотворчества, образностью.
3. Доминирование репрезентативной функции — доминирование действия языковых априори.
4. Людическая направленность — некая размытость границ.

Итак, издательство «Langenscheidt» уже 160 лет выпускает для своих читателей различного рода словари, однако с 2014 года совместно с англоязычными интернет-страницами 4chan.com и pr0gramm.com был запущен новый интересный проект. На просторах одной из самых популярных социальных сетей Facebook.com создана страница, на которой ежегодно публикуется «молодежное слово года» («Jugendwort des Jahres»). На этой странице любой может предложить свой вариант, который войдет в историю. 17 ноября 2017 года в номинации побеждает «I bims» [4].

Для нас, изучающих немецкий язык как иностранный, значение данного словосочетания вызовет недоумение. Чтобы понять, что оно означает, нужно знать основные тенденции немецкого интернет-сленга. *I bims* на литературном немецком звучит как *Ich bin*. Однако, обо всем по порядку. В середине 10-х особенно популярным среди молодежи стал так называемый язык Vong, или, как его называют на оригинале, vong-Sprache.

История его появления не ясна до конца. Считается, что основоположником тенденции является австрийский рэпер Мани Бой (Money Boy). Именно его неологизмы легли в основу нового молодежного сленга. На своей странице в Facebook он впервые опубликовывал собственные неологизмы, которые позже приобрели особую популярность. Вот несколько примеров: Вилли 34, на данный момент является

«I bim's» — то самое молодежное слово года, опубликованное на страничке рэпера 19 июля 2016 года. Отметим, что в обиход это выражение вошло уже без апострофа.

«Das ist ja mal 1 nicer Artikel!» [5] — публикация от 7.11.2017. Читая это предложение, не сразу становится ясным, на каком же языке оно написано.

Позднее модным сленгом заинтересовался начинающий писатель, работающий под псевдонимом Вилли Задумчивый (Willy Nachdenklich).

В своем интервью телекомпании Arte.tv он рассказывает, что от скуки во время болезни решил создать страничку на Facebook «Задумчивые высказывания с картинками» («Nachdenkliche Sprüche mit Bilder») [6]. Там Вилли публиковал популярные в интернете картинки с высказываниями, зачастую не имеющие смысла и содержащие большое количество грамматических ошибок, которые, разумеется, были сделаны специально. Приведем несколько примеров.

«Diese Moment wo du vor 1 Stadt stehst umd dir denkst: «ja...naja...»» [7] — на литературный немецкий это высказывание придется даже перевести: »Dieses Moment, wenn du vor einer Stadt stehst, und denkst: «Ja, naja...»». Однако даже после перевода мы не видим глубокого смысла во фразе. По словам самого автора, поначалу многие пользователи интернета писали, что в его картинках невероятное количество грамматических ошибок, он получал множество гневных комментариев. И все же спустя какое-то время к Вилли пришел успех. Его творчество стало набирать популярность в интернете, его цитировали, на него ссылались. Со всей Германии ему стали поступать заказы на рекламные слоганы.

Слоган сети супермаркетов Netto: «Was ist das für 1 kg Schale?» — мы видим, что здесь так же? как и на картинках со страницы Вилли в социальной сети неопределенный артикль *ein* заменяется просто на цифру *1*. Конечно, это один из признаков vong-Sprache.

Другой слоган принадлежит Sparkasse: «Gönn dir ist einfach. Wenn man 1 gute Bank vong Vorsorge her.» Наш вариант перевода на литературный немецкий выглядит следующим образом: «Gönnen ist einfach, wenn man eine gute Bank hat». Снова мы видим замену неопределенного артикля на *1*? а также другую особенность, которая и дала название vong-Sprache. Это грамматическая конструкция «vong ... her». Лингвисты называют такую конструкцию Zirkumposition [8]. Ее можно было бы перевести на русский язык как «по причине», однако обычно она употребляется для излишнего уточнения, то есть не имеет особого смысла. Это и создает комический эффект, которого старался достичь автор.

На данный момент Вилли даже выпустил книгу на своем сленге «1 gutes Buch vong Himog her», что можно перевести как «Хорошая книга благодаря юмору». Она даже находится в продаже. Отметим, что перевести особенности этого варианта немецкого языка, сохранив при этом комический эффект, достаточно сложно, ведь не всегда в языке можно найти эквивалентный оборот.

Проанализируем еще несколько высказываний с той же страницы в социальной сети, чтобы выявить другие особенности системы vong-Sprache:

«Kinder intrissiert nicht die Hautfabe oder Religion von sein Kumpel Wichtigste ist das er coole Spielzeug hat» [7, 1.08.2017] — по-немецки это звучало бы так: «Kinder interessiert die Hautfarbe oder Religion von ihrem Kumpel nicht, das Wichtigste ist, dass er ein tolles Spielzeug hat». Отсутствие знаков препинания наблюдается и в этом при-

мере. Мы видим неверную постановку отрицательной частицы *nicht*, употребление притяжательного местоимения *sein* вместо *ihrem*, а кроме того в именительном падеже вместо дательного, который требует предлог *von*. Суперлатив *Wichtigste* без определенного артикля, неоправданное употребление англицизма *coole* вместе с отсутствием артикля или окончания прилагательного.

«I bim zwar kein Hooligen jedoch 1 Mahl in Monat I always ultra lol» [7, 31.07.2017] — гласит подпись к картинке с улыбающейся девушкой. В этом случае даже на немецкий перевести высказывание достаточно сложно: «Ich bin kein Hooligan, aber einmal pro Monat ich bin total verrückt». Снова мы видим знаменитое *I bim* вместо *ich bin* с заменой *p* на *m* и опусканием графемы *ch*, некорректное написание существительного *Hooligen* вместо *Hooligan*, которое само по себе является англицизмом. Наречие *einmal* стоит разобрать подробнее: оно не только разбито на две части с использованием замены *ein* на *1*, но и слово *Mahl* написано с добавлением *h*, так что *Mal-raz* теперь больше похож на *Mahl* — *еда, трапеза*. Далее же следует даже не англицизм, а полностью английская фраза «*I always ultra lol*», которую мы перевели на немецкий.

«Die spanische Grippe befellt Deutschland jehrlich in audativer Form. Der aktuelle Eregner »Despacito« ist 1 Abwandlung der vorherigen Wieren namens »Nossa Nossa« »Beilando« umd »Macerena«» [7, 1.08.2017]. Это ироничное высказывание о популярных в Германии испанских песнях уже не представляет больших сложностей: »Die spanische Grippe regiert Deutschland jährlich in einer audativer Form. Der aktuelle Erregner »Despacito« ist eine Abwandlung der vorherigen Viren namens »Nossa Nossa« »Beilando« umd »Macerena«». Глагол *befellt* предположительно происходит от *befehlen* — приказывать. Возможно, это вариант неверного его использования. Мы бы выбрали глагол *regieren* — управлять. В качестве протеста против использования умлаутов мы видим наречие *jehrlich*, написанное через *e* вместо *ä*. Дальше уже идут орфографические ошибки: *Eregner* — пропущена согласная *r*, *Wieren* вместо *Viren*, *umd* вместо *und*.

«Düfte simd die Sehlen der Blumen» [7, 4.08.2017] — «Düfte sind die Seelen der Blumen». Намеренная замена

m на *p* уже является правилом, а правописание *Sehlen-Seelen* демонстрируют и еще одно правило написания *h* в любом удобном случае.

Итак, изучив историю явления и несколько примеров можно выдвинуть предположение: *vong-Sprache* — это уже система преднамеренных нарушений правил в первую очередь грамматики. Особенности этого молодежного сленга можно разделить на орфографические, лексические лексико-грамматические и грамматические (синтаксические, морфологические). К грамматическим особенностям относятся:

Синтаксические:

1. Нарушения порядка слов
2. Отсутствие пунктуации

Морфологические:

1. Замена неопределенного артикля *ein/eine* на цифру *1*
2. Замена слогов слов на цифру (*8ten*)
3. Отсутствие артикля
4. Использование неверной падежной формы

К орфографическим особенностям отнесем следующие:

1. Чрезмерное использование буквы *h*
2. Замена *p* на *m* и наоборот

Лексические:

1. Замена слов на их паронимы
2. Чрезмерное использование англицизмов

Лексико-грамматической особенностью можно назвать использование конструкции «*vong...herg*», которая с успехом может называться и ироничной стилистической фигурой. «*Ich bin Berliner vong Herkunft herg*» — «Я берлинец по своему происхождению». В правильном предложении нет никакой иронии (без контекста), а вот, если рассматривать новый вариант, можно предположить самоиронию.

И даже в *Duden* сейчас идут споры по поводу того, имеет ли смысл фиксировать *vong-Sprache*? Не зря ведь на страничке в *Twitter*, как сообщает Второе немецкое телевидение (*zdf.de*), появилась запись быстро набравшая популярность: «*Man muss immer auf korrekte Rechtschreibung 8ten. Vong Grammatik herg*» [9].

Станет ли *vong-Sprache* нормой, отдельным диалектом конкретной возрастной группы покажет время. Сегодня нам остается только наблюдать за развитием тенденции.

Литература:

1. Новая иллюстрированная энциклопедия. — М., 2004
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976
3. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопр. языкозн. — 1996
4. <https://www.facebook.com/jugendwort>, публикация от 17.11.2017 (дата обращения: 20:11, 02.02.2018)
5. Страница в социальной сети Фейсбук репера Мани Боя: <https://www.facebook.com/therealmoneyboy> (дата обращения: 14:10, 23.01.2018)
6. Видео с интервью: <https://www.arte.tv/de/videos/079732-000-A/willy-nachdenklich-der-erfinder-der-vong-sprache> (дата обращения: 15:06, 23.01.2018)
7. Страница в социальной сети Фейсбук «Nachdenkliche Sprüche mit Bilder»: <https://www.facebook.com/WillyNachdenklich>, публикация от 4.08.2017

8. Статья в электронной версии журнала «Welt» от 13.06.2017 «Vong diesem Mann her kommt 1 neue Sprache»: <https://www.welt.de/kultur/article165505159/Vong-diesem-Mann-her-kommt-1-neue-Sprache> (дата обращения: 14:12, 26.01.2018)
9. Репортаж ZDF «Die Vong-Sprache ist out!»: <https://www.zdf.de/nachrichten/heute-plus/videos/das-ende-der-vong-sprache-100> (дата обращения: 13:15, 26.01.2018)

Специфика использования метафоры в политическом дискурсе

Винникова Ольга Михайловна, ассистент
Российский университет транспорта (МИИТ)

В статье рассматриваются примеры использования метафор в королевской рождественской речи 2014 года. Анализируются характер метафор и их функции.

Ключевые слова: метафора, стилистический прием, политический дискурс, функция, речь, коммуникативная цель, образность.

Ораторское искусство и мастерское владение словом не утрачивает свое значение с древних времен и по сей день. С развитием техники и технологий передачи сообщений важность способности создавать яркие и выразительные речи не только не пропала, но и существенно возросла. Между тем, за самым впечатляющим текстом лежит сочетание простых и всем известных приемов, одним из которых является метафора.

В соответствии с определением энциклопедии эпистемологии и философии науки, этот троп представляет собой комплексную образно-семантическую структуру, возникающую в ходе взаимодействия разноплановых смыслов. [4] При этом часть литературоведов полагает, что модель строится на базе нахождения сходства между областями тьмы и носителя, другие утверждают, что между этими областями возникает взаимодействие, третьи предполагают наличие переноса черт из области носителя в область тьмы.

В основе дескрипторной теории метафоры [2, с. 214–216] лежит представление о том, что слово, обозначающее один класс предметов, используется для характеристики или наименования другого класса предметов.

Значительную роль играет данный стилистический прием и при исследовании политического дискурса. Поскольку основной коммуникативной целью любого обращения к народу является улучшение представления людей о персоне, укрепление ее власти и значимости, в составлении речей часто прибегают к образности и стилистическим приемам.

В данной статье будут рассмотрены различные виды метафор и проанализированы их функции в политической речи на примере первого рождественского обращения короля Испании Фелипе VI к народу.

Среди основных функций метафор в политических речах выделяют: номинативную, моделирующую, эмоциональную, коммуникативную, изобразительную, инструментальную, гипотетическую, эвфемистическую, популяризаторскую. [3]

Первая состоит в том, чтобы с помощью ярких образных слов, схожих по определенным параметрам с каким-то явлением, не имеющим названия, ввести новый термин. Так, для обозначения этапа в истории России по принципу схожести процессов появилось понятие «перестройка».

Вторая функция состоит в том, что метафоры формируют в сознании людей определенную реальность. Так, например, при использовании слова «гонка» для обозначения предвыборной кампании спикер подчеркивает сразу несколько черт: стремление к победе, соревновательность, азарт. Перенос всех этих черт в другую сферу позволяет нам получить более глубокое и детальное представление о данной сфере и составить определенную картину.

Третья функция предполагает реакцию людей на запоминающиеся и необычные метафоры, которые послужат успешности всего выступления. Так, словосочетание «предвыборная лихорадка» значительно сильнее впечатлит слушателя, чем «агитация».

Четвертая — предполагает передачу определенной информации, уведомление, сообщение в весьма емком и лаконичном виде. Не для кого не секрет, что точное слово может сказать больше длинных витиеватых фраз.

Пятая — говорит о способности создавать образ, наглядности, иллюстративности. Так, например, фраза «наводнение мигрантов» рисует перед нами целую картину: улицы городов заполняются беженцами, как водой, вышедшей из берегов.

Инструментальная функция предполагает процесс направления мыслей публики в определенное русло, помощь в вынесении суждений. Если назвать оппозиционные партии «агрессорами», то в мыслях народа сразу возникнет желание противостоять их действиям.

Гипотетическая роль состоит в предвкушении некоторых результатов и досрочном их олицетворении. Названное до своего окончания «плодотворным» дело имеет все шансы на успех в мыслях слушателей.

Использование эвфемизмов оправдано для смягчения слишком грубых понятий и неприятных явлений. Например, использование фразы «пересмотр тарифов» вызывает меньшее негодование, чем «повышение цен».

Популяризаторская функция позволяет в доступной форме донести до неподготовленного слушателя сложную идею.

Метафоры могут отличаться по степени образности и новизне. Ученые выделяют «живые» (сохранившие образность) и «мертвые» (утратившие переносный смысл) метафоры. Последние не оказывают сильного эмоционального воздействия на публику, поэтому ряд лингвистов исключает их из числа стилистических приемов.

Среди основных тематических сфер политических метафор А. П. Чудинов называет такие, как: «человек», «социум», «природа», «артефакты». [3] В свою очередь каждая из них разбивается на меньшие разделы. Антропоморфная категория подразумевает подтемы: «семья», «отношения», «анатомия» и «заболевания». Моделирование картины мира осуществляется по образам функционирования и жизнедеятельности индивидуумов. Социальный раздел включает в себя подвиды: «преступность», «война», «театр» и «спорт». Группа природных стилистических средств включает подвиды — «животные» и «растения», а последний раздел предполагает подтемы «дом» и «механизмы».

Выбор сфер для появления образных оборотов имеет связь с современной действительностью, а также отражает отношение говорящего и зависит от коммуникативной цели послания.

Согласно еще одной классификации выделяют авторские и общезыковые средства. Под первой категорией полагаются те фигуры, которые не использовались никем другим. Вторая группа встречается у многих, является более распространенной и широко представлена. Кроме того, существуют приемы однократного упоминания образного слова и многократное повторение и развитие фигуры на протяжении всей речи.

Чаще всего используются общеизвестные образные выражения. Так, в рождественской речи короля Испании Фелипе VI 2014 года достаточно много образных сочетаний. «Desequilibrio económico» («экономический дисбаланс») в контексте кризиса и безработицы звучит смягчающе, успокаивающе, хотя и не является личным изобретением спикера. Похожим приемом служит фраза «rupturas emocionales» («эмоциональный разрыв») в контексте разногласий между автономной каталонской и центральной государственной властями. Само слово «ruptura», согласно толковому словарю RAE [1], во втором значении используется как «прекращение отношений между близкими людьми». Произносится это словосочетание в отношении народов, король подчеркивает близость и единство, которое их характеризует.

Следующим еще чаще используемым и оттого менее ярким и образным выражением является «la mirada pu-esta ... en el año 2015» («взгляд, пристально смотрящий

в 2015 год»). Мы часто «заглядываем», «смотрим», «бросаем взгляд» в какое-то время. Выражение стало настолько привычным, что многие не замечают переноса значения вообще. Между тем, в политической речи этот прием играет большую роль. Он исполняет образительную функцию, позволяя ярче и живописней передать основную мысль. У слушателей создается впечатление, что их ждет серьезный четкий обзор, подробное изучение, обозрение и анализ.

Не является авторским и оборот «la fuerza de esa unidad» («сила этого единства»). Получив такое же широкое распространение в языке, оно также растеряло специфику, однако по-прежнему сохраняет огромное количество ассоциаций, которые должно вызвать у публики.

Призыв «сражаться с трудностями» («luchar ante las adversidades») также достаточно распространен в политических обращениях. Концепт «борьбы» создает у публики ощущение собственной силы, воли к победе, мужества, отваги и желания одержать верх. Если бы в речи звучало «жить в тяжелых условиях» или «страдать от экономического кризиса» настроение, безусловно, было бы пессимистичнее. Стилистический оборот придает всей речи совсем другой смысл.

Все эти приемы, безусловно, украшают, обогащают текст, а вместе с тем выполняют образительную и инструментальную функции. Еще большее значение имеют собственно авторские обороты, именно поэтому король Испании открывает свое обращение именно с одного из них. В первых строках он благодарит народ за то, что «они открыли ему двери их домов» («abrirme vuestras casas»). Здесь стоит упомянуть, что для испанцев Рождество — самый семейный праздник. Все родственники стараются собраться вместе за одним праздничным столом. «Открыть дверь дома» в Рождество — это все равно, что приобщить к семейным традициям. Эта первая метафора создает волшебную, добрую и теплую атмосферу, настраивает на принятие всех дальнейших идей. Таким образом, реализуются сразу образительная, моделирующая и эмоциональная функции.

Не менее впечатляющей кажется фраза «una España que todos queremos sana, limpia» («здоровая и чистая Испания, какой мы все хотим ее видеть») в контексте коррупции. Первое определение «sana» («здоровая») вызывает ассоциации с человеческим организмом: молодым, полным сил и красивым, правильным и без изъянов. Таким образом, одно прилагательное дает нам представление сразу о многих качествах, которые оно подразумевает. Вместе с тем, «limpia» («чистая») добавляет такие качества как «порядок», «безупречность», «точность», «открытость». Такой прием сохраняет образность благодаря новизне.

Следующей хорошей находкой в той же речи может служить фраза «formamos parte de un tronco común» («все мы вместе образуем единый организм (тело, ствол)»). Слово «tronco», согласно словарю RAE, обозначает [1]: 1) усеченное тело; 2) ствол деревьев, 3) тело человека или

животного; 4) мулы или лошади, тянущие коляску; 5) основной канал; 6) асцендент, состоящий из двух или более ветвей. Используя это слово для обозначения испанского народа, король подразумевал «сильное, сплоченное крупное государство». Здесь успешно сочетаются изобразительная, моделирующая и инструментальная функции. Хотя прямого призыва к объединению нет, но идея хорошо развивается и создает в умах слушателей определенные образы.

Однако, самое сильное впечатление создают метафоры, которые растянуты на определенный по тексту. В своей речи король говорит «llevamos, a Cataluña en el corazón» («Каталония у нас (у испанцев) в сердце»). Позже он отмечает, что разобщенность народов «причиняет боль»

(«me duele»), то есть «сердце болит». И, наконец, он заключает, что не стоит допускать «эмоциональный слом» («se puedan producir fracturas emocionales»).

Проанализировав все эти стилистические обороты, автор статьи приходит к выводу, что в современном политическом дискурсе метафоры служат не только неплохим украшением, но и несут важнейшие воздействующие, моделирующие и агитационные функции. Безусловно, самыми действенными и сильными являются собственные авторские словосочетания, которые позволяют быстрее и наверняка достичь коммуникативных целей.

Метафоры — важные стилистические средства, поэтому они так широко применяются в современном политическом дискурсе.

Литература:

1. El Diccionario de la lengua española \\ <http://dle.rae.es>
2. А. Н. Баранов «Дескрипторная теория метафоры» // М.: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с.
3. А. П. Чудинов Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры // Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. — 238 с.
4. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Особенности лексем в изречениях китайских софистов

Дрынова Анастасия Сергеевна, магистр, ассистент
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Статья посвящена семантическому анализу лексико-грамматических парадоксов и афоризмов китайской софистики. Автор раскрывает общие принципы китайской софистики, проявляющиеся в лексико-грамматической структуре философских тождеств. Актуальность статьи обусловлена осмыслением феноменологии лексического и лингво-культурологического функционала философских картин мира в изречениях китайских софистов. Материалом для исследования послужили парадоксы и тезисы отдельных философов, а также учения школ софистов Китая.

Ключевые слова: китайская софистика, философские изречения, особенности лексем, семантическая структура, парадоксы и афоризмы, лексико-грамматические структуры.

Features of lexman in the spreads of Chinese sophists

Drynova Anastasiya Sergeevna, master, assistant
Peoples Friendship University of Russia (Moscow)

The article is devoted to the semantic analysis of the lexical-grammatical paradoxes and aphorisms of Chinese sophistry. The author reveals the general principles of Chinese sophistry, manifested in the lexico-grammatical structure of philosophical identities. The relevance of the article is due to the understanding of the phenomenology of the lexical and linguistic-cultural functional of the philosophical world pictures in the sayings of the Chinese sophists. The material for the study was the paradoxes and theses of individual philosophers, as well as the teachings of the schools of the Sophists of China.

Keywords: Chinese sophistry, philosophical sayings, features of lexemes, semantic structure, paradoxes and aphorisms, lexico-grammatical structures.

Однажды положив начало принципам индивидуализма и свободы, проявленным в философии, представители

китайской софистики привнесли его и в структурные особенности лексических единиц и лексико-грамматических

констант, описывающих разнообразные феномены философских картин мира, функционально-семантический анализ которых позволяет осмысливать философскую теорию личности, рассматриваемую ими в контексте лексем «больше» и «богаче» в сравнении с Космосом. Лексемы философских изречений китайских софистов содержат в себе своеобразные прескрипции раскрепощения индивидуальной энергии, отрицающей проявление унифицированной общезначимости, сопровождаемой отрицанием всех авторитетов, законов, традиций, норм и патерналистских проявлений [2].

Так, существовавшая в китайской софистике школа «Мин-цзя» была прославлена в Древнем Китае искусством аргументации, ведения споров и опровержений на основе лингвистических и логико-семантических парадоксов, актуализирующих проблемы философского софистического языка. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в исторических документах цитаты и упоминания.

В основном, общая логическая структура лексем была тождественна схеме, определяемой посредством функционально-семантического анализа таких тождеств как:

Например,

«если собака имеет незрячие глаза» — это «слепая собака» = «если у белой собаки черные глаза» — это «черная собака», то есть «белая собака» = «черная собака»

Таким образом, общее строение тождества лексем проецировалось на многообразие иных философских изречений:

Например,

«гора выходит изо рта» = «у горы есть рот»

Смысловое содержание афоризма априори не имело возможности быть исчерпанным с точки зрения понимания его сущности. Оно также не могло быть объяснено и с позиций единой интерпретации, имея в рамках подобного тождественного рассуждения лишь принцип структурной аналогии, как, например,

«человек много говорит, но он не может говорить непрерывно» = «речь человека прерывается паузами разной длины» = «иногда человек молчит» = «молчание может быть красноречивее слов» = «когда человек молчит, он говорит» = «молчание превосходит слово»

Или

«небо и земля одинаково низки, горы и болота одинаково равны»

Главным остается сам принцип тождества лексемы, в котором показывается относительность и диалектическая взаимозависимость между высоким и низким. Эта особенность проявляется и в самой структуре лексемы «небо», входящей в состав лексико-грамматической конструкции «небо и земля одинаково низки» [1; 2; 3]:

Так, например,

Лексемы «небо» — 天堂 и «земля» — 土 представлены следующими конституентами: Tiāntáng и T. При определении их функциональной диалектической взаимосвязи («небо и земля») посредством языка китайской

софистики, выраженной лексемой «низко» — 低—Dī, меняется и семантическая структура лексемы «небо», которая становится здесь семантическим признаком уже нового слова — Tiāndì вместо Tiāntáng за счет включения в смысловую структуру лексемы смыслоопределяющих сем. В результате этого получаем выражение, структурно-семантическая особенность лексем в котором позволяет нам увидеть передаваемый равноценный смысл афоризма:

«небо и земля одинаково низки»

Tiāndì (уже вместо Tiāntáng и T) tóngyàng dī
天地同樣低

Выраженная в особенностях лексем китайская софистика показывает, что изреченная философская мысль с позиций познания действительности становится более проблемной чем окружающий мир, делая выраженное дерзновенным, но непокоримым [4].

Особенности лексем в изречениях китайских софистов, заключающиеся в их лексической неисчерпаемости, отражены в ряде трудов иных мыслителей. Они утверждают, что искусство софистов Древнего Китая, основанное на логико-лексическом совершенствовании, заставляли представителей других философских школ постоянно уточнять и переосмысливать свои учения. Так, последователи Хуэй-Ши оттачивали свои умения, постоянно добавляя к изречениям все новые и новые лексемы, отличающиеся гораздо большим разнообразием и странностью:

«в яйце есть перья», «у курицы три ноги», «лошадь несет яйца», «собака может стать бараном» и т.п.

Особенность лексем и образованных с помощью них специфических лексико-грамматических структур исходила из убеждений китайских софистов в том, то ум каждого является индивидуальным конкретным носителем единственным с точки зрения ума вообще и множественным с точки зрения умов конкретных людей. Это убеждение позволяло софистам Поднебесной отрицать реальность общего.

Представители китайской софистики находили в своих изречениях истинное удовольствие, общаясь между собой посредством парадоксальных тождеств. Вкладывая в высказывание особый смысл, они обогащали софистическую философию важнейшим теоретическим значением. Открыв специфические стороны философского мышления, китайская софистика обозначила новые горизонты не только гуманитарного знания в общем, но и обозначила границы особой философской этики, в основу которой были положены концепты своеобразной автономии индивидуальной личности.

Тем не менее, некоторые из представителей данного философского течения, увлекаясь чрезмерной парадоксальностью диалогов, уделяли внешней вербальной стороне вещей, которая зачастую уводила от истинного первоначала и не позволяла до конца познать суть некоторых вещей.

Наряду с сугубо личной парадоксальностью изречений происходило отрицание софистами любого про-

явления общезначимости, авторитетов, общепринятых жизненных ценностей. Не составляли редких исключений и случаи трансляции в общество излишней самоуверенности, честолюбия, властолюбия, самоутверждения, которые горделиво выражались в таких афоризмах как, например, «кто может сравниться со мной во Вселенной» и декларировали наимудрейшесть собственных мыслей с точки зрения автора. Уста людей были побеждены, однако сердца покорены не были, как

опыт последователей софистики Китай в лице Хуань Туаня и Гуньсунь Луна [2].

Тем не менее, подмеченная другими школами подобная ограниченность китайских софистов привнесла в мир философии безграничную игру лексем в контексте осмысления их феноменологического структурно-лексического и лингво-культурологического функционала, чем обусловила безграничность воззрений на проблематику взаимосвязей вещей и предметов в Поднебесной.

Литература:

1. Ли, В. Молчание в русской и китайской фразеологических картинах мира / В. Ли // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 182–186.
2. Споры Хуэй Ши и Гуньсунь Луна о «Твердом и Белом», «Тожественном и Различном» [Электронный вариант]. — Режим доступа: <http://galactic.org.ua/i-i/f-ictori-12.htm>
3. Чжао, С. Образ неба в китайской философии [Электронный ресурс] / С. Чжао // Современные гуманитарные исследования. — 2008. — Режим доступа: <http://naukarus.com/obraz-neba-v-kitayskoy-filosofii>
4. Чэн, Ю. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов со значением «эмоциональное состояние человека» [Электронный ресурс] / Ю. Чэн. — 2016. — Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43298/1/m_th_y.cheng_2016.pdf

Социальные факторы и проблемы построения социально корректного коммуникативного акта

Зияева Севара Анваровна, кандидат филологических наук, доцент
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Акт речепроизводства одним и тем же индивидом может происходить по-разному в зависимости от того, является ли он носителем одного языка (монолингв) или владеет двумя (несколькими) языками (би- или полилингв). В процессе общения монолингвы и билингвы сталкиваются с проблемой выбора в разных ипостасях: перед монолингвом стоит проблема выбора варианта той или иной языковой формы, в то время как перед билингвом — выбор одного из языков [Мусин, 1990, с. 17]. Однако в обоих случаях выбор осуществляется в целях построения социально корректного акта коммуникации посредством вербальных и невербальных средств.

По справедливому утверждению С. Г. Николаева, «момент перехода с одного языка на другой в условиях билингвальной коммуникации всегда обусловлен вполне объективными мотивами, основанными прежде всего на стремлении говорящего (собеседника) к более адекватному общению» при условии, если причинами переключения кода не выступают «стремления совершенно иного порядка — например, желания говорящего заявить о собственном (более высоком или попросту ином) социальном статусе; стремление к ограничению круга коммуникантов (профессиональная медицинская криптолалия с привлечением латинского языка); стремление к сокрытию смысла сказанного и переход от ком-

муникации к квазикоммуникации и т. д». [Николаев, 2013, с. 92–3].

Само понятие социально корректного коммуникативного акта, реализуемого посредством вербальных и невербальных средств, предполагает наличие вариативности речевых высказываний, связанной с социальными факторами взаимодействия как билингвов, так и монолингвов. Это обстоятельство, в свою очередь, накладывает особый отпечаток на речевое поведение индивидов.

Социальные факторы, влияющие на речевое поведение монолингвов и билингвов в различных ситуациях общения, определяют социолингвистическую картину функционирования языковых средств в речи и позволяют раскрыть причинно-следственные связи выбора языковой формы в ситуативно-обусловленном речевом поведении.

Итак, социальные факторы влияют на выбор варианта языковых средств в речи монолингвов и на выбор того или иного языка в речи билингвов. При этом важно учесть, что социальные факторы взаимодействуют с различными социокультурными и психическими факторами: «разнообразные социальные, социокультурные и психические факторы, влияющие на выбор билингвом языка, подчиняются некоторым правилам иерархической упорядоченности и, следовательно, по-разному влияют на выбор языка коммуникации в конкретных условиях» [Мусин, 1990, с. 7].

Речевое поведение человека, как бы оно не зависело от внешних обстоятельств, все равно опосредовывается внутренним, духовным состоянием говорящего и его разумом, обладающим «значительной автономностью как по отношению к объективно существующим социальным факторам, в контексте которых протекает речевая деятельность, так и по отношению к самой речевой деятельности и ее следствиям в процессе коммуникации» [Мусин, 1990, с. 11]. Поэтому социальные факторы могут предопределять речевое поведение индивидов лишь в совокупности с психическими факторами.

Выбор определенной языковой формы с социолингвистической точки зрения в процессе общения детерминруется ситуационными условиями протекания коммуникативного акта, выбранной индивидом социальной ролью в конкретной социальной ситуации, его социальным статусом, нормами речевого поведения, принятыми в данной социальной среде. Ключевым детерминантом выступают социально обусловленные взаимоотношения коммуникантов.

В лингвистической литературе выделяется около пятидесяти социальных факторов, оказывающих непосредственное или факультативное влияние на определение социально корректного речевого поведения билингва.

В плане социальных факторов и причин, влияющих на выбор языка у билингва, И. Х. Мусин отмечает форму национально-государственного устройства; экономику, идеологию и политику нации, страны и государства; культуру и языковые традиции этноса; изменение социальной ситуации; социальную дифференциацию функционирования двух языков, распределение предметных сфер общения между ними; престижность второго языка; выбор канала коммуникации; цель коммуникативного акта, коммуникативную установку; тему общения; обстановку (время и место) речевого акта; другие обстоятельства речевого общения; демографический фактор (пол, возраст участников коммуникативного акта); национальность; образование; другие факторы культуры; профессия; вид

и характер профессиональной занятости; социально-классовая принадлежность родителей; происхождение (по этносу и социуму); социальный статус (положение в обществе); место проживания (тип поселения); участие в общественной жизни в условиях билингвального социума; смена социальной роли языковой личности; тип билингвизма; степень владения вторым языком; время (период) обучения второму языку; учебу в иноязычной школе; воспитание в двуязычной среде (в частности, смешанные браки); службу в армии; влияние смены поколений; миграционные процессы; межнациональные контакты; фактор этнического самосознания; оторванность от исходной этноязычной среды; правила речевого этикета; кроме того, «эмоциональное возбуждение; стремление быть быстро понятым, недостаточная адаптация (психологическая, социальная, культурная и т.п.) в соответствующем речевом коллективе, нехватка лексического запаса слов, лексико-семантические лакуны, необходимость в цитировании подлинного текста, умышленная сигнализация о принадлежности к данному речевому коллективу и некоторые другие факторы; в частности, нередки случаи, когда те или иные промежуточные слова («слова-переключатели») выступают опорным моментом в процессе перехода в стихию иноязычной речи в коммуникации билингвов» [Мусин, 1990, с. 18–9].

Студенты-филологи, изучающие немецкий язык в вузах Республики Узбекистан, являются носителями двух и более языков (узбекского, русского и др.) и могут рассматриваться в большинстве случаев не как билингвы, но и полилингвы. Следовательно, при использовании ими в соответствующих ситуациях немецкого языка также стоит проблема социальной корректности речевого поведения. Знание и учет социальных факторов, влияющих на выбор как варианта языковых средств, так и того или иного языка в целом, будут способствовать построению социально корректного коммуникативного акта на немецком языке в различных социально-ситуативных условиях общения.

Литература:

1. Гусева М. А. Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2008. — № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. — С. 25–30.
2. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — М.: Аспент Пресс, 1996. — 207 с.
3. Мусин И. Х. Социолингвистические аспекты речевого поведения в условиях двуязычия: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — М., 1990. — 24 с.
4. Николаев С. Г. Феномен билингвизма: проблематика и исследовательские перспективы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, № 3, 2013. — С. 86–96.
5. Савинова М. С. Профессия как часть социального статуса и ее отражение в просодических характеристиках речи. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, № 4, 2009. — С. 186–89.
6. Словарь социолингвистических терминов. / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. — М.: 2006. — 312 с.

Isomorphic and allomorphic features of the homogeneous direct objects in modern English and Uzbek

Zokirova Dildorahon Muydinovna, senior teacher;
Jabborova Mushtariy Yodgorbek qizi, student
Andijan State University named after Z.M. Babur (Uzbekistan)

Grammatical and logical significance of homogeneous direct objects are the uniformity of the concepts expressed by homogeneous direct objects in the language. This significance causes homogeneous direct objects to have position in the sentence. In uniformity of sentence parts is determined by different degrees of lexico-semantic generalization.

The concept of homogeneous direct object is as widely used as that of other secondary homogeneous sentences and has just as long a tradition. For example, as with grammatical subject, it is possible to provide criteria for homogeneous direct objects in English, but the criteria do not necessarily carry over to other languages. Keeping to the construction, we can say that in sentences the following the verb is the direct object.

a. John broke the cup and the glass. = Jon piyola bilan stakanni sindirib qoy'di.

Nick can drive the car and the truck. = Nik avtomobil va yuk mashinani hayday oladi.

Lora ate the bread and the cake. = Lora nonni va pirogni yedi.

Direct objects can be homogeneous after the following verbs and verb groups in both English and Uzbek and this case considered as the isomorphic feature of the homogeneous direct object: to appreciate, to know, to recognize, to comprehend, to realize, to value, to empathize, to work out, to see, to like, to love, to distinguish, to tell, to distinguish, to accept, to admit, to fulfill, to accomplish, to carry out, to complete, to differentiate, etc.

We can say that the homogeneous direct object is never preceded by a preposition in English as allomorphic feature — in the sentence like Martha chewed on the bread and on the chewing-gum, in this sentence bread and chewing-gum are not direct objects, and the entity it denotes is not completely affected by the action of chewing. Neutral active declarative sentences typically have passive counterparts. One of the properties of the English called homogeneous direct objects is that they correspond to the grammatical subjects of passive sentences. This is shown in the following examples, the passive counterparts of above mentioned sentences.

a. The cup and the glass were broken by John.

The car and the truck can be driven by Nick.

The bread and the cake were eaten by Lora.

Even for English alone, difficulties appear. One problem is that the criteria, even with the help of the adverb typically, do not extend unequivocally to other constructions. Let's consider the passive sentences in:

How is a girl and a boy to be chatted if they do not go out?

These fields and hills were marched and over by all the armies of Europe.

These passive sentences contain grammatical subjects (on the criteria applicable to English), but their active counterparts do not contain homogeneous direct objects, let's compare:

a. How is someone to chat to a girl and a boy if they do not go out?

b. All the armies of Europe marched over these fields and hills.

In these sentences, the correspondents of the grammatical subjects are inside prepositional phrases: to a girl and a boy, over these fields and hills. The examples show that either more than homogeneous indirect objects can be converted to grammatical subjects in the passive construction or we have to regard chat to and march over as single verbs that take direct objects.

Another difficulty with English is that some apparent active transitive clauses have no corresponding passive: That car weighs two or three tons is not matched by Two or three tons are weighed by that car, Arthur measures either six or seven feet is not matched by Either six or seven feet are measured by Arthur, Her daughters resemble both Lucy and Linda is not matched by Lucy and Linda are resembled by her daughters and The cage contained a panda and a jaguar cannot be converted to A panda and a jaguar were contained by the cage.

In spite of the uncertainties mentioned above, in the construction of English we do have criteria for recognizing homogeneous direct objects with most verbs combining with two noun phrases. (We exclude the link verbs, they include be, get, seem, become and others.)

Another criterion that has been proposed for homogeneous direct objects in English relates to the positions occupied by particles such as back where a verb combines with two noun phrases, the particle occurs after the verb, but before or after the direct object, as in:

He sent back the diamond necklace and the gold ring.

He sent the diamond necklace back and the gold ring.

In clauses with three noun phrases, the occurrence of the particle is limited.

a. He sent her cousin the diamond necklace and gold ring.

1. He sent back her cousin the diamond necklace and the gold ring.

2. He sent her cousin back the diamond necklace and gold ring.

3. He sent her cousin the diamond necklace back and the gold ring.

The sentence He sent her cousin back the diamond necklace and gold ring is wrong, although back is in the same position as He sent back the diamond necklace and the gold

ring, between the verb and the immediately following noun phrase.

The sentence He sent her cousin the diamond necklace back and the gold ring is not acceptable to all speakers, although back follows the noun phrase immediately to the right of the verb. To be balanced against this criterion is the fact that her cousin in He sent back her cousin the diamond necklace and the gold ring can become the grammatical subject of the corresponding passive: Her cousin was sent back the diamond necklace and the gold ring by him which of the two criteria is to be given preference: the position of back or becoming grammatical subject of the passive.

Another complication that deserves mention is that pronouns behave differently from full noun phrases with respect to back in the sentence He sent back her cousin the diamond necklace and the gold ring. The sentence He sent back her cousin the diamond necklace and the gold ring merits no more than a question mark, but the substitution of him for her cousin yields an acceptable sentence: He sent him back the diamond necklace and the gold ring.

The general description of homogeneous direct object in English is fragmented, unlike the description of grammatical subject. The latter can be recognized for any construction, but for homogeneous direct object only one construction provides solid evidence, the basic active declarative construction, both in itself and in its relationship with the passive. As for the concept of subject, one criterion can be added for some languages other than English.

A homogeneous direct object will follow a transitive verb in both English and Uzbek [a type of action verb]. Homo-

geneous direct objects can be nouns, pronouns, phrases, or clauses. If we can identify the subject and verb in a sentence, then finding the direct object is easy. Just we should remember this simple formula:

In English: *subject + verb + what? or who? = homogeneous direct object*

In Uzbek: *ega (subject) + uyushgan vositasiz to'ldiruvchi (homogeneous direct object) + nimani (what?), kimni? (who?) + fe'l (verb)*.

Here are examples of the formula in action:

He ... played both the violin and the piano better than most amateurs.

He = subject; played = verb. He played what? The violin and the piano = homogeneous direct object.

We found a number of detective stories in her room and two or three volumes of poetry.

We = subject; found = verb. We found what? a number of detective stories in her room and two or three volumes of poetry = homogeneous direct object.

Let's see this case in Uzbek:

Chunkiqutidor, Yusufbekhojiningqandaykishibo'lg'anlig'ini, bu kunda qaysi ishda ekanligini va o'ziga bo'lg'an munosabatini mayda-chuyda tafsilotlari bilan so'zlab chiqdi.

To be conclude, the homogeneous direct object must be a noun or pronoun in both English and Uzbek. A direct object will never be in a prepositional phrase in English. The direct object will not equal the subject as the predicate nominative, nor does it have a linking verb as a predicate nominative sentences does. In English a sentence with a compound verb may have two different direct objects in it.

References:

1. Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Автореф. дис. д-ра. филол. наук. М., 1983. — 37 с.
2. Гаппоров М., Қосимова Р. Инглиз тили грамматикаси. — Т.: Турон-Иқбол, 2010. 336 б.
3. Ўзбек тили лексикологияси. — Тошкент, «Фан», 1984.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 1-жилд. — Тошкент, «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 2006. 376 б.
5. Walker Elaine, Ellsworth Steve. Grammar practice. — L. Pearson education, 2000, 178 p.
6. Brontë B. Wuthering heights. — М.: Foreign Languages Publishing House, 1963. P. 367
7. Dickens Ch. A tale of two cities. — L.: The Electric Book Company Ltd, 1998. 497 p.
8. Oybek. «Navoiy». — Т.: «Sharq» nashriyot-matbaa aksiyadorlik kompaniyasi bosh tahririyati, 2004. 496 b.
9. Qodiriy A. O'tgan kunlar. — Т.: Sharq, 2004. 384 b.
10. Qodirov P. Yulduzli tunlar. — Т.: Sharq, 2008. 304 b.

Types of the homogeneous direct objects in modern English and Uzbek

Zokirova Dildorahon Muydinovna, senior teacher
Andijan State University named after Z.M. Babur (Uzbekistan)

The homogeneous direct objects may be used variedly according to their use with the different syntactical means. Accordingly, they can be simple and complex, in other cases we use the verbs which require two direct homogeneous direct objects. The following constructions explain how the

simple homogeneous direct objects are used with various kinds of verbs that require transitive verbs.

1. In the first construction transitive verbs are used with the homogeneous direct objects in both English and Uzbek:

In English: *vt (verb transitive) + homogeneous direct object*

In Uzbek: *homogeneous direct object + vt (verb transitive)*

I have known one clump on the head have more effect upon my liver, and make me feel more anxious to go straight away then and there...

Harris wanted to get out at Hampton Church, to go and see Mrs. Thomas's Tomb.

As an instance, I remember Mr. Earnshaw once bought a couple of colts at the parish fair, and gave the lads each one.

When we reached Crewe, I asked him to come and have a drink.

Let's see examples in Uzbek:

Bir kuni Jonkeldiboy hasratini qilib Hotam to'raning o'g'lini yaxshi ko'rganligini, diydoriga to'yolmay besar bo'lg'anini arz qilib qoldi.

Hoji sukut qildi, o'zining shunchalik gaplarini havog'a ketib turg'anini, majlisning Niyoz qushbegi ruhida borganlig'ini yaxshi sezdi.

Biroq Poyanda Sultonbegim turkman sarkardalarining g'ururini, o'zboshimchaliklarini kesa olmadi.

2. In this type of construction the homogeneous direct object precedes by the indirect object:

In English: *vt + homogeneous direct object + preposition + indirect object*

In Uzbek: *homogeneous direct object + indirect object + dative case + vt*

In this type the homogeneous direct object can be expressed by two ways:

1. The homogeneous direct object precedes by the indirect object with *to* in English and with dative case in Uzbek:

He gave a book and a note-book to George. = U kitob va daftarni Jorjga berdi.

My grandmother read the tales and fables to us when we were a childhood. = Bolaligimizda buvim bizga ertaklar va masallar aytib berardi.

He sold both his car and house to a man from Tashkent. = U Toshkentlik kishiga ham mashinasini, ham uyini sotdi.

He gave neither a pen or a pencil to anybody. = U na ruchkani va na qalamni hech kimga bermadi.

Don't show this letter and that invitation to any of your friends. = Bu hatni va anavi taklifnomani do'stlaringizdan bi-
rortasiga ko'rsatmang.

2. The homogeneous direct object precedes by the indirect object with *for* in English and with dative case in Uzbek:

He brought newspapers and magazines for his father. = U gazeta va jurnallarni dadasiga olib keldi.

She bought a text-book and a dictionary for her brother. = U darslik va lug'atlarni akasiga sotib oldi.

Will you cook these eggs and sandwich for Mrs. Grey and her children? = Siz bu tuhum va sendvichni Grey honim va uning bolalariga pishirib berasizmi?

Please save this bread and cheese for your sister. = Iltimos bu non va pishloqni opangizga olib qo'ying.

3. In this construction the homogeneous direct object may be expressed by the different subordinate clauses:

In English: *vt + homogeneous direct object + subordinate clause*

In Uzbek: *homogeneous direct object + subordinate clause + vt*

Nobody at Waterloo ever does know where a train is going to start from, or where a train when it does start is going to, or anything about it.

Our descendants will wonder how we did it and how clever we were.

Bu xo'rlik, bu odatdan tashqari uyatsizlik bechora quti-dorni juda ezgan; nima qilmoqni, xo'rlang'an, tahqir etilgan qizini ne yo'sunda yupatishni, bu qora kunlarni qandog' qilib o'tkazishni bilmas edi.

Bobur daftariga Saripulda qanday mag'lub bo'lg'anini, keyin qanday xorliklar ko'rganini yoza boshladi.

Husayn Boyqaroni va uning o'g'illarini ichkilik balosi qay darajada xarob qilganini mavlono esdan chiqarmagan edi.

4. The homogeneous direct object may be expressed by that-clause and this the most typical type of the use of the homogeneous direct object:

In English: *vt + homogeneous direct object + that-clause*

In Uzbek: *homogeneous direct object + vt*

She said that he was very earnest, and had a beautiful nature.

I convinced that the Grange had but one sensible soul in its walls, and that lodged in my body.

We heard that Germans and Austrians had broken through in the north and were coming down the mountain valleys toward Cividale and Udine.

Biroq bu bahaybat o'ngirlar oyoq ostidagi zaminni ichdan hilviratib qo'yganini, kabutarxona ortidagi jarning tagini suv o'yib ketganini, yer o'pirilgudek bo'lib turganini Mirzo ham, uning atrofidagi mulozimlar ham mutlaqo sezmas edilar.

Ulaming dillari umid va shodlik bilan to'lgan, turmushning qayg'ularini, mashaqqat va dahmazalarini unutmagan edilar.

I forgot that I was in London and in the nineteenth century.

5. When homogeneous direct object is used in the construction *vt + that + should* in English the verbs express disappointment, admiration, pity. In this construction few verbs are used:

Harris said that should judge there must have been twenty people, following him,

in all; and one woman with a baby.

6. The peculiarity of the next type of the homogeneous direct object is that it may precede by the past participle:

In English: *vt + homogeneous direct object + Past participle*

In Uzbek: *homogeneous direct object + Past participle + vt*

We found all the door and gates locked. = Biz barcha eshik va darvozalarni yopiq ekanligini ko'rdik.

We found both the house and the yard searched. = Biz uyni ham, hovlini ham kimdir tintuv qilganini ko'rdik.

I want this work finished as well as that problem solved quickly = Men bu ishni tezda tugatilishini, shu bilan birga o'sha muammoni tezda hal etilishini hohlayman.

He had seen towns destroyed and houses laid low by bombing = U bombardimonda shaharlar vayron bo'lganini va uylar yer bilan yakson bo'lganini ko'rdi.

In conclusion we can say that Homogeneous object clauses are connected with the principal clause by the help of

the conjunction *—ki* in Uzbek: Siz mendan ham yaxshiroq bilasizki (nimani?), shu uyda sizni allaqancha mashaqqatlarga solg'an, cheksiz joni-vorliqlar ishlatkan va hisobsiz tillalar to'kdirgan, nihoyat, shu daqiqaga keltirib to'xtatqan birav uxlaydir. The homogeneous direct objects can be lined in two or more components in their use in one sentence. The two components of the homogeneous direct objects can be formed by the help of any kinds of conjunctive coordination or without conjunctions.

References:

1. Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Автореф. дис. д-ра. филол. наук. М., 1983. — 37 с.
2. Гаппоров М., Қосимова Р. Инглиз тили грамматикаси. — Т.: Турон-Иқбол, 2010. 336 б.
3. Ўзбек тили лексикологияси. — Тошкент, «Фан», 1984.
4. Ўзбек тилининг изоҳли лугати. 5 жилдди. 1-жилд. — Тошкент, «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 2006. 376 б.
5. Gordon E. M., Krilova I. P. A Grammar of Present-day English. — М.: Higher School Publishing House. М., 1974. 284 p.
6. Iriskulov A. Theoretical grammar of English. — Т.: O'qituvchi, 2006. 64 p.
7. Walker Elaine, Ellsworth Steve. Grammar practice. — L. Pearson education, 2000, 178 p.
8. Brontë B. Wuthering heights. — М.: Foreign Languages Publishing

Когнитивная лингвистика

Мирзоева Гюнай Тельман, докторант
Азербайджанский университет языков (г. Баку, Азербайджан)

Когнитивная лингвистика создает свой терминологический аппарат, систему понятий, приобретающих особую важность именно для разворачивания непротиворечивого дискурса когнитивизма в языкознании. Важнейшими понятиями когнитивной лингвистики становятся такие понятия, как «концепт», «концептуализация», «языковая картина мира», «стандарт», «модель поведения», «культура», «фрейм», «гештальт» и др. В литературе вопроса в последние два десятилетия эти понятия широко обсуждаются, поэтому нет необходимости в их подробном анализе. Однако некоторые понятия когнитивной лингвистики требуют уточнения, поскольку анализ существующих взглядов свидетельствует об их неоднозначности.

Важнейшим понятием когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Всесторонний анализ этого понятия в трудах лингвистов, литературоведов и филологов прошлого и современности, проведенный В.А. Масловой (73, 10–33), говорит о том, что и сегодня различные исследователи обнаруживают различное понимание концепта. Одновременно все солидарны в том, что «концепт» — это важнейшее понятие когнитивной лингвистики. На наш взгляд, концепт — это мост, соединяющий обычное лингвистическое мышление с когнитивным. Обычное лингвистическое мышление непосредственно связано со значением слов и фразеологизмов, составляющих семантическую систему языка. Когнитивное мышление или когнитивное

лингвистическое мышление непосредственно связывает лексическое значение слов с языковой картиной мира и в конечном счете определяет коллективную психику, которую принято называть *национальным менталитетом*.

В традиционном языкознании и формальной логике термин *концепт* отождествлялся с элементарным понятием. Термины *концепт* и *понятие* употреблялись как синонимы. Единственная оговорка состоит в том, что когда *концепт* и *понятие* употребляются как синонимы, термин *понятие* употребляется именно в терминологическом значении, а не общеупотребительном.

В обычной бытовой речи слово *понятие* часто смешивается со словом *представление*. Представление, будучи психологической категорией, состоит из образа предмета и явления, нашего знания о них, опирающихся на непосредственное восприятие в прошлом. Когда в бытовой речи говорят о том, что у кого-то нет понятия о чем-либо, как правило, имеют в виду именно представление как результат непосредственного наблюдения.

Понятие же как термин формальной логики состоит из существенных признаков предметов, объединяемых на основе этих существенных признаков в единый класс предметов. Основу лексического значения слова составляет именно элементарное понятие о предмете. Именно в силу этого слово может называть бесчисленное количество идентичных предметов.

Исследователи указывают, что в средневековой европейской философии термин *концепт* был абсолютно синонимичен термину *понятие*. Точнее, в данном случае мы соотносим два термина, относящихся к различным культурным срезам истории. Термин *понятие* является русским понятием и, конечно, не мог встречаться в средневековой европейской философии. Что же касается термина *концепт*, то он начинает употребляться в языке русской философии, однако в совершенно новом значении, не синонимичном средневековому. Считается, что впервые в этом новом значении термин *концепт* встречается в языке русского философа С. А. Аскольдова.

С. А. Аскольдов стал употреблять термин *концепт* в значении не элементарного понятия, а понятия, обогащенного представлениями культуры. Простое понятие как совокупность существенных признаков предметов единого класса составляет основу лексического значения слова (44). Например, значение слова *птица* следующим образом определяется в Словаре С. И. Ожегова: «ПТИЦА 1. Покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом» (86, 629).

Что представляет собой эта цитата из Словаря С. И. Ожегова? Это значение слова *птица*. Что же в таком случае представляет собой это значение? Анализ словарной статьи показывает, что в ней представлены наиболее существенные признаки той категории живых существ, которые в русском языке обозначаются словом *птица*, в английском языке словом *bird*, в азербайджанском языке словом *quş* и т.д.

Исходя из данной словарной статьи, мы видим, что существенными признаками птиц являются следующие: *перья, пух, позвонок, крылья, две конечности, клюв*. Совокупность же существенных признаков, объединяющих схожие или идентичные предметы в единый класс, составляет элементарное понятие о данном классе предметов. Следовательно, именно элементарное понятие о классе предметов составляет основу лексического значения слова. Как видим, эти признаки носят универсальный характер и никак не связаны с нашими представлениями. Столь же универсальный характер носит и само элементарное понятие, которое также не связано с пространственно-временными и культурными представлениями и является категорией логики, а вовсе не лингвистики.

Сегодняшнее понимание концепта существенным образом отличается как от средневекового, так и от значения логического термина *понятие*. Отличие же концепта от понятия состоит в том, что концепт как раз включает пространственно-временные характеристики. Именно таким образом концепт оказывается ведущим, основным признаком национального менталитета. Ясно, что понятие «птица» и концепт «птица» отличаются только тем, что понятие лишено национально-культурных и пространственно-временных характеристик, в то время как концепт ими обладает. Концепт «птица» в сознании русского народа связан с представлениями о тех птицах, которые истори-

чески были известны этому народу. Именно эти представления о птицах русского мира, об их внешнем виде, повадках, голосах и т.д. составляют концепт «птица».

Концепты составляют концептосферу, которая в свою очередь определяет специфику мировидения и миропонимания русского народа. Сказанное имеет отношение к национальному менталитету всех народов. Если не учитывать различий в национально-языковой картине мира, то все рассуждения о своеобразии национальных характеров остаются пустыми разговорами. Язык в его концептуальном преломлении предоставляет в наше распоряжение конкретный материал, раскрывающий содержание национального характера.

Таким образом, можно проследить различия в мировоззрении отдельных народов, исследуя конкретные области языкового выражения. Исследователи утверждают, что концепт до конца не раскрывается в языке, остается что-то интимное, характеризующее глубокие уровни национальной психологии. В частности, такое мнение высказывал Ю. С. Степанов (см.: В. А. Маслова, 73). Возможно, дело обстоит именно таким образом. Однако, на наш взгляд, лингвистический анализ должен иметь дело не с глубокими интимными переживаниями, а с конкретным языковым и речевым материалом. Так, если исследователя интересует отношение национального характера к еде, то он систематизирует и анализирует отражение этого отношения, выраженное в лексической системе языка, фразеологической системе, пословицах и поговорках, притчах, загадках, прибаутках, частушках, фольклоре в целом. Более того, концепт «еда» анализируется по материалам художественной литературы. Собранный, систематизированный и проанализированный материал дает возможность делать выводы относительно содержания концепта в русской концептосфере и языковой картине мира.

Следует отметить, что неогумбольдтианцы пытаются определить различия даже на понятийном уровне, т.е., по их мнению, национальные менталитеты различаются даже на уровне универсальных понятий, а не только на концептуальном уровне. С этим можно поспорить, но определенная логика может прослеживаться и в такого рода утверждениях. Например, если понятие как логическая категория включает в себя существенные признаки предметов единого класса, то разные национальные менталитеты (воззрения, взгляды на мир) вполне способны видеть разные существенные признаки в вещах. Или во всяком случае набор этих существенных признаков может быть различным. Й. Л. Вайсгербер отмечает: «Среди сил, которые осуществляют и поддерживают всякое сообщество, язык везде является наиважнейшей силой. Языковое сообщество — это предпосылка всякого другого сообщества, и не только потому, что только он и делает возможным общение, но и прежде всего потому, что он является проводником общего миропонимания как основы общения» (12, 131).

Если становишься на такую точку зрения, то всё в языке приобретает особый смысл. Все факты языка на-

чинают объясняться исключительно сквозь призму этнического миропонимания. Приобретают совсем не шуточный, а реальный характер слова Михаила Задорного о том, что в английском языке человек — это тело, в то время как в русском языке — душа. Если русские люди говорят о том, что где-то никого не было, они говорят «не было ни души, кругом ни души». Англичане говорят *no-body*. «Для нас человек — душа, для них — тело».

Точно так же в английском языке человек — это *man*, но и мужчина — *man*. В русском языке мужчина — это мужчина, женщина — женщина.

Когнитивное осмысление могут получать грамматические факты. Например, в тюркских языках отсутствует различие по роду. Отсюда можно сделать вывод о том, что

в тюркском мире изначально не было дискриминации по родовому признаку.

Когнитивная лингвистика предлагает совершенно новое осмысление языковых форм. Новую интерпретацию языковых фактов. Такое отношение к языку ни в коем случае нельзя смешивать с элементарным семантическим анализом. Семантический анализ лексических и фразеологических средств языка присутствовал всегда. Что касается пословиц, то отношение этого фольклорного по происхождению материала к истории культуры народа никогда не отрицалось и не могло отрицаться. Когнитивная лингвистика пытается дать концептуальный анализ языковым фактам. В этом и состоит ее отличие от традиционного семантического анализа.

Литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Сборник под редакцией Л. В. Щербы. Л.: ACADEMIA, 1928, с. 28–44.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966, 608 с.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005, 256 с.
4. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974, 352 с.
5. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975, 312 с.

Анализ фразеологических единиц китайского языка военной тематики с иероглифическим компонентом лошадь («马»)

Полончук Руслан Андреевич, соискатель
Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

В статье рассмотрены фразеологизмы военной тематики (ФЕВТ) китайского языка с иероглифическим компонентом лошадь. Приводится разбор примеров ФЕВТ. Доказывается существование процесса «демилитаризации» ФЕВТ, которые могут также быть использованы в различных ситуациях речевого общения. Рассмотрены некоторые особенности перевода ФЕВТ китайского языка.

Ключевые слова: военная тематика, фразеология, фразеологическая единица, китайский язык, «китайская специфика».

The article deals with the phraseology of military subjects (PMS) of the Chinese language with the hieroglyphic component of the horse. An analysis of the PMS examples is given. The existence of a process of «demilitarization» of PMS, which can also be used in various situations of verbal communication, is proved. Some peculiarities of the Chinese language PMS translation are considered.

Keywords: military themes; phraseology; phraseological unit; Chinese; «Chinese specificity».

В китайском языке идиоматические выражения и фразеологизмы представлены достаточно широко. Знание, понимание и умение правильно применять фразеологизмы как в устной, так и в письменной речи является одним из характерных признаков высокого уровня образованности человека как во времена древнего Китая, так и в современности [2]. В то же время большое количество фразеологизмов китайского языка обладают в своем составе зоонимическим компонентом. В связи с этим особое

внимание стоит уделить анализу образа лошади в китайских фразеологических единицах (ФЕ). Кроме того, необходимо разобрать конкретные примеры их употребления и особенности перевода на русский язык.

Как правило, образ лошади в китайских идиомах неразрывно связан с движением, стремительным или неспешным, имитирующим движения лошади или прогулку верхом. Идиоматических выражений, использующих образ лошади, в китайском языке значительное количе-

ство. В нашем исследовании мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Стоит отметить, что в большинстве китайских ФЕ за образную основу берется за само поведение лошади — послушное следование приказам наездника. Кроме того, китайские лингвисты считают, что большое количество китайских идиом, использующих образ лошади, отсылают нас к военным действиям и армии, что относит их к числу фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) [3].

Выбор идиом в нашем исследовании не является случайным. Проведенный анализ китайского сегмента сети интернет показал, что в период с 2016 по 2017 год наиболее употребляемыми ФЕВТ с иероглифическим компонентом «лошадь» были следующие (идиомы указаны с наиболее приближенным смысловым переводом на русский язык) [5] 走马观花 — «бегло осматривать что-либо» (буквальный перевод — ехать на лошади и смотреть на цветы, не имея возможности любоваться ими); 悬崖勒马 — «Одуматься в последний момент» (буквальный перевод — сдерживать коня на самом краю пропасти); 马首是瞻 — «Идти на поводу у кого-либо» (слепо следовать кому-либо; быть в полном подчинении у кого-либо, действовать по чьей-либо воле); 万马齐喑 — «Тягостное молчание, общая подавленность» (буквальный перевод — десять тысяч лошадей стоят беззвучно); 招兵买马 — «Заниматься приготовлениями к чему-либо, расширять бизнес» (буквальный перевод — нанимать воинов и закупать лошадей); 风马牛 — «Не иметь ничего общего в делах», не иметь ни малейшего отношения друг к другу; 害群之马 — «паршивая овца всё стадо портит» (буквальный перевод — лошадь, которая весь табун портит); 五马分尸 — «разорвать что-либо целое на части» (буквальный перевод — разрывать тело пятеркой лошадей); 猴年马月 — «когда рак на горе свистнет» (буквальный перевод — в год обезьяны и месяц лошади); 老马识途 — «старый конь борозды не портит» (буквальный перевод — старый конь знает дорогу); 驷马难追 — «слово не воробей, вылетит — не поймаешь» (буквальный перевод — и на четверке лошадей не догнать неосторожно сказанное слово).

При анализе китайских ФЕВТ значительную помощь переводчику могут оказать так называемые 成语故事 — фразеологические рассказы [4]. В случае наличия доступного фразеологического рассказа задача адекватного перевода значительно упрощается, поскольку появляется контекст, который позволяет выбрать наиболее подходящий русский аналог ФЕВТ. Если в русском языке отсутствуют аналоги китайских ФЕВТ, то в большинстве случаев переводчик должен предложить описательный перевод ФЕВТ. Рассмотрим конкретные примеры фразеологических рассказов ФЕВТ

指鹿为马

После смерти Первого императора династии Цинь трон унаследовал его сын Ху Хай, вошедший в историю как Второй император царства Цинь. Его премьер-министр Чжао Гао задумал узурпировать трон. Однако у него не было уверенности, что

его поддержат другие министры. Опасаясь противодействия с их стороны, он придумал способ, как проверить, кто из них готов подчиниться его воле. В один из дней Чжао Гао привёл к императору оленя и сказал: «Это лошадь». Император рассмеялся: «Ты не прав. Это же олень, с какой стати ты называешь его лошадью?». Чжао Гао обратился к присутствующим министрам с просьбой рассудить, кто из них прав. Министры боялись Чжао Гао, поэтому одни просто промолчали, другие, заискивая перед ним, согласились, что это лошадь, но нашлись и такие, кто не захотел врать и сказал, что это олень. Впоследствии Чжао Гао одного за другим убил всех министров, которые не захотели назвать оленя лошадью. «Шицзи» («Исторические записи»).

В результате анализа фразеологического рассказа к ФЕВТ 指鹿为马 можно сделать обоснованный вывод, что в ней говорится о ситуации, когда кто-то намеренно искажает факты, пытается ложное выдать за истинное. Наиболее близким аналогом данного ФЕВТ в русском языке можно считать выражение «вешать лапшу на уши».

塞翁失马 焉知非福

Однажды старик, живший на Северной заставе (так называют Великую Китайскую стену), потерял лошадь. Соседи пришли утешить его, но к своему удивлению застали незадачливого старца в хорошем расположении духа. «Может быть, потерять лошадь — это плохо, а может — и нет, кто знает?» — безмятежно заявил он своим соседям. Через несколько месяцев потерявшаяся лошадь вернулась домой и привела с собой быстрого скакуна. В Китае таких лошадей ещё называют 千里马 qian li ma — «лошадь, (пробегающая) 1000 ли (в день)». Соседи снова пришли к старику, на этот раз — чтобы поздравить с удачей. Но старик и не думал особо радоваться: «Кто знает, может это приведёт к несчастью?» Однажды сын старика поехал верхом на быстром скакуне. Скакун мчался так быстро, что сын не смог удержаться в седле, упал и сломал ногу. Все стали выражать сочувствие старику, на что он возразил: «Может быть, это обернётся счастьем». Так оно и произошло. Вскоре после этого на заставу напали бандиты и увезли с собой всех молодых людей. Сыну же старика, лежавшему со сломанной ногой, этой участи удалось избежать. Предсказания старца каждый раз сбывались. «Хуай Нань-цзы»

В результате анализа фразеологического рассказа к ФЕВТ 塞翁失马 焉知非福 можно сделать обоснованный вывод, что она может быть использована в ситуации, когда хотят сказать, что временные неудачи могут потом обернуться большой удачей. Наиболее близким аналогом данного ФЕВТ в русском языке можно считать выражение «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Китайские лингвисты заявляют о том, что фразеологизмы глубоко проникли в строй китайского языка. Они относят их к разряду «кладовой богатства языка» и на-

зывают «основой культурологического ресурса». По их мнению, систематическое использование таких «богатств» позволяет применить их во благо современной политике, экономике, культуре, военной сфере, образованию и другим сферам жизни людей. Они отмечают, что при налаживании взаимоотношений двух и более культур, эти элементы, безусловно, будут иметь очень важное значение для межкультурного диалога.

В современном китайском языке ФЕ выступают в качестве «источников знаний», которые помогают понять неповторимую китайскую культуру [1]. Как справедливо замечают сами китайские специалисты, фразеологизмы — это «кузница высокой эстетической морали и нравственности». Еще в древнем Китае знание китайских идиом служило формальным показателем не только высокого уровня образования, но и значительных нравственных качеств человека.

Приведенные примеры наглядно показывают, что в китайском языке существует процесс «демилитаризации»

военной лексики, которая может быть использована и в других ситуациях речевого общения несвязанных с военной сферой. Такой процесс является иллюстрацией, как меняется смысл профессиональной терминологии в результате ее переносного употребления. Соответственно, время возникновения и внутреннюю мотивировку многих военных фразеологизмов разгадать довольно просто [6].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать обоснованный вывод, что ФЕВТ с иероглифическим компонентом «лошадь» присутствуют в современном китайском языке и делают речь говорящего выразительнее. Рассмотренные в статье примеры демонстрируют их многообразие. По нашему мнению, дальнейшее изучение специфики китайского национально-культурного мышления и освоение культурной информации, заложенной во ФЕВТ способствуют более рациональному и комплексному изучению неповторимой «китайской специфики» в рамках как китайской фразеологической, так и языковой картины мира.

Литература:

1. Барчукова К. В. Фразеология в китайском языке // Молодой ученый. — 2015. — № 18.
2. Гурулева Т. Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) // Культура и цивилизация. 2017. № 3.
3. Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения этнической языковой личности: параметры и технология описания речевого портрета // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А.
4. Кленин И. Д. Лексикология китайского языка [курс лекций] / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. — М.: Восточная книга, 2013.
5. Полончук Р. А. Сравнительный анализ фразеологизмов военной сферы в китайском и русском языках // Военно-гуманитарный альманах. Серия Лингвистика. Выпуск 1. — 2017.
6. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, Культура, ментальность. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Модальные глаголы *werden* и *müssen* в значении субъективной модальности как объект прагматико-лингвистического анализа

Радченко Дарья Владимировна, магистрант
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

*С прагматико-лингвистической точки зрения немецкие модальные глаголы исследовались только в связи с их субъективным/объективным статусом, в то время как иллокутивные и перлокутивные функции в связных предложениях и диалогах продолжают игнорироваться. В статье были проанализированы функции коммуникативного акта, использование модальных глаголов *werden* и *müssen* в значении субъективной (эпистемической) модальности в различных типизированных высказываниях.*

Ключевые слова: эпистемическая/деонтическая модальность, модальные глаголы, прагматико-лингвистика

Конструкции *werden* + Inf. I в значении настоящего времени (*Petra wird erkrankt sein*) и *werden* + Inf. II, обозначающие прошедшее время (*Petra wird erkrankt gewesen sein*) принадлежат к классу немецких модальных глаголов — в этом все германисты единодушны.

Глагол *werden* «так близко связан с шестью традиционными модальными глаголами [*dürfen, können, mögen, müssen, sollen, wollen*], что невозможно анализировать семантическую систему немецких глаголов без его» [6, 99].

К сожалению, большинство немецких исследователей игнорируют указанные Фатером дезидераты, исходя из спорадических соображений. Они анализируют и систематизируют традиционные модальные глаголы из различных теоретических и прагмалингвистических точек зрения и предлагают большое количество обозначений для глаголов, которые в классической грамматике обозначаются субъективными. Некоторые из дефиниций мы можем привести: косвенные, эпистемические, грамматические, прагматические, конкурентные, эвиденциальные, второстепенные модальные глаголы, вспомогательные глаголы логической вероятности или необходимости, или модальные глаголы формулировки предпосылок информации, и те, которые в качестве мотивов речи описывают осведомленность [Wissen] или уверенность [Glauben] говорящего. Семантически-синтаксический статус модального глагола *werden* в этих обозначениях соответствующих систем остается неясным по причинам, указанным выше.

Сперва необходимо кратко рассмотреть уже существующие проблемы, которые касаются парной пары деонтистический: эпистемический.

В этой работе мы не можем рассмотреть глагол *werden* в целостной системе модальных глаголов, поэтому мы ограничимся изложением прагмалингвистических данных

только глаголов *werden* и *müssen*. Этот выбор является обоснованным:

1) Оба глагола используются в значении субъективной модальности относительно часто в повествовательной литературе богатой диалогами, которые лежат в основе нашего исследования. При этом количество случаев использования *müssen* значительно больше (59,6% всех материалов, которые составляют 357 фрагментов).

2) Кондиционализированный *dürfen* (*dürfte*), который по сведениям Duden-Grammatik «почти всегда» может заменить *werden* в соответствующих сочетаниях [3, 89], что по Фатеру «не соответствует действительности» [6, 74]. Такая возможность замены представляется в обработанных мною фрагментах очень редко, что не является приемлемым для сравнительного анализа и описания.

3) Модальные глаголы *werden* и *müssen* в некоторых работах уже подлежали контрастивному анализу, что позволяет нам вступить в актуальный прагмалингвистический дискурс с углублением проблематики.

4) Семантически-прагматическое родство *müssen* и *werden* представляется очень близким, что подчеркивает их взаимозаменяемость, сравните: *Das wird/ muss so sein*.

Для наглядности анализируемых типов конструкций, мы представляем в модализированно-пропорциональной форме следующую таблицу:

Таблица 1

1a. Greta muss einsam sein.	1b. Greta wird einsam sein.
2a. Greta muss einsam gewesen sein.	2b. Greta wird einsam gewesen sein.
3a.* Greta hat einsam sein müssen.	
4a. Greta musste einsam sein.	4b. Greta würde einsam sein.
5a. Greta musste einsam gewesen sein.	5b. Greta würde einsam gewesen sein.
6a.* Greta hatte einsam sein müssen.	

Необходимо внести несколько примечаний к данной таблице. Звездочки, которыми помечены предложения 3а и 6а, обозначают, что данный вид использования модальных глаголов вовсе не встречался в материалах нашего исследования. Многие исследователи считают такой тип предложений неприемлемым. Предложения 2а/ 3а и соответственно 5а/ 6а комментируются в работе Лейбрукта: «Вспомогательными глаголами модуса (= деонтистические модальные глаголы) выражается личное отношение и временные отношения предиката, например, »Ich habe ihn suchen müssen« [...] Только с помощью вспомогательных глаголов логической вероятности и необходимости (= эпистемические модальные глаголы) выражается временное отношение предиката к понятийному слову, например, »Er [...] muss schon abgeflogen sein“» [5, 345]. Лейбрукт очевидно опускает или вообще игнорирует возможное деонтистическое значение предложений 2а/ 5а.

Фрагменты с деонтистическим *müssen* + *Inf. Perf.* (*Inf. II*) встречаются относительно редко. В проанализированном

нами материале данная конструкция встречается всего 6 раз (из 83), это составляет 0,7% всего материала. В 99,3% всех предложений модальный глагол *müssen* + *Inf. I/II* употреблен со значением субъективной модальности, что позволяет подчеркнуть относительность следующей критики классического правила, особенно, что касается 3а/ 6а: «Довольно смелым является утверждение, что деонтистическое и эпистемическое значения *müssen* [...] образуют разный *Perfekt*: (13) *Du hast sehr sorgfältig sein müssen*. (14) *Du musst sehr leichtsinnig gewesen sein* [...] Для предложения (14) отсутствуют ограничения в интерпретации: это равноценно как для деонтистической предпосылки речи, так и для эпистемической. Однако в предложении (13) эпистемическое трактование проблематично» [8, 119].

После исследования многочисленного материала мы можем утверждать, что оценка Вундерлихом данного правила является несколько преувеличенной. По отношению к разговорной речи его утверждение может быть весьма реалистичным. «Когда кто-то вместо: »Da muss ich

mich geirrt haben», — говорит, — »*Da habe ich mich irren müssen*«, тогда говорящий попадает в курьзное положение, поскольку такое передвижение временных форм — от инфинитива к склоняемому глаголу не может произойти в здравом уме. Хотя такая ошибка встречается отнюдь нередко» [6, 56]. Из высказывания Фатера видно, что он придерживается литературной формы немецкого и одновременно выдвигает рациональные доводы против либерального правила Вундерлиха. Однако существует мало правил для немецкого синтаксиса, которые по смыслу эксплицитативно лучше, чем те, которые подвергнул критике Фатер.

Разница между субъективной и объективной модальностью модальных глаголов была выяснена и унифицирована еще 40 лет назад. Однако в различных научных трудах рассматриваются примеры, которые поднимают вопрос о том, что граница между двумя типами модальных глаголов не является неоспоримой. У Бринкманна, например, чьи «лексические» и «грамматические» модальные глаголы дефинитивно отвечают соответственно деонтическим и эпистемическим, мы можем найти следующие примеры: «*Du musst dir die neue Realisation ansehen*» и «*Er sagte, dass sie sofort ankommen mussten*» в качестве примеров использования грамматических модальных глаголов, читатель может из этого сделать вывод, что «грамматический» не тождественен «эпистемическому». [1, 46]

Но также исследователи, работающие с классическими терминами «субъективный»/ «объективный», указывают на то, что существует определенная понятийная неясность. Лейрбукт предлагает точные примеры в своей работе, посвященной конструкции *модальный глагол + Inf. II*. Три коротких фрагмента из его работы мы считаем необходимым прокомментировать:

1. В следующем предложении он намерен «использовать können в значении субъективной модальности»: «*Noel war mit Hans [...] nach Novara gefahren, wo er [Hans] den letzten Zug nach Sondrio nehmen und vor Morgengrauen die Grenze passiert haben konnte. Noel wollte in Novara bleiben [...]*» [5, 216]. Транспозиции в презенс достаточно, чтобы продемонстрировать, что мы имеем дело с объективной модальностью: (Noemi denkt oder sagt:) «*[...] hier kann ich den letzten Zug [...] nehmen und vor Morgengrauen die Grenze passiert haben*» [Там же]. В фрагменте рассказчик не выражает «своей субъективной установки к отраженному в его сознании положению вещей» [Там же], в то время, как модальный глагол является функтором предиката к Inf. I/ II.

2. К фрагменту: «*[...] und der Rasierklingenfabrikant musste es wohl gehört haben, denn vor der nächsten Tür drehte er sich um und sagte: »Wir essen jetzt im Kabinett«*» [5, 217], Лейрбукт поясняет данный случай так: «*Присутствие частицы предположения wohl, и используемое для обоснование гипотезы denn указывают на то, что müssen используется субъективно*». [Там же] Но субъективное использование müssen здесь зависит явно не от *wohl* и *denn*.

3. «*В амбивалентном примере (48) дополнение в виде unbedingt влияет на объективную интерпретацию модального глагола*»: (48) *Er muss es vor seiner Abreise hinter sich gebracht haben*» [5, 221] Однако это не проясняет сути. Значение субъективной модальности (отсылка к прошлому времени) не блокируется дополнением *unbedingt*; сравните: »*Er musste unbedingt Affären haben*« [Там же] Данное предложение имеет силу также при трансформации в эпистемическое *muss + Inf. II*: »*Er muss unbedingt Affären gehabt haben*« [Там же].

Объяснение приведенных здесь отклонений от нормального использования предложенных терминов возможно найти в следующих примечаниях Лейрбукта: «*Я придерживаюсь классического разделения субъективного и объективного употребления модальных глаголов, не имея возможности их проверить. Границу между двумя способами употребления не всегда легко определить*». [5, 300] Очевидно он имеет ввиду термины «субъективный» и «объективный», которые чаще всего приводят к недоразумениям семантического толка. Мы вынуждены отказаться от дальнейшего разбора, но мы бы хотели в конце этой части указать на то, что дискуссия с оппонентами становится все более необходимой, чем полемика между приверженцами теоретического и методологического направления, которые в целом придерживаются единого мнения: «*Лингвист, который анализирует речевые выражения, должен понимать связанные с ними действия и соответствующей образ мыслей. Его целью является ознакомить говорящего с особенностями употребления выражений, с их зависимостью друг с другом и связью с определенными действиями и проблемами*» [1, 85]. Сравните с следующим описанием прагматико-лингвистического метода у Альтхаус/ Хенне: «*[...] Прагматическая лингвистика может посредством наблюдения многообразия единичных процессов речевой коммуникации выработать типизирующее речевое дискурсивное поведение говорящего: таким образом, прагматическая лингвистика может типизировать речевое сообщение ссылаясь на коммуникантов относительно намерений и действий, которые с ними связаны*». [3, 165]

Для реализации намеченных целей на примерах используется сравнение полностью или частично идентичных фактических предпосылок речи, на которых базируется высказывание с эпистемическими *werden* и *müssen*, излагая факторы воздействия (чаще всего перлокутивных) различных типов высказываний. Наш анализ включает спорное употребление обоих модальных глаголов в значении субъективной модальности. Приведем пример, в котором ярко отображены пункты, о которых идет речь в исследовании. Для этого используем короткий диалог, в котором «опытный взломщик» (Verbrechermeister [M]) разговаривает с «начинающим преступником» (Verbrecherlehrling [L]):

Situation: Im Warenhaus, Nacht, Raub gelungen.

Dialogauslösendes Ereignis: Leises Knistern

Gesprächsindikator: Flüsterton

L.: Horch! Da ist was! Hörst du es auch? Es muss der Nachtwächter sein!

M.: Ach was. Wird eine Ratte sein. Es gibt viele hier im Laden.

L. и M. ссылаются на одно и то же событие (на одно и то же обстоятельство). Можно заметить, что замещение *muss* с помощью *wird* и наоборот в соответствующих предложениях не будет искажать смысл, но может сделать диалог ненатуралистичным или вообще неприемлемым. Диалог преступников относится к распознаваемым формам употребления и поэтому приведен в начале, для того, чтобы указать на необходимость анализа и обсуждения, которые выходят за пределы простого определения условного мотива речи (в терминологическом аппарате Вундерлиха это осведомленность и уверенность).

Оба сочетания должны быть контрастно рассмотрены на тех видах предложений, в которых они чаще всего встречаются в главном предложении; 97,2% сочетаний с *werden* и *müssen* встречаются в этом типе предложений (в отличие от относительно редко встречающихся типов подчиненных предложений, в которых они были зарегистрированы лишь в 70,7% случаев в предложениях с *dass...* и в относительных придаточных предложениях с *werden* и 82,8% с *müssen*). Поскольку *müssen*-предложения с отрицанием встречаются очень редко, мы используем предложения, которые не содержат негации. Ввиду редкого употребления *würde* + *Inf. I/ II*, только презенсные формы *werden/ müssen* + *Inf. I/ II* являются фактическими, что в статистическом смысле является сопоставимым. 98% обнаруженных нами конструкций являются прямой (или цитируемой) речью, также диалоги или соответствующие диалогам ситуации. Эпистемические *Futur I/ II* и *müssen* + *Inf. I/ II* мы рассматривали в рамках данной работы как тождественные в прагматико-лингвистическом смысле: «*Es wird/ muss eine Ratte sein*» = «*[...] eine Ratte gewesen sein*».

В специализированной литературе редко сопоставляются эпистемические *werden* и *müssen* и почти не излагаются различные способы их использования. Рассмотрим два примера для подобного сравнения: «*Sie sind ganz durchgefroren, sagte Fritz zu Mia*» «*Sie werden erkrankt sein*» [7, 561] «*Sie müssen doch erkrankt sein vom Durchfrieren*». Высказывания можно сократить до следующих контрастирующих примеров:

Sie werden erkrankt sein.

(1) Sie müssen erkrankt sein.

(2) О двойной последовательности [Doppelsequenz]

Er wird/ muss... das gerochen haben пишет Бринкманн: «В любом из этих случаев предположение обосновывается по-разному: С помощью *werden* выражается гипотеза, которая опирается на опыт [...] Каждый раз ответственность лежит на говорящем [...] *müssen* высказывает неуверительное предположение, которое включает и другие возможности» [1, 114].

Исходя из этого, в высказывании (1) говорящий принимает на себя ответственность, в то время, как во (2) этого не наблюдается (?), во втором, напротив, появляется возможность альтернативных интерпретаций, что отсутствует в первом (?). В действительности это довольно сложно определить.

В работе Дилингса подчеркивается разница в употреблении обоих сочетаний модальных глаголов. По его мнению, *müssen* «употребляется в том случае, когда говорящий логически выводит свою гипотезу из косвенных доказательств [...] *werden* тематизирует субъективную убежденность, которую говорящий не может или не хочет обосновать» [2, 328]. Мы глубоко убеждены, что лежащие в основе примеров подтверждения противоречат этому аподиктическому обобщающему высказыванию. Трудно доказать или опровергнуть сложные установки, которые лежат в основе конструкций *werden* + *Inf. I/ II*. Многие из примеров, приведенных Дилингом являются весьма своеобразными. Так, например, он приводит следующее предложение: «*Peter muss nicht nur zu Hause sein; er wird bestimmt auch zu Hause sein*» [2, 330]. Его комментарий звучит следующим образом: «Если бы значение *werden* в качестве фактора гипотезы был бы охарактеризован с помощью уровневой шкалы, то данное предложение было бы признано лишенным смысла, поскольку предположение, граничащее с уверенностью, которое выражает *müssen* было недостаточно глубоко подкреплено. Частица *nur*, обозначающая степень, ограничивает значение предложения с *müssen*, в противовес предложению с *werden*. Этим предложением говорящий выражает, что он не владеет достаточно вескими основаниями предполагать, где находится Петер, однако он субъективно верит, что Петер именно там» [Там же].

Мы полагаем, что данный пример также может рассматриваться как лишенный смысла, или по крайней мере признанным весьма атипичным в качестве предложения, содержащего модальный глагол субъективного значения. Но если рассматривать предложение как содержащее деонтический модальный глагол (в значении будущего), то оно является релевантным. В то время как *müssen* рассматривается в нашей работе чаще всего в качестве модального глагола субъективной модальности и стоит под логическим ударением, то *werden* в таком контексте не встречается вовсе.

Заключительное предложение в работе Дилинга звучит следующим образом: «*Werden* тематизирует — в противовес другим факторам гипотезы за исключением *wohl* — субъективный характер гипотезы. В этом заключается его особенность» [2, 331]. В этом заключается сложность: чтобы найти убедительные аргументы, подтверждающие гипотезу, что предложение (1) является субъективной гипотезой, а (2) содержит не-субъективную гипотезу, или что (2) необходимо понимать как «объективное» в противовес (1). В обоих предложениях нахо-

дится модальный глагол субъективной модальности, и обе «гипотезы» без сомнения являются субъективными, то есть эпистемическими. Мы можем извлечь из этого следующий вывод: ни Бринкманн, ни Дилинг не пришли к точной формулировке правила, которое проясняет разницу между (1) и (2) и подобными между собой *werden* и *müssen*; также им не удалось сформулировать релевантные примеры. Как и многие другие исследователи ими была проигнорирована непротиворечивая равнозначность эпистемических *werden/müssen*. К похожим противоречивым выводам приходят и другие лингвисты, которых мы рассмотрим далее.

Составители словарей исходят в основном от приущей обеим конструкциям семантики модальных глаголов. При этом можно выделить две основополагающих точки зрения: 1. Обе конструкции имеют приблизительно одинаковое значение; 2. Конструкции имеют совершенно разную семантику. Примеры, подтверждающие первое утверждение можно найти в большинстве современных словарей, например, у Варига, у которого *werden* используется «в предложениях, высказывающих неопределенность» [7, 1350], подкрепленное примерами, как: «*Er wird es wohl nicht gelesen haben er hat es sicher nicht gelesen [...] es wird schon so sein, wie du sagst es ist sicher so*» [Там же]. *Müssen* употребленное в значении субъективной модальности имеет значение «*правдивости, принятия того, что*» [...] *er muss sehr erkrankt sein*»; это может вполне соответствовать правде». [7, 645] По другим словарям, например, у Клаппенбах/Штейница *müssen* выражает в противовес *werden* «*необходимое логическое заключение, убедительное предположение*». В словаре Duden *werden* выражает «*предположительное происшествие*» [3, 264]; *müssen* «*выражает высокую самостоятельную правдивость, которая опирается на определенные факты; выражает то обстоятельство, что нечто воспринимается определенно достоверным*» [Там же]. Итак, в данном словаре принимается пограничная точка зрения между Варигом и Клаппенбах/Штейницем. Крайнюю точку зрения, которая закрепляет за *müssen* убедительное логическое заключение или предположение, разделяют также теоретики коммуникативного акта, как, например, Вундерлих. Он пишет: «*Müssen* отмечает то, что фактические обстоятельства дела логично вытекают из соответствующих речевых предпосылок [для эпистемического *müssen*: осведомленность или уверенность говорящего] (это соответствует умозаключению про отсутствие альтернатив)». [8, 211]

Ссылаясь на примеры (1) и (2) мы можем считать приемлимой только характеристику, представленную в словаре Варига. Сложно определить, что предположение (2)

является более логично убедительным, чем (1), или что здесь отсутствует возможность альтернатив. Вундерлих не сравнивает два сочетания модальных глаголов, но можно вполне предположить, что он мог бы найти альтернативу конструкции с *werden*. Это позволяет сделать вывод, что только характеристика Варига в (1) и (2) является сообразной; его обоснованно «синонимичное» объяснение может в то же время, как мы можем отметить, быть опровергнуто, поскольку игнорирует общепринятые закономерности употребления.

В качестве последнего типа характеристики мы приведем здесь перифрастическую, которая, по нашему мнению, является более понятной, чем приведенные выше. Самыми важными работами по этой теме являются работы Рейно и Фатера. Этот тип характеристики связывает предложения, как (1) и (2) с определенными семантически родственными модальными наречиями, которые характеризуются как достоверные соответственно скаляру. Здесь можно упомянуть различные интересные размышления о соответствующих типах предложений, которые можно назвать экстрамодализованными [extramodalisierte], например, *es muss wohl richtig sein*. Наиболее часто употребляемыми модальными наречиями являются *bestimmt*, *sicher(lich)* (для *müssen*) и *wahrscheinlich*, *vermutlich* (для *werden*), но полного единодушия, однако, не существует. Так Рейно считает, что *bestimmt* соответствует *werden*, в то время как Фатер утверждает его сродство с *müssen*.

Сюда привносит ясность исследование, проведенное Герстенкорном на основе масштабного опроса информантов. Высокую степень уверенности со стороны говорящих по отношению к собственному высказыванию обнаруживает следующий ряд наречий *sicher*, *bestimmt*, *gewiß*, в то время как *wohl*, *wahrscheinlich*, *vermutlich* указывают на средний уровень уверенности. Фатер представляет «*точку зрения, что уровень неуверенности, который выражен посредством werden, можно точно определить: те, которые выражены с помощью werden передают большую степень неопределенности, чем те, которые выражены с помощью müssen. Для всех ступеней инференциальной модальности используются помимо того и модальные наречия. Граничащее с уверенностью, соответственно базирующееся на убедительных исходных данных предположение, может быть выражено как с помощью müssen, так и через модальные наречия, как anscheinend, offenbar, bestimmt, sicher или höchstwahrscheinlich. Для среднего уровня инференциальной модальности, а именно для менее определенного предположения, наряду с werden используются модальные наречия, как wahrscheinlich или vermutlich*» [6, 95]. Он приводит следующие примеры [Там же]:

Fritz muss zu Hause sein.	Fritz ist bestimmt zu Hause.
Es ist sicher, dass Fritz zu Hause ist.	Ich bin überzeugt, dass Fritz zu Hause ist.
Fritz wird zu Hause sein.	Fritz ist wahrscheinlich zu Hause.
Es ist wahrscheinlich, dass Fritz zu Hause ist.	Ich glaube (nehme an), dass Fritz zu Hause ist.

Модальное наречие *anscheinend* должно быть связано не с *müssen*, а с *werden*, что следует из исследования Герстенкорна.

В нашем исследовании мы показали, что предыдущие исследования, посвященные использованию *müssen* и *werden* во многом пришли к неприемлемым результатам и что только принятие во внимание прагматических условий высказывания ведет к адекватному анализу и характеристике. Нашей главной целью было стремление указать нашим коллегам на большие лакуны, которые присутствуют в области прагматико-лингвистического исследования эпистемических *werden* и *müssen*. Данное исследование явля-

ется одной из немногочисленных попыток проанализировать столь многогранную проблематику, поэтому разбор уровня изученности или соответственных теорий был необходим. Мы полагаем, что при исследовании модальных глаголов нужно было бы сосредоточиться на трех подмножествах, ранжированных по типу субъекта предложения, что представляет хорошую основу для дальнейших исследований примечательных правил и закономерностей. В заключение мы считаем необходимым отметить, что в нашей статье мы обрисовали проблемы, которые представляют особый научный интерес для представителей так называемой генеративной семантики в сфере модальных глаголов.

Литература:

1. Brinkmann, Hennig. Information und Realisierung: Zum Zusammenhang zwischen Modalität und Kommunikation. — Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014. — 435 S.
2. Dieling, Klaus. Das Hilfsverb «werden» als Zeit- und als Hypothesenfunktor // Zeitschrift für Germanistik. — 1982. — № Jg. 3. — S. 325–331.
3. Dudenredaktion. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. — Berlin: Bibliographisches Institut GmbH, 2016. — 430 S.
4. Gerstenkorn, Alfred. Das «Modal»-System im heutigen Deutsch. — München: Fink, 1996. — 96 S.
5. Leirbukt, Oddleif. Aspekte der Verbalgrammatik — Vorwort. — Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, Bibliothek, 2015. — 430 S.
6. Vater, Heinz. Einführung in die Zeit-Linguistik. — 3., verb. Aufl., korrigierte und erw. Fassung. — Hürth-Efferen: Gabel, 1994. — 191 S.
7. Wahrig, Gerhard. Deutsches Wörterbuch. — 7., vollst. neu bearb. und aktualisierte Aufl. — Gütersloh: Bertelsmann-Lexikon-Verl., 2000. — 1452 S.
8. Wunderlich, Dieter. Pragmatik und sprachliches Handeln. — 3., korr. u. erg. Aufl. — Frankfurt (am Main): Athenäum, 1974. — 323 S.

Особенности функционально-дискурсивного параметрирования фразеологических единиц (на материале произведений англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса)

Сардалова Луиза Рамазановна, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье рассматривается функционально-дискурсивный аспект исследования феномена фразеологических единиц в рамках современного англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса. Автором предпринимается попытка устранения определенных теоретических лагун относительно характеристики функционального диапазона фразеологических единиц, равно как и выделения ранее не анализируемой в должной мере композиционной стратификации данных единиц. Указывается необходимость проведения дальнейших исследований в области когнитивно-дискурсивной актуализации фразеологических единиц как комплексного лингвокреативного феномена.

Ключевые слова: фразеологическая единица, дискурс, интерпретация, коммуникация, структура, функционально-дискурсивный подход, модификационная стратификация, функция.

Важность функционального направления современного языкознания сложно переоценить, об этом свидетельствует появление «функциональной лингвистики» как отдельной научной дисциплины о языке в действии,

основным принципом которой выступает язык как целенаправленная система средств выражения (то, что Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой и С.О. Карцевский в рамках исследований Пражской лингвистической школы

назвали телеологическим принципом [см. 1–4]. Несмотря на наличие глубоких методологических корней, обнаруженных в ряде философских научных работ, именно обращение функционализма как научной парадигмы, исследующей объект в его связях и взаимодействии со средой, к антропоцентрическому фактору в языке дает возможность проведения анализа и оценки языка как объекта изучения с новых позиций, видоизменяя, тем самым, само понимание языка [5–7].

Проведенный нами анализ англоязычных ФЕ в британском и американском научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе (далее — Н-П МОД) и их лингвостатистическое структурирование позволяют разделить весь имеющийся массив исследуемых единиц по структурному принципу на две основные группы: немодифицированные (Брит.: 74%; Америк.: 79%) и модифицированные (Брит.: 26%; Америк.: 21%) ФЕ. Как видно из самого названия, единицы первой группы являются ФЕ, не претерпевающими в Н-П МОД никаких структурных изменений. Для единиц второй группы характерно частичное или полное изменение структурного состава, что непременно находит отражение и на семантическом уровне данных языковых знаков.

Приведем примеры обозначенных фразеологических единиц в соответствии с их модификационной структурой (для удобства представления в статье будут отображены примеры непосредственно американского Н-П МОД):

— Немодифицированные ФЕ:

Soon, the prophesied «increase in gut transit time» took hold with clocklike precision. As for any cholesterol and blood sugar changes, it was too soon to tell. But I could **take heart** from the small but indisputable weight loss that kicked in after several weeks. Scales don't lie: After the first month, 3 pounds less of me now trod upon the earth!

(Men's Health USA)

— Модифицированные ФЕ:

• Диссолюция

Данный прием фразеологической модификации является «растворением» анализируемой единицы в текстуальном пространстве посредством ее полного слияния со структурой предложения, в рамках которого она находится.

L.A. is **highbrow**, lowbrow, and everything in between. Sample some of each with our freewheelin' itinerary.

(Men's Health USA)

• Добавление

The program allows FSs to attend training, take leave, etc. without the Station **being** a bit **short handed**. The AUX-CHEFs can also assist with VIP events, Change of Commands and other events such as picnics.

(Men's Health USA)

Считаем важным отметить, что длина самого добавочного элемента находится в прямой зависимости от степени окказиональности и вероятности репродуцирования ФЕ. Таким образом, чем длиннее оказывается модифицированная ФЕ, тем реже вероятность обнаружить ее в других дискурсивных произведениях и, как следствие, меньше вероятность ее репродуцирования в речи.

• Замещение

Of course, trying to make yourself relax is pretty pointless anyway. At least not without some... Well, that just **made my flesh** crawl! Nerves.

(Men's Health USA)

В данном случае замещение в исходной ФЕ американской ФЕ «make one's flesh creep» последнего элемента на слово «crawl», практически не изменяет внутреннюю структуру этих единиц, т.к. в контексте соответствующих дискурсивных отрывков слова «creep» и «crawl» являются синонимичными.

• Конверсия

In some negotiations there will be winners and losers, but viewing the process in general as a game to be won or lost is a mistake, says Latz. Figure out what the other side's goals are and see if you can finagle both sides so it becomes a **win-win** situation.

(Men's Health USA)

Стоит отметить, что в рамках американского Н-П МОД использование ФЕ, образованные по принципу конверсии, наблюдается чаще. Таким образом, некоторые модифицированные ФЕ этой группы постепенно становятся стандартизированными ФЕ и входят в общее употребление. Данное обстоятельство говорит о большей предрасположенности американской лингвокультуры к использованию и инкорпорированию окказионализмов в общеупотребительный пласт языка.

• Усечение

Three's a crowd. While exposure is the name of the game, that doesn't mean you want the world to see what you and your partner are up to. Thankfully, privacy innovation is finally catching up with the way people are using technology. For example, most video-chat programmes don't let you screen-grab (Apple's FaceTime is one exception).

(Men's Health UK)

Стоит отметить, что сам прием усечения имеет в своей основе *принцип языковой и когнитивной экономии*, в соответствии с которым ФЕ является экономичным языковым знаком, инкорпорирующим большой диапазон внешне сходных жизненных событий и ситуаций, и обладающий большой когнитивной силой, что делает сам процесс обработки и передачи информации гораздо более эффективным.

Сводная диаграмма основных выявленных нами приемов фразеологической модификации в британском и американском Н-П МОД представлена ниже и выражена в процентном содержании (рис. 1).

Представленная теоретическая модель научной коммуникации представляется наиболее подходящей и отражающей все основные этапы продвижения научной мысли. В этом движении отсутствует однонаправленность [8–10]. Существенным является и то, что обозначенные стадии абсолютно взаимозависимы и взаимосвязаны между собой. Важно подчеркнуть доминантный характер именно этапа популярной науки не только как узлового и, в некотором смысле, переломного момента в коммуникации «наука <-> общество», но и как отдельного уровня, об-

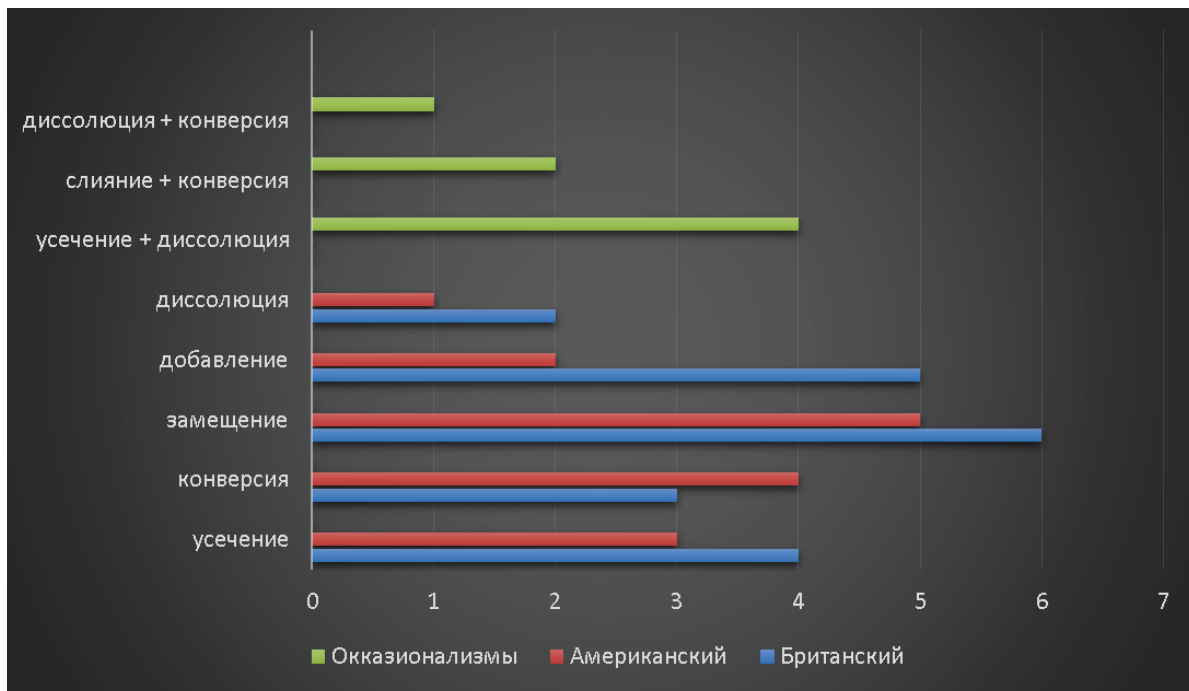

Рис. 1. Статистический анализ модификационных структур ФЕ в англоязычном Н-П МОД

ладающего специфичной особенностью оказывать непосредственное влияние на верхнюю ступень ученых (узких специалистов) [см.: 6; 10–13].

Учитывая объект проводимого анализа, важно отметить, что научная популяризация представляет собой неотъемлемый элемент общественной жизни и занимает существенное положение в системе общественных институтов. Последнее обусловлено тем, что описываемый процесс «вписывается в более широкий социально-экономический контекст, включающий в себя как политику, так и массовую коммуникацию», представляя популяризацию как неотъемлемый компонент конструирования и реконструирования общества.

Научно-популярный дискурс не является элементом классической стратификационной модели и не имеет гипотетической связи с каким-то конкретным видом дискурса, но обладает уникальным «обрамляющим» свойством, позволяющим ему инкорпорироваться в любую область человеческой деятельности и, таким образом, служить в качестве дополнительного элемента стратификационной модели любого институционального вида дискурса.

Н-П МОД представляет собой неотъемлемый компонент и субдискурс МОД, а также обладает набором уникальных лингво-коммуникативных свойств, требующих обязательного изучения. Н-П МОД является наглядным примером органичной эклектичности как сущностных параметров собственно научного институци-

онального дискурса, но и лингвопрагматических особенностей медиадискурса и должен быть подвергнут тщательному лингвистическому анализу с целью выявления особенностей его реализации в медико-оздоровительной сфере [14–18].

Стоит отметить, что результаты компонентного и стратификационного видов анализа в рамках общего сравнительно-сопоставительного исследования британского и американского Н-П МОД, продемонстрировали значительную схожесть в использовании различных ФЕ в обеих лингвокультурах.

Выделены две основные группы ФЕ по степени изменения изначальной структуры: немодифицированные (Брит.: 74%; Америк.: 79%) и модифицированные (Брит.: 26%; Америк.: 21%). Последняя категория включает в себя подразделы (диссолюция; добавление; замещение; конверсия; усечение; диссолюция + конверсия; диссолюция + усечение; слияние + конверсия), каждый из которых подлежит функционально-дискурсивному анализу и выделению специфических для ФЕ в Н-П МОД функций и принципов (телеологический принцип; экстенциональная семантическая направленность; резюмирующая функция; функциональный комплекс структурно-эпликационной организации дискурса; стилистическое оформление; внутреннее эмоционально-смысловое выстраивание дискурсивного каркаса; принцип языковой и когнитивной экономии).

Литература:

1. Веденина Л.Г. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании // Вопросы языкознания. — 1978. — № 6. — С. 64–78.

2. Якобсон Р. О. Избранные. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.
3. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. — Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. — 146 с.
4. Багиян А. Ю., Аванесян Н. К. Коммуникативно-прагматические характеристики стандартных детерминологизированных единиц (на материале англоязычного научно-популярного дискурса) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2016. — № 6. — С. 27–32.
5. Заврумов З. А., Багиян А. Ю. Дискурсивное пространство: сущностные характеристики и функциональный диапазон // Новые идеи в лингвистике XXI века: Актуальные проблемы и тенденции в рамках современных направлений лингвистической мысли. — Пятигорск, 2016. — С. 108–117.
6. Багиян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А. Мудрость веков в языке бизнеса. паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект: монография. — Казань: Издательство «Бук», 2017. — 184 с.
7. Ширяева Т. А. Функциональная характеристика делового дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № S23. С. 29–35.
8. Натхо О. И., Ширяева Т. А. Когнитивно-дискурсивные функции паремий в научно-популярном деловом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 2. С. 52–57.
9. Нерсисян Г. Р., Багиян А. Ю. Фразеологизм как способ оценочной манифестации в деловом дискурсе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 172–180.
10. Багиян А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: дисс... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2014. — 173 с.
11. Шлейвис П. И., Багиян А. Ю., Хачересова Л. М. Лингвистический аспект научной популяризации: исторические предпосылки и современное состояние // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 3. — С. 154–157.
12. Bagiyani A. Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2014. — № 5–6. — P. 69–73.
13. Багиян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 3. — С. 81–86.
14. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиа-текстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: МАКС Пресс, 2000. 288 с.
15. Bagiyani A. Yu., Bzhinaeva M. V., Nersesyan G. R. The creative potential of scientific and popular business discourse // The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics Proceedings of the Conference. — Vienna, 2017. — P. 3–7.
16. Ширяева Т. А. Метафоры как фактор формирования бизнес-сознания (на материале современного английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 128–132.
17. Багиян А. Ю. Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когниолингвистический аспект (на материале английского языка) // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 9–28.
18. Ширяева Т. А., Триус Л. И. Языковая реализация стратегии самопрезентации в британском парламентском дискурсе дебатов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 2. — С. 103–107.

English composite sentences with introductory «It»

Satimova Dilafuz Numonjonovna, assistant teacher
Andijan State University named after Z.M. Babur (Uzbekistan)

The article discusses the English composite sentences with introductory «it».

Key words: *introductory, coordination or subordination, anticipate, cataphoric function, polypredicative construction.*

People began to speak many centuries ago, and since then they have been speaking different languages. Every language reflects the soul, behaviour and temperament of each nationality.

Now English is spoken practically all over the world; it has become the world's most important language in politics, science, trade and cultural relations. English is one of the official languages of the United Nation Organisation. Half of the

world's scientific literature is in English. It is the language of computer technology.

To my mind English is worth studying. There is a proverb: «A new language is a new world». «Knowledge is a power», one great man said. Now I know that it is a must for XXI century professional no matter what job to choose. The world is getting smaller and international connections tighter. This article is devoted to one of the actual themes of modern comparative linguistics: «English composite sentences with introductory »It”.

The article is devoted to the analyses of the introductory «it» in composite sentences in Modern English. For the purpose of classifying introductory «it» and using in composite sentences I have analysed numerous works of foreign linguists, investigated various statistics on this field and observed the frequency of the introductory «it» in authentic materials and communication.

The composite sentence, as different from the simple sentence, is formed by two or more predicative lines. Being a polypredicative construction, it expresses a complicated act of thought, i.e. and act of mental activity which falls into two or more intellectual affords closely combined with each other. In terms of situations and events this means that **the composite sentence** reflects to or more elementary situational events viewed as making up a unity; the constitutive connections of the events are expressed by the constitutive connections of the predicative lines of the sentence.

Each predicative unit in a composite sentence makes up a clause in it, so that a clause as part of a composite sentence corresponds to a separate sentence as part of a contextual sequence. E.g *When I sat down to dinner I looked for an opportunity slip causally the information that I had by accident run across the Driffields; but the news travelled fast Black stable..*

As is well known, the use of composite sentences, especially long and logically intricate ones, is characteristic of literary written speech rather than colloquial oral speech. This unquestionable fact is explained by the three reasons: one relating to the actual *needs of expressions*; one relating to the possibilities of productions; and one relating to the conditions of perception. [4.288]

That the composite sentences structure answers the special needs of written mode of lingual expression is quite evident. It is this type of speech that deals with lengthy reasoning, descriptions, narrations, all presenting abundant details of intricate correlations of logical premises and inferences, of situational foreground and background, of sequences of events interrupted by cross — references and parenthetical comments. Only a composite sentence can adequately and within reasonable bounds of textual space fulfill these semantic requirements.

Composite sentences, as we know divide into compound and complex sentences. The difference between them is not only in the relations of coordination or subordination, as usually stated. It is also important to know what is coordinated or subordinated. In compound sentences the

whole clauses are coordinated, together with their predications. [4.298]

There are different approaches to composite sentences, for example,

N. A. Kobrina, E. A. Korneyeva distinguish the following composite sentences types:

1. The Compound Sentences.
2. Linked Independent Sentences.
3. The Complex Sentence.
  - 1) The Complex Sentence with Substantive Clauses.
  - 2) The Complex Sentence with a Subject Clause.
  - 3) The Complex Sentence with a Predicative Clause.
  - 4) The Complex Sentence with an Object Clause (The Complex Sentence with a Complement Clause).
  - 5) The Complex Sentence with an Attribute Clause.
  - 6) The Complex Sentence with an Adverbial Clause.
  - 7) Cases of Structural Arrangements Intermediate between Coordination and Subordination

In treating the composite sentences N. E. Kobrina and N. I. Korneeva classify them into the compound sentence and the complex sentence. The complex sentences in their turn fall under the following functional subtypes:

- 1) the complex sentence with nominal clauses (*subjective, predicative, objective* and *appositive*(content) clauses.
- 2) the complex sentences with adverbial clauses of *place, time, manner, comparison, condition, concession, purpose, cause, result. (consequence)*
- 3) pseudo-complex sentences:
  - a) emphatic (or cleft) sentences: It is John who did it
  - b) appended clauses (уточняющие предложения): She is a clever girl, *is your friend*. He never told me anything, *did your brother*.
  - c) absolute (or emancipated) subordinate clauses (if only I knew his address! As though you didn't know!)
  - d) parenthetical clauses (parentheses) often called *comment clauses*

There is, *as it were*, a transparent barrier between myself and strong emotions.

He waited (*which was his normal occupation*) and thought, like other citizens

In the section on pronouns, I saw that the word *it* is a third person singular pronoun. However, this word also has other roles which are not related to its pronominal use.

Here, we cannot identify precisely what *it* refers to. It has a rather vague reference, and we call this DUMMY *IT* or PROP *IT*.

It is sometimes used to «anticipate» something which appears later in the same sentence:

It's a pity that you can't come to my party

Because of its role in this type of sentence, we call this ANTICIPATORY *IT*.

One possible analysis is to set up an independent third category anticipatory «it», which is outside the dichotomy of referring *it* and prop *it* and takes the cataphoric function of anticipatory «it» to be an inherent property of the pronoun itself. This view seems to be implied in Curme's observa-

tion that anticipatory «it» differs from impersonal *it* in that it has «a little concrete force, since it points to a definite subject». [3.107]

Pronoun 'it' has no meaning. 'it' is use only to fill the subject position in the sentence. This, it's called introductory 'It'.

If we compare the two sentences below we can find their difference.

1. While in Hawaii, Peter had a nice experience. Now he is telling his friends about *it*.

2. *It* interesting to talk about a tourist object have visited. 'It' in the first sentence refers to something (the nice experience). We call it personal pronoun.

'It' in the second sentence refers to nothing. We usually use it to introduce the subject/object. We call it Introductory It.

Although an infinitive phrase can be used as the subject of a sentence, it is not common. It's more common to use the «empty subject» it clause: [5.240]

To prepare a lovely holiday dinner is easy.

It is easy to learn how to use a computer.

If the subject is a long or grammatically complex structure (a that — clause,

wh — clause, to — infinitive or if — clause) «it». This allows us to put those clause at the end of the sentence, which is the the usual place in English for information that is important or new.

For example we give you one simple sentence without introductory «it».

Why Steve decided to resign is clear.

We can also use introductory «it» in composite sentences as an object:

It is sometimes used as the object of the verbs *think, feel, deem, count, consider etc.*

Don't you think *it dangerous* to drive so carelessly?

IT + BE + ADJECTIVE/ NOUN /PHRASE + CLAUSE

– It +is+ **clear** +why + Steve decided to resign

– IT + VERB +(OBJECT)+ CLAUSE

– Verbs in this group include *amaze, annoy, astonish, bother, concern, frighten, hurt, please, scare, shock, surprise, upset, and worry.*

– IT +VERB+ADJECTIVE/NOUN PHRASE+FOR + OBJECT + TO INFINITIVE

– This structure is common with many adjectives expressing *possibility, necessity, importance, etc.* some of them are *important, normal, common, un/usual, right, wrong, pointless, vital, etc.*

– *It + is + vital that + for+ her+ to be resilient to her job.*

– *It* is common with the passive voice. *It* makes the sentence seem less personal and more objective:

– **It** was decided that we should all swim across the lake before breakfast.

My article is devoted to one of the actual themes of modern linguodidactics: «English composite sentences with »it«. I have tried to give a systematized study of the introductory »it" in composite sentences. It is hard to say exactly how people learn languages although plenty of researches have been done into this subject. Many methods have been proposed for the teaching the foreign language. And they have met with varying degrees of success and failure. Statistically, people learn languages in three effective ways: by acquiring the language, interacting with other people and by focusing on form.

References:

1. Кобрин, Корнеева, Осовская и др. «Грамматика английского языка: Морфология».С-П., 1999.
2. Bolinger, Dwight L dissertation on «The lexical value of »it"». Working papers in Linguistics (University of Hawaii): 1970. p57
3. Collins, Peter dissertation on «Cleft construction in English» 1191, p107
4. М. Y. Blokh «Theory of Grammar» Москва «Высшая школа» 1983
5. p 288, 298
6. Yerkes, P. Teaching and learning a second language. London: Longman. 1989 p 517
7. www.educationuk.org

Этапы становления и стандартизации китайской письменности

Чайлахов Иван Васильевич, студент;

Рудометова Анастасия Юрьевна, преподаватель

Донской государственный технический университет

В статье описываются процессы стандартизации, унификации и упрощения китайской иероглифики в различные эпохи, приводятся основные исторические справки и ключевые фигуры, сыгравшие важнейшую роль в развитии письменности. Авторами рассматриваются последствия упрощения иероглифики, которое повлияли на китайское общество в целом. Так же выделяются категории современных китайских иероглифов, как результат стандартизации китайской письменности.

Ключевые слова: китайский иероглиф, китайская письменность, упрощение иероглифа, идеографический знак, фоноидеографический знак.

Китай — одна из наиболее древних цивилизаций, которая вобрала в себе множество различных государств, народов и культур. Как и любая другая культура, китайская за свою многовековую историю оставила после себя множество продуктов своего развития, что и сформировало эту страну в таком виде, в котором мы знаем ее сейчас. Наиболее значительным вкладом не только в китайское, но и в мировое наследие стала китайская письменность — наиболее распространённое идеографическое письмо¹ используемое в Наше Время.

Китайское письмо — это сложная, многополярная система знаков (иероглифов), которая берет свое начало в XVIII—XVII до н.э. и продолжает свое развитие по сей день. Китайское письмо преодолело невероятно длинный путь от цзягувэнь (гадательных записях на костях) до современного образа, при этом оставив нам визуальное напоминание-отсылки о своих истоках. В течении почти 4 тысяч лет иероглифика множества раз подвергалась различным реформам и преобразованиям, направленным, чаще всего, на упрощение и стандартизацию письменности.

Итак, что же такое китайская письменность, и в чем ее принципиальное отличие от привычной нам — буквенной? Главным образом, отличие иероглифов от буквенных знаков определяется тем, что каждый иероглифический знак несет определенное лексическое значение и во многом «сопоставим со словом или знаменательным корнем слова в другом языке». [1, с. 4] Каждый иероглиф, помимо прочего, соответствует определенному слогу, другими словами является морфемой (минимальной лексической единицей в языке). Также, большим отличием от буквенной системы письма является количество и сложность письменных знаков, и варианты их написания. В современном мире принято выделять две формы китайского письма — старую (вэньянь) и современную (байхуа), однако история китайской письменности не ограничивается лишь этими двумя этапами.

История китайской письменности. Точный возраст иероглифической письменности установить не представляется возможным. По некоторым данным китайская письменность берет свое начало как пиктограммы в поселениях Цзяху на реке Хуанхэ. Данное письмо было обнаружено в 1962 году при раскопках, и, хотя существует сходство между письмом Цзяху и современными иероглифами, однако преемственности между ними установлено не было, поэтому письмо Цзяху принято считать тупиковой ветвью иероглифической письменности.

Согласно трактату «Даодецинь», до изобретения письменности придворным историографом Цан Цзеном,

китайцы пользовались цзешэн, так называемым узелковым письмом, представляющим собой способ записи информации при помощи узелков на веревке.

История китайской иероглифической письменности по разным данным берет своё начало в XIV — XI веках до н.э. Как уже упоминалось ранее, наиболее ранними образцами письменности в Китае являются иньские² гадательные надписи или цзягувэнь. Образцы этой письменности относятся ко второй половине эпохи Шан, также известной как государство Инь, или Шан-Инь. Первые подобные надписи были обнаружены в 1899 году и позже были выделены как цзягусюэ — наука о надписях на панцирях и костях животных. Даже спустя несколько тысяч лет в этих надписях можно проследить прямую связь с современным образом китайской письменности.

Следующим этапом развития иероглифов следует считать цзиньвэнь (ритуальные надписи на бронзовых изделиях). Эти находки относятся уже к XIII — IV вв. до н.э. и отличаются большей зрелостью и упорядоченностью. В этот период наблюдается стандартизация формы иероглифов, из-за технологии изготовления бронзовых надписей, иероглифы начали приобретать квадратную форму. В эпоху династии Чжоу³, письменность переживает активное распространение среди различных привилегированных классов населения.

Важной частью истории китайской письменности стало циньское письмо. «Оно включало два вида: дачжуань («большая печать») и сяочжуань («малая печать»). Дачжуань существовало до объединения Шести царств (221 г. до н.э.) а сяочжуань после и была унифицированной». [2, с. 27] Дачжуань считалось первым классическим стилем каллиграфии, примеры такого письма были обнаружены на каменных барабанах эпохи династии Тан, а также на пиньянской стелле бывшего государства Великой Цинь. Сяочжуань была введена императором Циньшихуань в 218 г. до н.э. для унификации китайской письменности.

Постепенно формировалась потребность в более простом и быстром способе написания, таким образом в III вв. до н.э. на основе сяочжуань был создан более строгий и упорядоченный стиль лишу («официальное или чиновное письмо»). Лишу использовалось в официальном общении и для написания документов. Создателем этого стиля письма стал Чэн Мяо, он придал иероглифам округлую форму, сделал их более пропорциональными по сравнению с чжуань.

Завершающим этапом формирования китайской иероглифической письменности стал переход от лишу, успешного стать официальным к тому времени (IV вв. н.э.)

¹ Идеографическое письмо — письменный знак или условный рисунок, который визуально отражает вложенную в него идею о предмете или явлении.

² Государство Шан-Инь — 16–11 вв. до н.э.

³ Династия Чжоу — 11–3 вв до н.э.

к более совершенному стилю кайшу, называемому «образцовым письмом», а также его вариантам — курсиву синшу, названному «идущими письменами» и скорописи цаошу или «травяное письмо». Кайшу было создано в эпоху династии Вэй-Цзинь, однако получило широкое распространение во времена династии Цзинь и существует до настоящего времени. Система иероглифов этого стиля четко структурирована, порядок черт строго определен. Иероглиф стремится к квадратной форме, не имеет наклона и, как современные иероглифы, состоит из 8 видов черт: горизонтальная черта, вертикальная черта, восходящая, точка, откидные и крюк. Стиль кайшу считается первым при изучении каллиграфии.

Одним из вариантов кайшу является стиль синшу, изобретенный Лю Дэшэнем в эпоху Хань. Синшу считается свободным стилем каллиграфии, и является промежуточным вариантом между кайшу и цаошу. Из всех известных образцов написания синшу, лучшим считаются «Надписи в павильоне Ланьтин» эпохи Цзинь.

Цаошу или травяное письмо является вариантом скорописи стиля кайшу. Изобретателем Цаошу считается Чжаном Чжи, живший в эпоху Хань (приблизительно 192 г.н.э.). Его также называют цзиньцао. Почерк цаошу считается самым сложным для изучения и имеет несколько направлений: чжанцао, цзиньцао, куанцао и другие. Владение стилем цаошу считается каллиграфическим искусством.

Вследствие этого с приходом кайшу иероглифы получили свой окончательный образ и в дальнейшем лишь происходил процесс их унификации и упрощения.

Процессы стандартизации и унификации в китайском языке. Существовало несколько основных этапов стандартизации китайский иероглифов:

1. После объединения страны (221 в. до н.э.) первым императором Цинь Шихуан-ди
2. В эпоху Суй и Тан после повторного объединения государства (VIII–X вв.)
3. После основания Китайской народной республики (1950 г)

С древних времен правительство придавало большое значение упорядочиванию, и объединению китайской письменности. Так «Цинь Шихуан-ди устранил различия между языками его царства и сделал установленную после этого сяочжуань единым письменным языком во всей стране» [2, с. 101]. Для этого была острая необходимость по причине того, что у каждой провинции была своя фонетика и письменность, а объединение «Шести царств»¹ в одно государство без единой языковой системы не представлялось возможным.

Позднее, составленный в эпоху Восточная Хань (I — II вв.) словарь «Шовэнь цзецзы» сыграл наибольшее значение в стандартизации письма, так как, свержение династии Цинь вновь привело к расколу государства и сложной политической ситуации. В это время письменность вер-

нулась в состояние раздробленности и каждый регион стал снова использовать отличную от других систему письма. «Шовэнь цзенцы», составленный Сюй Шэнем стал первым официальным словарем иероглифов, составленным на основе письменности сяочжуань по принципу иероглифических ключей. Он включал в себя 9353 знака, а также анализ строения иероглифов. Анализ некоторых знаков был неверным, поэтому составленный в 100 г.н.э. словарь был издан лишь в 121 г.н.э. «Шовэнь цзенцы» стал образцом для последующих словарей, и в IV веке появился словарь «Цзилинь», включающий более 12 тысяч знаков. Позже был составлен «Юйлянь», включающий в себя почти 17 тысяч иероглифов.

Политика реформирование и стандартизация китайской письменности возобновилась уже в более поздний период, в эпоху Тан, после очередного объединения Китая. Так император Тан Сюань-цзун публиковал документы, повлиявшие в дальнейшем на установления стиля кайшу в качестве официального. В документе находилась информация о значении иероглифов и их произношение. Наиболее значительным произведением этого периода является «Словарь претендента на пост чиновника» («Гань лу цзы шу») составленный ученым Ян Юансуном. В эпоху кайшу за каждым иероглифов закрепилось единственный вариант написания, определенный смысл и звучание, что позволило говорить о полноценной унификации китайской письменности.

В дальнейшем контроль за написанием иероглифов, как в книгах, так и в официальных документах усиливался, требования ужесточались, а сама письменность непрерывно стандартизировалась.

Последний этап реформирования китайской письменности произошел уже в XX в., на фоне развития полиграфии и популяризации школьного образования необходимость в упрощении иероглифов явна росла. «Так была создана специальная комиссия для унификации и нормализации форм [иероглифов], большинство из которых уже получило широкое распространение по стране». [3, с. 9] Главным недостатком всей этой реформы стало то, что поколение, выросшее на упрощённых иероглифах не способно читать тексты, написанные «старой орфографией».

В 1955 г. государственный китайский язык, называемый гуаньхуа, а позднее гоюй, был официально переименован в путунхуа, однако отдельные территории как Тайвань пользуются гоюй и в настоящее время. Путунхуа существовал еще в эпоху династии Цинь, однако лишь в XX веке он был установлен как общепринятая норма произношения и грамматики на основе байхуа (разговорного языка). Упрощение и стандартизация иероглифов и их произношения, происходящая с 1913 по 1924 год, позволила говорить о полной унификации китайского языка.

В 1935 году был издан «Первый список упрощенных иероглифов», включающий в себя 324 знака. Данный список не вошел в обиход, поэтому в 1956 году вместо

¹ Период китайской истории от V века до н.э. до объединения Китая Цинь Шихуанди в 221 до н.э.

него был издан году «Проект упрощения китайской письменности», включающий в себя более 500 упрощенных иероглифов, а также 54 ключа. В 1964 году был создан «Сводный список упрощенных иероглифов», в котором насчитывалось уже более двух тысяч иероглифов. Иероглифы этого списка использовались к тому времени в печати в Китае и Сингапуре. Упрощение иероглифов чаще всего осуществлялось путем замены сложных элементов на более простые, или же вводились в обиход упрощенные варианты, употребляемые в неофициальном общении.

Одним из вариантов упрощения была попытка создания фонетического алфавита, и даже замена иероглифической письменности алфавитным письмом или же искусственное создание нового языка. Однако от столь радикальных мер решено было отказаться, тем самым сохранив многовековую историю китайской письменности.

При всем упрощении и стандартизации, каждый иероглиф — это особая истории создания, содержащая в себе богатый подтекст. Образование иероглифов — это тысячелетний процесс перехода от пиктографии к сложной, многоуровневой иероглифической системе. На основании всего этого можно смело заключить, что китайская письменность является «ключом к пониманию китайского народа и его культуры». [2, с. 84]

Практически каждый иероглиф отличается своей уникальностью, благодаря которой мы можем узнать не только об истории его происхождения, но и об укладе жизни жителей Древнего Китая, об их ремесле и уровне развития. Ярким примером этого является иероглиф 漁 (yú, «рыболовство») Этот иероглиф в древних надписях мог изображаться в виде человека, который ловит рыбу с помощью острога, сети или крючка. Следовательно, ученые сделали вывод, что уже во времена цзягувэнь, люди владели крючками, острогами и сетями.

Другим примером, но уже показывающим нам структуру семейных отношений является иероглиф 弃 (qì «заброшенный, бросать»). Если проследить видоизменение этого знака, то мы обнаружим, что в цзягувэнь верхним элементом в этом иероглифе была графема «дочь». Таким образом, это отражает ситуацию с рождением девочки в бедной семье. В древности, от ребенка приходилось избавляться, так как, в первую очередь, была необходима мужская сила, а количество ресурсов для семьи крайне ограничено.

Основные категории иероглифических знаков. Важным вопросом, на котором следует остановиться, рассматривая китайскую иероглифическую письменность, является классификация. Как правило, выделяют две основные категории сложных¹ иероглифических знаков: идеографические и фоноидеографические.

«К категории идеографических знаков относятся иероглифы, составленные из 2-х и более графем. Значение такого сложного знака является производным от семантики входящих в него графем, а чтение — никак не свя-

зано с чтениями составляющих его графем». [1, с. 9] Графемы после многократных упрощений и стандартизации утратили свой графический характер, и их семантика является весьма условной.

Фоноидеографический знак можно условно разделить на две разные части, разные по своей функции. Одна часть, которую часто называют иероглифическим ключом, указывает на принадлежность данного иероглифа к определенной группе предметов или свойств. Другими словами, объясняет значение знака или косвенно на него указывает. Например, иероглиф в составе, которого есть ключ «вода» может обозначать водоемы, реки, моря, океаны — а также многое из того, что ассоциируется у китайцев с жидкостью.

Вторая часть, традиционно называемая фонетиком, является фонетическим компонентом китайского иероглифического знака, который приближенно подсказывает чтение определенной фоноидеограммы, а иногда, с точностью дублирует чтение фонетика. Здесь стоит отметить, что развитие фоноидеограмм произошло на втором этапе описанного нами реформирования китайской письменности, а именно в период династии Чжоу и Хань. С течением времени и под воздействием разных диалектов, некоторые фоноидеограммы, чтение которых полностью соответствовало чтению фонетика, изменилось, но зачастую, не далеко ушло от первоначального варианта.

Политика упрощения иероглифов привела к тому, что число фоноидеографических знаков значительно возросло. Упрощение именно этой категории иероглифов встречала наибольшее одобрение общественности. На сегодняшний день количество фоноидеографических знаков в словарном запасе грамотного человека составляет свыше 80%. Однако, возросло и количество иероглифов-омонимов, а также фонетиков, передающих звучание неточно. После унификации произношения и написания иероглифов, транскрипция некоторых иероглифов, в разных словарях может не совпадать, что является неоспоримым минусом политики упрощения. Например, в одном из часто используемых словарей имеется 7 тысяч иероглифических знаков, из которых около 700 имеют по несколько чтений, при этом унифицировать чтения не всегда представляется возможным.

Более того развития китайского языка в этом направлении привело к упрощению овладения китайским языком как таковым, но и породила множество неточностей и недостатков, которые еще предстоит исправить. В целом стандартизация основывается на многовековых привычках народа, поэтому достаточно легко внедряется и воспринимается как положительное явление в развитии письменного китайского языка.

В заключении следует добавить, что развитие китайской письменности — это сложный процесс, протекавший тысячелетиями, и продолжающийся и на сегодняшний день. Как мы смогли выяснить, упрощение и стандарти-

¹ Знаки, состоящие из сочетания двух и более графем.

зация стилей иероглифов было далеко не единственным направлением, в котором развивалась письменность. Не менее важный вклад внесло появление и распространение фоноидеограмм в языке, которые не только способствовали развитию чтения, но и стали отправной точкой в по-

пуляризации грамотности и науки в целом. В заключении хотелось бы добавить, что китайская письменность — это не только средство для коммуникации между людьми одной эпохи, это также мост, связывающий поколения, которые разделены несколькими тысячами лет.

Литература:

1. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике. Часть I. — М.: ИД «Муравей», 2000. — с. 152
2. Ван Най История Китайских Иероглифов / Пер. с кит. Южаниновой А. А. — М.: ООО «Шанс», 2017. — с. 191
3. Карапетьянц А. М. Тань Аошуан Учебник китайского языка: Новый практический курс. Часть 1. — М.: Вост. лит., 2003. — с. 640

Стилистический аспект синонимии словообразовательных приставок

Ханджани Лейла, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель
Гилянский государственный университет (University of Guilan) (г. Решт, Иран)

Данная работа посвящена синонимии словообразовательных приставок в стилистическом аспекте. Синонимия — один из главных видов лексической парадигматики, один из самых фундаментальных типов семантических отношений в лексической и словообразовательных системах языка.

Ключевые слова: синонимия, приставка, стилистика, словообразование, русский язык

Стилистические особенности языковых единиц проявляются прежде всего в речевом общении либо при художественной коммуникации. Одним из обязательных компонентов культуры речи является правильность речи, соблюдение говорящими и пишущими ортологических норм. Подлинная же речевая культура предполагает кроме того, умение точно и целесообразно отбирать языковые средства в зависимости от целей коммуникации, свободно оперировать ими в соответствии со стилистическими нормами. Стилистика изучает употребление речевых вариантов в зависимости от цели, ситуации и участников общения. Ситуация общения связана с определенными видами человеческой деятельности, в зависимости от которых формируются разные коммуникативные намерения говорящих и складываются разные функциональные стили в языке.

Стилистическое богатство русского языка обеспечивает, прежде всего, его лексическая, морфемная, морфологическая и синтаксическая синонимия [1, с. 115].

В языке нередко наблюдается явление, когда один и тот же предмет, вещь, явление и т. д. можно назвать разными словами, когда для обозначения одного и того же явления, качества, действия и т. п. существует не одно, а два или несколько слов. Такие слова называются синонимами. Состав синонимов русского языка изучается уже более 200 лет (первый синонимический словарь вышел в 1783 г., его автором был известный русский писатель Д. И. Фонвизин). Современная наука достигла больших успехов в изучении и описании лексической синонимии. Важнейшая

стилистическая функция синонимов — быть средством наиболее точного выражения мысли. Окружающие явления и предметы, их свойства, качества, действия, состояния познаются нами со всеми их особенностями, понятие называется словом, наиболее подходящим для выражения нужного значения. Так возникают ряды синонимов, позволяющих с предельной точностью детализировать описание явлений действительности. [2, с. 28].

В Словаре лингвистических терминов синонимия определяется «совпадением в основном значении (при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске) морфем, слов, синтаксических конструкций, фразеологических единиц. Синонимия приставок — наличие общего реального или грамматического значения у приставок. Взреть — зареть (при наличии общего значения возникновения действия первому глаголу присущ добавочный оттенок интенсивности). Взлезть на дерево — влезть на дерево (глагол с приставкой взносит устарелый характер). Воспретить — запретить (первому глаголу присущ оттенок официальности). Богата синонимия приставок, служащих для образования совершенного вида (без изменения лексического значения глагола): выругать, испугать, ...». [3, с. 381].

По мнению Н. Матвеевой, синонимия (лексическая и грамматическая) — важнейший источник стилистических средств. Это не случайно, так как с синонимией связана возможность выбора одного из ряда возможных языковых средств, наиболее подходящего в данном контексте. Принцип выбора, избирательность — одна из основ сти-

листики и один из важнейших её принципов. Словообразование предоставляет нам разнообразные средства для выражения стилистических оттенков. При подготовке к централизованному тестированию по данной теме следует обратить внимание на стилистические ресурсы словообразования. [4, с.230]. Примеры стилистической синонимии префиксов: избрать — выбрать; взречь — заречь; нисходить — сходить. Вместе с изменением семантических оттенков, привнесенных префиксом, обнаруживается сопутствующее изменение стилистического (экспрессивного или функционального) оттенка слова. Образования «воспретить», «востребовать» характерны для официально-делового общения. В параллелях «поджарить — нажарить, сорвать — нарвать» вторые члены пар, кроме оттенка интенсивности, отличаются от первых (более нейтральных) оттенком разговорности, т. е. стилистико-функциональным. Сердцевину стилистических ресурсов в словообразовании составляют суффиксы и префиксы субъективной оценки. Эти суффиксы более свойственны устно-разговорной речи, чем книжно-письменной.

В русском языке богатство словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской, обусловлено продуктивностью русских аффиксов, придающих словам экспрессивные оттенки и функционально-стилевой закрепленностью некоторых словообразовательных моделей. Функционально закрепленные словообразовательные модели привлекают внимание писателей как средство индивидуализации речи персонажей. В художественной речи сложилась традиция стилистического использования суффиксов субъективной оценки. Это также характерно для публицистического стиля. В научном стиле как медицинские термины используются существительные с суффиксами —ом/-ит/-ин/-ол- (миома, нефрит, анальгин, ментол). В целом для книжных стилей характерно образование глаголов на основе существительных и прилагательных терминологического значения (десантировать, складировать), включение греческих и латинских словообразовательных элементов (этноним, антропоним), закрепленность иноязычных приставок, образующих термины (алогизм, гиперзвуковая), русские и старославянские приставки, также образующие термины (междуведомственный, прозападный), аббревиатуры, сложносокращенные слова и т. п. Книжным стилям во многом противопоставлен разговорный стиль, существуют даже различные по словообразованию пары (закалывание — закалка), а также диалектная лексика, для которой характерны суффиксы —ан/-ун/-ух/-уш- (братан, плакун, запевуха). Основной моделью словообразования профессионализмов является дезаффиксация (недолив, откорм). Для жаргонизмов также характерно усечение основы слова, нередко в сочетании с аффиксацией (телевизор — телик, демобилизованный — дембель) и т. п. [5].

О морфемной синонимии, следует отметить, что явление синонимичности прослеживается только у приставок и суффиксов. Одна морфема может полноценно заменить другую только в редких случаях, и поэтому они

имеют конкретное значение и небольшое число синонимов. Сфера употребления не влияет на морфемные синонимы, они зависят от морфемного состава слова, который сложился исторически.

Функционально-стилистические окраски характеризуют слово по его отношению, во-первых, к книжно-письменной или устно-разговорной речи, во-вторых, к тому или иному функциональному стилю. При префиксации наблюдаются те же стилевые окраски. Экспрессией высокого стиля обладают префиксы: из- (изведать), нис- (нисходить, ниспослать), вос- (воспевать) и др. Функционально окрашены приставки книжного происхождения, характерные для научных и научно-технических, официально-деловых терминов и публицистической лексики: востребовать, избрать, воспретить, в том числе ряд префиксов прилагательных иноязычного происхождения: а- (аморальный, асимметричный), анти- (антисанитарный, антифашистский), архи- (архипошлый, архиглупый), интер- (интернациональный, интервокальный), ультра- (ультрафиолетовый, ультрарадикальный), экстра- (экстраординарный).

Словообразование вызывает стилистический интерес в следующих случаях: [2, с. 193].

«1) если мотивированное слово приобретает стилистическую окраску, несвойственную мотивирующему: дочурка (уменьш.-ласк.) — дочь; инженерша (прост.) — инженер;

2) если аффиксация способствует функционально-стилевой закрепленности слова: потребовать (общеупотр.) — востребовать (офиц.-дел.); шитье — пошив (спец.); гречиха — гречка (разг.); даром — задаром (прост.), задарма (гр.-прост.);

3) если особенности словообразования ограничивают сферу использования слов, которые употребляются лишь в диалектах или получают профессиональный либо жаргонный оттенок: земляника — земляница (диал.); свистеть — свистать (всех наверх) (проф.); мультфильм — мульттик, мультяшка (жарг.);

4) если особенности словообразования становятся причиной архаизации слова, уступающего свое место в активном лексическом запасе синониму с иными аффиксами: дерзостный (уст.) — дерзкий; грузинец [Армяне, грузинцы, черкесы, персиане теснились на площади (П.)] — грузин;

5) если словообразование используется как источник речевой экспрессии при создании окказионализмов: широкошумные (дубравы) (П.); блиноед (Ч.); прозаседавшие (Маяк.)».

Интересна в стилистическом плане и префиксация существительных. Ей обязаны своей выразительностью такие, например, слова, как раскрасавица, сверхчеловек, суперкоLOSS, ультрамода, экстросовершенство. Однако префиксальный способ словообразования уступает суффиксальному и по количеству продуктивных моделей, и по богатству экспрессивных оттенков. Экспрессивны приставочные образования прилагательных, указывающие на степень проявления признака: всевластный, все сильный,

предобрый, прескучный, развеселый, разудалый. Особой выразительностью обладают и словообразовательные модели прилагательных типа милый-милый, долгий-предолгий, которые указывают на сильное проявление признака. [2, с. 195].

В словообразовательных средствах глагола большое место занимает префиксация, которая нередко вносит изменения не только в семантику слов, но и значительно усиливает их экспрессивную окраску, превращая глаголы межстилевые в разговорные и даже просторечные: трагиться — поистратиться; франтить — прифрантиться — выфрантиться. Среди многочисленных приставочных образований глаголов особое внимание стилиста привлекают те, которые имеют сильную экспрессию, хотя образованы сочетанием нейтральных основ с нейтральными

аффиксами: добежаться, забегаться, отбежаться, уездиться, уходиться, обхотаться, подзаработать, прихватить, попридержать и др. Именно приставки создают особую выразительность таких глаголов, указывая на высокую степень интенсивности действия или на разнообразные оттенки его проявления (исчерпанность, ограниченность и т. д.) и придавая словам сниженную, разговорную окраску. [2, с. 198].

Таким образом, русский язык отличается богатством словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской. Это обусловлено продуктивностью оценочных суффиксов и приставок, придающих словам разнообразные экспрессивные оттенки, и функционально-стилевой закреплённостью некоторых словообразовательных моделей.

Литература:

1. Бабайцева В. В. Русский язык. 10–11 классы: Учебник общеобразовательных учреждений филологического профиля. М.: Дрофа, 2006. — с. 115.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2010.
3. Д. Э. Розентап, М. А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва. 1976.
4. Беларусь — Иран — Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного: Материалы телемоста, 24 ноября 2016 г. / Редкол.: Т. Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГМУ, 2017. — 337 с.
5. Стилистикарусскогоязыка.[Электронныйресурс]—Режимдоступа.—<http://www.cinref.ru/razdel/04650raznoe/21/410115.htm> (дата обращения 18.02.17).

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Прописная буква как выразительное средство в языке СМИ

Харлушина Алла Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

Конец XX — начало XXI века в русском языке можно характеризовать таким явлением, как «изменение языкового вкуса»: художественная литература перестает играть роль законодателя языковой моды, эту роль начинают играть СМИ (средства массовой информации). В языке СМИ в полной мере отразились те изменения, которые произошли в обществе, именно язык СМИ стал зеркалом состояния современного русского языка. Как для современного русского языка в целом, так и для языка СМИ характерно усиление разговорного начала, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, Ильясова С.В. в своей работе «Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ» пишет, что отрицательной стороной этого процесса является «...нарушение культурно-речевых норм (разного рода искажения, употребление просторечной и бранной лексики)» [2]. Положительной же стороной данного явления автор называет усиление выразительности за счет использования ресурсов разговорной речи. Одно из выразительно-изобразительных средств в языке СМИ, а именно нестандартное использование прописной буквы, будет рассмотрено в данной статье.

Как должен меняться облик газеты, уже выходящей и завоевавшей свое место на рынке СМИ, — актуальный вопрос, ибо речь идет о воссоздании или, наоборот, сознательном разрушении сложившихся у читателя представлений. Наверное, это решается в каждом конкретном случае по-своему. Очевидно лишь одно: прессе — как источнику массовой, новостной, динамичной информации — категорически противопоказаны серость, унылость, монотонность [1, с. 6].

Каждому читателю, несомненно, и лестно и приятно наблюдать, как на страницах газет разворачивается борьба за его, читательское, внимание и интерес. При этом главным оружием, как правило, становится газетный заголовок: броский, интригующий. Не случайно теоретики средств массовой информации говорят даже об искусстве газетного заголовка, классифицируют «заголовочные» приемы и методы [1, с. 58]. Заголовок для газетного материала имеет жизненно важное значение: от него во многом зависит, будет ли прочитана корреспонденция. Следовательно, название должно быть привлекательным

(рекламная функция) и в то же время давать представление о содержании текста. Отсюда, кстати, редкость однословных, малоинформативных заголовков [5, с. 60].

Чтобы избежать монотонности, журналисты ищут все новые источники для заглавий, а также стремятся остроумно преобразить уже известные заголовки. С помощью прописных букв авторам статей очень удачно удается реализовать эти задачи. Именно необычное употребление заглавных букв заставляет остановить взгляд читателей и поразмышлять над написанным текстом.

Прежде всего, прописная буква в слове привлекает внимание, и тем самым рекламирует то, что хотел сказать автор. Ведь первое, на что обращает внимание любой, будь он специалист или простой читатель, беря в руки качественную газету, это то, что в ней преобладает текст, причем в самых различных жанрах. И для выстраивания системы акцентов на полосе композиционными средствами важно знать, каким образом человеческий глаз рассматривает страницу. Мы начинаем просмотр ее слева направо и вниз. Но такое утверждение справедливо лишь по отношению к отдельно взятой полосе. На газетном развороте глаз совершает более сложные движения: он произвольно охватывает и правую страницу, и если там нет «зацепок», то возвращается на левую. Но взгляд читателя может остаться на правой полосе, так и не углядев материалов, расположенных вроде бы на более важной, предыдущей странице [6, с. 37]. В этом и есть функция употребления прописных букв — акцентировать и заострить взгляд читателя на том или ином слове. В словах с прописными буквами кроется двойной смысл.

Рассмотрим данное явление на конкретных примерах. Во-первых, следует сказать о выделении в слове прописными буквами другого слова. Это может быть полная форма слова, почти полная или часть, легко восстанавливаемая в целое слово. Например, «УЮТный магазин украсит нашу жизнь» — так называется заголовок статьи в газете «Вятско-Полянская правда» (20 ноября 2003 г., № 140, с. 1). В прилагательном *уютный* прописными буквами написано название магазина («Уют»), о котором идет речь в статье. Автор статьи сделал таким образом рекламу магазину, торгующему товарами для отделки помещений, и уже в заголовке указал на его название. Про-

писные буквы в названии статьи в газете «Губернский вестник» (21 ноября 2003 г., № 10, с. 23) «Из милицейских ПРОтоКОЛОВ» говорят о том, что изречения участковых явно выглядят нелепыми (т.е. являются проколами) в милицейских протоколах. Вот примеры таких ляпов: «Ноги вытянуты вдоль тела», «Мною у подозреваемого были изъяты волосья с головы» и др. В газете «Вятский край» (3 сентября 2003 г., № 164, с. 4) в статье под названием «Аквариумная рыбка укусила именинника» автор пишет: «Вот такой кусачий подаРОК получил именинник». В существительном *подарок* заключено еще и слово *рок*, раскрывающее печальный финал описанного события. «Страна попрощалась с воЛЬГОТной жизнью» — таков подзаголовок статьи в газете «Комсомольская правда» (6 августа 2004 г., с. 4). Автор пишет о том, что Госдума приняла пакет законов о монетизации льгот. Прописными буквами в этом слове выделен его корень *-льгот-*, которым автор уже «подсказал», о чем будет идти речь в его статье — о льготах. В газете «Аргументы и факты» (№ 27, 2004 г., с. 8) под рубрикой «АИФ расследование» имеется статья — «ЗаДАЧКИ новой власти». Автор провёл расследование о том, как распределяется элитная земля в Подмосковье. Внутри существительного *задачи* заглавными буквами написано другое существительное — *дачки*. Прочитав статью, становится понятным, для чего прописные буквы использованы таким образом: под словом *дачки* следует понимать элитную землю в Подмосковье, которая несправедливо распределяется новой властью.

Основная цель такого употребления заглавных букв — раскрыть и показать читателям, что в одном слове может «скрываться» другое слово, так или иначе связанное со смыслом статьи или каким-либо названием.

Во-вторых, в середине слова нередко употребляется одна прописная буква. Ее функция различна. Например, цель прописной буквы *П* в названии магазина «РосПосуда» — привлечь внимание к слову *посуда*. Магазин, занимающийся продажей российской посуды, делает таким образом рекламу своей продукции (если бы в названии не было прописной буквы — «Роспосуда» — внимание к этому слову было бы уже не столь пристальное). То же самое выполняет и прописная буква *Ц* в названии другого магазина — «ТехноЦентр». Но, согласно правилу, такие слова должны писаться строчными буквами. Однако, чтобы привлечь внимание к главной части сложного слова, начальная буква его — прописная. Одна из современных музыкальных групп имеет в своем названии заглавную букву — «АукцЫон». Причем сделано это с ошибкой (*ы* вместо *и*) намеренно — для привлечения внимания. «Я вынужденО жаловаться» — таков заголовок статьи в газете «Спид-инфо» (2004 г., № 18, с. 3.). Отказывается обменивать паспорт житель Всеволожского района Вэл Кундыш. Драмой в жизни этого человека стало появление в паспортах нового образца графы, где уточняется половая принадлежность. «Прошу в графе »пол« указать »средний« или поставить прочерк» — требует он. Автор

статьи в слове *вынуждено* употребил прописную букву, чтобы уже в заголовке сказать об этом необычном факте.

Реже встречается **комбинация прописных букв в одном слове**. Например, в статье «Как алфавит имя выбрать велит» в газете «Сиди дома» (август 2003 г., № 35, с. 8) говорится о том, что в именах супругов должны быть одинаковые буквы. И прописными парными буквами *АЛ* в обоих именах идеальной супружеской пары автор статьи подчеркивает эту схожесть: Нат**А**Л**ь**я и **А**Л**е**ксандр.

В заголовках статей авторы используют прописную букву и в качестве **выделения второй фразы внутри общей**, но это скорее следование правилу, нежели выразительное средство. «Если наименование художественного произведения состоит из двух названий, соединенных союзом или, то с прописной буквы пишется также первое слово второго названия, например: «Двенадцатая ночь, или **Что** угодно», «Ирония судьбы, или **С** легким паром» [см. 4].

Вот некоторые другие примеры такого употребления прописной буквы:

— «Исчадия ада, или **О** сентябрьском теракте в Северной Осетии» — заголовок статьи под рубрикой «Эхо трагедии» в газете «Вятско-Полянская правда» (11 сентября 2004 г., № 110, с. 2);

— «Бабий бунт, или **О**собенности кубанского феминизма» — название статьи в газете «Известия» (21 марта 1998 г.);

Нельзя не отметить и такой приём употребления прописной буквы, как **выделение аббревиатуры внутри слова**. «Самое **БОРЗ**ое время» — название статьи в газете «Правда Севера» (5 августа 2004 г., с. 3) об атакующих человека вирусах. Аббревиатура *ОРЗ* расширяется как «острое респираторное заболевание».

Не менее интересными в рассматриваемой нами теме может показаться графически выделенные сегменты (особенно в заголовках). Другими словами — **прописными буквами часто выделяется основа окказионализма**.

Всякое слово в контексте может стать экспрессивным. Однако существуют и чисто лексические средства создания речевой экспрессии. К ним относятся, в частности, гибридизация, которая по происхождению восходит к принципам народной этимологии.

Гибридные слова создаются авторами как окказионализмы, которые служат средством выражения комического и свидетельствуют об экспрессивных возможностях языка. Правда, термин В. М. Костюкова «гибридное слово» в данном случае употребляется в более широком значении: он охватывает слова, составленные из элементов, лексико-семантически и стилистически разнородных, независимо от их происхождения. Могут быть образованы самые различные слова как из разноязычных элементов, так и элементов одного и того же языка.

Для того чтобы создать слово большой социальной остроты, сатирики целенаправленно используют и расширяют возможности народноэтимологической гибридизации. Экспрессия гибридного слова заключается в ре-

зультате необычного соединения слов по смыслу или стилистически отделенных. Эта необычность и является важнейшим фактором комизма гибридного слова. Выбор оценочного слова (или внутренней формы его), как правило, неожидан для читателя и всецело обусловлен замыслом сатирика: отсюда широкий диапазон комического.

Словообразовательная структура гибридных слов необычна. Она отличается от типов и моделей словообразования. Обычному сложному слову можно дать словарное толкование его значения. Смысл же гибридного слова определяется авторским контекстом.

Гибридизация лежит в основе появления народно-этимологических слов, а народная этимология — это определенная языковая закономерность в образовании слов. Литературный язык, как известно, берет все лучшее, что есть в языке народном. Сюда следует отнести и принципы народного словообразования, используя которые, литературный язык создает новые типы и модели гибридов.

Создание социально-значимых, остроумных, глубоких по содержанию гибридных слов это творческий акт, требующий от автора не только умения увидеть явление с комической стороны, дать ему своеобразную оценку, но и тонкого языкового чутья [3, с. 63–65].

Вот некоторые примеры гибридных слов из различных источников:

В журнале «Крокодил» (№ 5, 1997 г., с. 4) имеется рубрика «Дума думает. Из парламентских стенограмм». Там напечатаны юмористические стихи под названием «Депутатские СЕЙЧАСтушки». Вот одно из таких четверостиший:

Был я в депутатском доме,
В лифте чуть не помешался:
Не нашел там кнопок, кроме
«Против», «За» и «Воздержался».

Слово *частушки* здесь — гибридное. Его соединили со словом *сейчас*.

Литература:

1. Бобунова М. А. Не вырубишь топором//Русская речь. — 1992. — № 5. — С. 58–60;
2. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка СМИ <http://www.dissercat.com/content/slovoobrazovatel'naya-igra-kak-fenomen-yazyka-sovremennykh-smi>
3. Костюков В. М. В поисках яркого слова//Русская речь. — 1983. — № 6. — С. 63–65;
4. Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная?: Орфографический словарь русского языка. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999;
5. Сальникова О. Г. Как рождаются заголовки//Русская речь. — 1983. — № 6. — С. 60–62;
6. Скоробатько В. В. Восемь бесед о газетном дизайне. — М.: Союз изд. и распространителей печат. продукции, 2003. — 88 с.

В газете «Вести» (№ 70, 24 сентября 2004 г., с. 23) опубликован кроссворд, один из вопросов которого содержит гибридное слово ФРАНТцуз. В этом слове соединены два слова: *француз* — житель Франции и *франт* — щеголь. Таким образом, вероятно, что речь в содержании вопроса идет о человеке с двумя этими характеристиками.

Газета «Труд» (9 января 2002 г.) имеет статью под заголовком «ШПИЦиальный проект». Здесь слово *специальный* — тоже гибридное. Оно соединено с другим словом — *шпиц*. Шпиц — остроконечный конусообразный стержень, которым заканчивается верхушка здания. А в статье говорится о проектировании здания со шпицем.

Итак, прописная буква может широко использоваться в языке СМИ как выразительное средство, призванное привлечь особое внимание к слову. Любопытный читатель, столкнувшийся с необычным, нетрадиционным употреблением прописной буквы в том или ином слове, непременно захочет выявить причину этого необычного употребления, и в конечном итоге выяснит, что в одном слове с помощью прописной буквы может быть скрыта очень важная, ценная информация.

Таким образом, употребление прописных букв в языке печатных СМИ (газетах, журналах) и особенно в названиях магазинов, на рекламных щитах, афишах, плакатах имеет цель — привлечь внимание людей к тому или иному слову, побудить их к попытке расшифровать употребление прописных букв в словах. Иными словами, прописная буква как выразительное средство в языке СМИ — это своего рода реклама той или иной продукции, т.к. с помощью привлечения внимания к слову вызывается интерес к нему, а значит, и к продукции.

Обилие употребления данного средства в языке СМИ позволяет говорить о том, что прописная буква, нетрадиционно использованная в слове, может сыграть очень большую роль.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Challenges in translation of pharmaceutical terms

Курбанова Дилафруз Шухратовна, преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

In the last decades worldwide pharmaceutical industry has shown a profound growth. Due to a burst of development and incredible breakthrough in pharmacy, there is much demand for professional service of translators and interpreters in the Republic of Uzbekistan. If in the first years of independence there were only 2 drug manufacturing companies, which manufactured a total of 20 types of drugs, today, almost 150 pharmaceutical enterprises of the country manufacture over 2000 items of various medicinal products that are registered and approved for use in medical practice. Since taking the oath as the Second President of Uzbekistan on 14th December, Shavkat Mirziyoyev has adopted a number of new legislative acts and regulations, aimed at the further development of the pharmaceutical industry and providing the population with affordable, high-quality medicines. Most of researchers and pharmaceutical companies are turning more and more to translation providers for professional translation of their scientific research. Since the precision of the translations is linked to the accuracy of the scientific study results, researchers often turn to translators that have medical translation certification, which in turn has led to an increase in work for language professionals.

In its turn translators and interpreters face with the necessity of translating pharmaceutical documents from Russian into Uzbek or from English into Uzbek or vice versa. There is no doubt that the translation of pharmaceutical terms into many different languages of the world has become one of the most essential and vital issues.

It is worth to note that pharmaceutical translation is an area with distinctive terminology characteristics. The most difficult part of the translation work has been to transfer the specific terminology. Maria Pozzi¹ states that «the ancient process of naming concepts and objects belonging to a special subject or field constitutes an essential part of what is now known as the discipline of terminology». M. Pozzi suggests that a translator should follow principles of terminology. The terms should be appropriate translation equivalents adapted in spelling and should be found in up-to-date parallel texts that are representative of the field.

Professor Hasan Ghazala² considers that «we translate meaning, nothing else but meaning. This means that anything not relevant to meaning is usually disregarded in translation». Thus, translation is any process that results in trans-

ferring the meaning from one language into another. For Hasan Ghazala the main goal is to transfer meaning of the source language by using the equivalents available in the target language.

Translation of pharmaceutical documents generally requires a pretty good background in chemistry, pharmacy, sometimes microbiology, and pharmaceutical medicine. The translation of pharmaceuticals is one of the scrupulous and time-taking translations that require extreme attention and concentration. A large number of abbreviations, chemical substances and compounds, formulas, figures, as well as the abundance of specific terms — these are only a part of the problems the translator has to face with. It is well known that about three-fourths of medical terminology is of Greek and Latin origin. Today all the top influential medical and pharmaceutical journals are published in English and English has become the language of international conferences. Thus, we have entered the era of medical English. *For example: peeling, screening, and scanning.* Russians and Uzbek use *шунтирование*, which is derived from English word *shunt*.

These days, it is obvious point that pharmaceutical lexical units appear and develop in the English-speaking countries.

There are some primary ways of translation of terms and in the practice of translation of the pharmaceutical documents.

The most common methods of translating the specific features are:

1. Transcription and transliteration;

Fluconazole³ is an antimycotic from the group of triazoles, which is used for the treatment of superficial and systemic fungal infections.

Флуконазол — активное вещество из группы *триазола*. Он применяется для лечения поверхностных и системных грибковых инфекций.

Cryptococcoses: cryptococcal meningitis and infections of other organs (lungs, skin); fluconazole can also be used for the treatment of AIDS patients and other *immunocompromised patients*.

Криптококкоз, включая криптококковый менингит, грибковые инфекции других органов (легкие, кожа). Флуконазол может использоваться для лечения больных СПИДом и другими *иммунодефицитами*

2. Translation using a functional analog;

side effect	побочное действие
blood count	анализ крови
jugular venous distention	набухание шейных вен
congenital heart disorder	врожденный порок сердца

3. Descriptive translation;

In *renal transplant* patients, fluconazole may increase serum *cyclosporine* concentrations; therefore, they should be monitored.

У пациентов, которым была осуществлена *пересадка почки*, флуконазол может повысить концентрации *циклоспорина* в плазме. Рекомендуется контролировать таких больных.

It is noteworthy that there are certain requirements to pharmaceutical translator. He or she needs to understand:

– the mechanism of drugs, their composition, their therapeutic effects and their adverse effects;

– Greek and Latin roots, prefixes and suffixes used in pharmaceutical terminology;

– basic anatomical notions

Primary goal of pharmaceutical terminology translation is to render scientific information. It aims presenting well expressed information that may be used easily and effectively.

References:

1. Mariá.Pozzi, 1996.Terminology today. In Terminology, LSP and Translation. Studies in language engineering in honour of Juan C. Sager, ed. by Somers, Harold, p.15–20
2. Hasan Ghazala Translation as problems and solutions: A course-book for university students and trainee translators. Dar-el-ilm-lilma layin, p. 3
3. Дифлазон. Инструкция по медицинскому применению препарата

Практические переводческие подходы к работе с испанскими и французскими юридическими терминами и клише

Мартемьянова Елена Валерьевна, учитель французского языка
ФГБОУ «Средняя школа-интернат МИД России» (г. Москва)

В связи с постоянным ростом числа международных контактов, в частности между Россией и странами, государственными языками в которых являются французский и испанский, возрастает и число судебных исков, претензий, разбирательств. Любая более или менее крупная международная коммерческая сделка имеет серьезную юридическую документальную поддержку. Соответственно в той же геометрической прогрессии возрастает и потребность в грамотном переводе подобного рода юридических материалов, профессиональной компетенции в работе с юридической лексикой, терминами, клише. Под юридической лексикой понимают юридические термины, сокращения и слова, обязательные для юридических текстов. Подобного рода тексты составляются из слов и словосочетаний, входящих в нейтральный слой языка и употребляемых в самых различных стилях речи, но которые при этом чаще употребляются именно в юридических текстах.

Любое описание лексики предполагает выделение каких-либо групп лексических единиц, отличающихся одинаковыми характеристиками. Так, например, при описании словарного состава языка чаще всего используется классификация слов по частям речи. То есть деление слов на от-

дельные группы, имеющие общее категориальное значение (например, предметность у существительных) и общую систему грамматических категорий (например, род, падеж, число и т.д. у существительных). В юридическом переводе описание классификацию лексики целесообразно подчинить непосредственно задачам перевода. Иначе говоря, подчинить тому, как та или другая группа слов, однородная по целому ряду характеристик, определяет действия переводчика в процессе его работы. С этой точки зрения среди юридической лексики важно различать:

- термины;
- аббревиатуры или сокращения;
- прецизионные слова;
- ситуационные клише;
- безэквивалентная лексика и реалии.

Работа с ними, их грамотный и точный перевод требуют от специалиста применения различных подходов. Это главным образом касается правильности выбора справочных средств — специальных словарей, например, двуязычных или толковых, общих или специализированных, словарей сокращений или разговорной лексики. Во-вторых, подобная классификация необходима для под-

бора наиболее точного соответствия, эквивалента в языке перевода.

Рассмотрим более подробно одну из наиболее часто встречающихся в юридических материалах групп юридической лексики — термины. Слово «термин» происходит от латинского слова *terminus* — «пограничный знак», «граница», «предел». Вот какое определение этому термину дается в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова: «Термин — это слово или словосочетание, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства». Такое определение дается в словаре Даля: «Термин — м. лат. выражение, слово, речение, название вещи или предмета, условное выражение. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названия». Во французском и испанском языке также существует понятие термина, созвучное исходному латинскому слову, что обусловлено происхождением этих двух языков, относящихся к романской группе. Вот определение термина во французском толковом словаре: «*Mot considéré dans sa valeur de désignation, en particulier dans un vocabulaire spécialisé*». Le petit Larousse («Слово применяемое в его специфическом значении, характерное для использования в специализированном словаре»). «*Un término es una palabra o frase que es el nombre de un concepto particular de un área de la ciencia, de la tecnología o del arte*». El pequeño Larousse. («Термин — это слово или фраза, называемая определенной концепцией области науки, техники или искусства»)

На мой взгляд, было бы не совсем верным считать термины совершенно особой группой слов в языке, употребляемых только для выражения того или иного научного понятия. Слова, которые зачастую называют терминами, имеют широкое распространение в различных сферах и областях человеческой жизни. Приведем несколько примеров, когда одно и то же слово является и не является термином:

1) «Командир отделения получил приказ провести разведку местности».

2) «Второе отделение концерта было посвящено органной музыке».

3) «Отделение второй ступени ракеты прошло успешно».

4) «Пациента срочно доставили в хирургическое отделение».

5) «Преступник был задержан и доставлен в отделение полиции».

Теперь проанализируем эти примеры и сравним выделенные слова с целью выяснить, в каком случае слово выступает в качестве термина, а в каком таковым не является. Нет сомнения в том, что выделенное слово «отделение» из пунктов а), в), г), д) отличаются от слова «отделение» из пункта б) своей специализированностью и конкретной направленностью на объект действительности (денотат). Например, «отделение» в военном деле есть всегда первичное воинское подразделение, составляющее вместе

с другими отделениями взвод. Заменить его в данном контексте весьма затруднительно. В случае замены текст может утратить однозначность толкования. «Отделение ступени ракеты» — термин из области космонавтики, ракетной техники, прочно закрепившийся в языке. В глагольной конструкции «вторая ступень ракеты отделилась» еще возможна достаточно адекватная синонимичная замена — «вторая ступень отпала», но использованное в данном контексте существительное «отделение» никак нельзя заменить на другое существительное (отпад или отпадение). «Хирургическое отделение» — также является устоявшимся понятием в медицине, заменить его в данном контексте, не нарушив стиль, грамотность, точность и четкость изложения, крайне проблематично. Отделение концерта — это значительно менее упорядоченное понятие. В данном случае отделение может состоять как из двух, так и из десяти номеров, как из одной симфонии, так и из десяти музыкальных пьес. Сам концерт может включать в себя одно или несколько отделений. То, что в данном случае называется «отделением концерта», вполне допустимо обозначить иначе: первая (вторая) половина концерта, часть концерта и т.д. В пункте д) слово «отделение» обозначает административно-территориальное подразделение полиции. В данном случае состав, размер, задачи, порядок работы, подчиненность, структура и т.д. этого отделения строго регламентированы как с административной, так и с территориальной точки зрения. Однако это тот редкий случай, когда термин можно заменить синонимом или синонимичной конструкцией без особых переводческих потерь: «Преступник был задержан и доставлен в полицейский участок».

Сам собой напрашивается вывод о том, что одни и те же слова могут употребляться в различном качестве. Следует отметить, что это явление так же характерно и для французского и для испанского языков:

1) а) «*Le procès du développement de cette idée...*» (процесс развития данной идеи)

б) «*Un procès monstre, dont l'instruction demanda dix-huit mois...*» (Zola) (страшный судебный процесс, по которому следствие просило присудить полтора-года заключения)

2) а) «*Cette responsabilité est simple revendication logique des conséquences de notre liberté*» (Sartre). (Эта ответственность — является логическим следствием и платой за нашу свободу)

б) «*On l'a obligé d'encourir l'entière responsabilité douanière...*» (Его обязали возместит ущерб от нарушения таможенного законодательства)

3) а) «*El proceso del desarrollo de la industria farmacéutica...*» (Процесс развития фармацевтической промышленности)

б) «*La fiscalía incoyo proceso contra los estafadores...*» (Прокуратура возбудила уголовное дело против мошенников)

В этих примерах слова из пунктов б) отличаются от слов из пункта а) своей специализированностью. Они яв-

ляются юридическими терминами и обозначают соответственно «судебный процесс» и «ответственность» (за нарушение таможенного законодательства)». Переход обычного слова в категорию терминов, а термина в категорию слов — это достаточно распространенное в языке явление. Очевидно, что военный термин «отделение» существовал сначала в роли общеупотребительного слова и только потом, с развитием военной науки, с формированием ее понятийной базы, получил дополнительное качество военного термина. Слово «responsabilité», изначально обозначавшее «ответственность», приобрело то юридическое значение, в котором оно употребляется в пункте б) лишь в 19-м веке. Еще сто лет назад глагол «blanchir» не имел ничего общего с юридической практикой и обозначал «отбеливать, делать белым, чистым, очищать, осветлять и т. д.». В лучшем случае его можно было применить в значении «обелить репутацию, чело- века, оправдать в суде». Теперь он активно используется в устоявшемся выражении «blanchir de l'argent» — отмывать деньги, то есть легализовать доходы, полученные криминальным путем за счет цепочки банковских операций. Испанское слово «una demanda» имеет самое широкое употребление и переводится как «просьба, спрос, запрос, ходатайство и. д.», но войдя в состав выражения «entablar una demanda contra alguien» «привлечь к ответственности» (по суду). Испанский аналог глагола «отбеливать» звучит как «blanquear» и имеет с французским общий корень, пришедший из латинского языка. В настоящее время он так же активно используется в языке в качестве юридического термина «blanquear el dinero».

В категорию терминов могут попадать слова, ранее относившиеся к другим категориям, если они входят в состав словосочетания. Например, само слово «состав» имеет огромное количество значений, но только в словосочетании «состав преступления» приобретает совершенно определенный юридический смысл, становится полноценным термином и практически не подлежит эквивалентной замене. Так же ведет себя и его французский аналог. Французское слово «un corps» утрачивает свое первоначальное значение, войдя в словосочетание «un corps du délit», которое является общепринятым юридическим термином и означает «состав преступления». Совершенно таким же образом ведет себя и испанский аналог. «El cuerpo» — в словаре переводится как «тело, туловище» и только войдя в состав устоявшегося выражения «el cuerpo del delito» — оно приобретает характеристики юридического термина и переводится как «состав преступления».

Итак, в качестве термина может выступать практически любая лексическая единица, если она приобретает соответствующие свойства, то есть, начинает обозначать научное понятие, включенное в ту или иную семантическую систему какой-либо отрасли науки, техники и т.д. Слова или словосочетания, обозначающие научные понятия одной из семантических систем юриспруденции, представляют собой юридические термины. Термины, как правило,

имеют жесткую «одноканальную» связь с обозначаемым ими понятием. С лингвистической точки зрения, термины стремятся быть однозначными, то есть в данной семантической системе он должен быть связан только с одним понятием. Так французский юридический термин «régicide» имеет только одно значение — «убийство коронованной особы», а «non-culpabilité» — невиновность.

Второй отличительной особенностью терминов является отсутствие у них синонимов. В тех редких случаях, когда у термина все же обнаруживается синоним, можно предположить следующие варианты:

— либо в данной ситуации речь идет об этапе становлении терминов;

— либо — о стадии постепенного вытеснения одного термина другим;

— либо — о различных сферах употребления. Так, например, оба французских термина «un meurtre» и «un homicide» переводятся как убийство, при этом первый относится и к слою общеупотребительной лексики, а второй имеет чисто юридическую окраску и принадлежность. Так же ведут себя и испанские аналоги «el asesinato» (убийство в общеупотребительной и в юридической лексике) и «el homicidio» (убийство — только в юридической лексике). Оба чисто юридических термина «un homicide» и «el homicidio», как видно, созвучны, так как имеют общее латинское происхождение.

— либо — о принадлежности терминов к различным историческим периодам. Так слова «тяжба» и «судебное дело» могут послужить в данной ситуации в качестве примера.

— либо — о наличии нюансов в смысловом значении. Так французские термины «un hold-up» и «un vol à main armée» соответствуют русскому юридическому термину «вооруженное ограбление». Правда, при этом в первом случае подразумевается, что это преступление совершается группой лиц, а во втором — одним человеком.

— либо — о заимствовании слов из разных языков и в разное время: «un rapt» — этот термин обозначает похищение человека и является заимствованием из латинского языка (от «raptus» — похищение, грабеж), а слово «un kidnapping» пришло во французский гораздо позже и из английского языка.

— либо о том, что один из синонимов обозначает или только действие, или только результат, или только состояние. Например: «une mise à (de) feu» — поджог, «un allumage» также переводится как «поджог», но обозначает непосредственно само действие, «un incendie» — имеет два значения 1) поджог и 2) пожар, при этом не имеет включенного нюанса «намеренный, умышленный».

Юридические термины очень часто встречаются в законах и в деловых юридических документах, так как являются одной из их важнейших характерных особенностей. Высокая степень насыщенности подобного рода терминами свойственна и для юридической публицистической литературы. В качестве примеров можно привести отрывок из книги Андре Боссара, долгое время возглавляв-

шего Интерпол. Из его произведения «La criminalité internationale» («Международная преступность») я возьму всего две фразы и проанализирую частотность использования в них юридических терминов: «Il (le dossier) sera présenté selon un plan classique: — infractions contre les personnes; — infractions contre les biens; — délinquances et fraudes internationales; -faux et trfics de faux; — trafics divers et trafic illicite de stupefiants. p. 6» (Оно (досье) будет представлено по классическому плану: — преступления против личности; — преступления против собственности; — международное мошенничество и преступления; — всякого рода подделки и незаконная торговля ими; — различные виды незаконной торговли и незаконный оборот наркотиков. стр. 6) и «L'homicide volontaire est puni par toutes les législations». p. 7 (Умышленное убийство является наказуемым деянием во всех законодательствах. стр. 7) В этих двух, абсолютно типичных для данного произведения, предложениях насыщенность юридическими терминами чрезвычайно высока. Выделим некоторые из них: l'homicide volontaire (умышленное убийство), une législation (законодательство), un trafic (незаконная торговля, незаконный оборот), une fraude (мошенничество), etc. В качестве примера испанского юридического текста можно взять весьма любопытный документ, не относящийся к художественной литературе. Это статья 6 УК Испании:

1. Las medidas de seguridad se fundamentan en la peligrosidad criminal del sujeto al que se impongan, exteriorizada en la comisión de un hecho previsto como delito. (1. Меры безопасности основаны на преступной опасности субъекта, на которого они наложены, при совершении деяния, квалифицируемого в качестве преступления.)

2. Las medidas de seguridad no pueden resultar ni más gravosas ni de mayor duración que la pena abstractamente aplicable al hecho cometido, ni exceder el límite de lo necesario para prevenir la peligrosidad del autor. (2. Меры безопасности не могут быть более обременительными или дольше, чем наказание, абстрактно применимое к совершенному деянию, и не превышают лимит того, что необходимо для предотвращения опасности лица, его совершившего). В таком небольшом отрывке текста нам встретилось огромное количество терминов, которые и определили его принадлежность к юридическим текстам. Например: Las medidas de seguridad (меры безопасности), el delito (преступление), la pena (наказание) и т.д.

Успешная работа с терминологией возможна лишь при условии овладения совокупностью семантических систем, составляющих основу юридической терминологической номенклатуры. Важно знать не только термины «мошенничество», «протокол», «вымогательство», «прокурор», но и место обозначаемого понятия в соответствующей иерархии другого языка, его сущность, возможные нюансы, точную сферу применения. Не менее важно знать и их иноязычные эквиваленты «la fraude/ el fraude» (мошенничество), «le procès-verbal/ el protocolo», «l'extorsion/ la extorsión» (вымогательство), «le procureur/ el fiscal»

(прокурор), а также понятийные границы каждого из двуязычных эквивалентов. Перевести термин — это значит установить семантическую связь, то есть связь термина с обозначаемым им понятием, и одновременно знаковую связь, то есть связь термина одного языка с термином другого языка.

Особую сложность при работе с юридическими текстами, с юридической лексикой представляют собой клише. Раньше это слово обозначало рисунок, чертеж и т.п. на металлической, каменной, деревянной основе, предназначенный для печати, многократного идентичного воспроизведения данного текста или рисунка. Позднее оно приобрело переносное значение шаблонной фразы или выражения. Часто повторяющиеся, стереотипные, устоявшиеся выражения принято называть клише. Одной из характеристик современного языка является широкое использование клише, как в устной, так и в письменной речи. Следует отметить, что этот процесс представляется весьма закономерным и объясняется тем, что клише способствуют быстрой передаче информации при недостатке времени. Благодаря своей емкости и лаконичности они широко используются во многих стилях: в деловом, научном, публицистическом и т.д. Достаточно часто их можно встретить и в различных юридических материалах. Клише нашли широкое применение и в устной речи. Часто они используются в разговорных ситуациях юридического характера, носят протокольный, обязательный для применения характер, например, во время допросов, заседания суда и т.п.

Однако имеются особые типы клише, которые не просто «вставляются» в речь (как, например, «prendre en consideration/ tomar en consideraci6n / учитывать», «faire attention/ prestar atenci6n/ обращать внимание»), а которые обязательны в той или иной ситуации. Например, при обращении к офицеру военнослужащий российской армии обязан в соответствии с уставом сказать: «Товарищ лейтенант (генерал и т.д.)...». Французский же устав в этом случае предусматривает следующую форму обращения: «Mon lieutenant (mon general etc.)...», а испанский — «¡Mi teniente!» При получении приказа российский военнослужащий отвечает: «Есть!», французский — «A vos ordres!», а испанский в этой же ситуации должен ответить: «¡A la 6rden!» Действия военнослужащего постоянно обуславливаются большим количеством команд. Как правило, эти команды стереотипны и обязательны в данной речевой ситуации. Таким образом, в отличие от обычных клише ситуационные клише характеризуются фиксированными связями с речевой ситуацией. Следовательно, их понимание и воспроизведение должно иметь своей основой ситуацию.

Подобного рода клише, пожалуй, встречаются чаще всего именно в языке военных, что легко объясняется высоким уровнем его регламентированности и наличием значительного количества устоявшихся, стереотипных команд. Однако и в юридическом языке они не являются крайне редким явлением. Так, например, при открытии судебного заседания употребляются всегда одни и те же обязательные

формулировки. Судебное заседание в России начинается со слов: «Встать! Суд идет!», тогда как во Франции эта процедура предваряется выражением: «La Cour!», а в Испании — «¡En pie! Entra Su Señoría». В качестве другого примера можно привести обязательную для произнесения на судебных процессах фразу, которая следует непосредственно за вышеуказанной: «Слушается дело...» Во французском варианте это также является неизменной и обязательной формулировкой: «L'audition est donnée de l'affaire...», как и в испанском — «Audiencia se hace por...»

Между обычными и ситуационными клише существуют определенные различия. Об одном из них уже говорилось выше — это фиксированная связь с речевой ситуацией. Другой отличительной чертой, свойственной ситуационным клише, является абсолютная ригидность конструкции. Слова, входящие в его состав, никогда не претерпевают грамматических и иных изменений в речи. Они не склоняются, не спрягаются, не приобретают новых временных и других форм, выражающих грамматические категории. Нельзя сказать: «A votre ordre!», вместо «A vos ordres!», «L'audition a lieu pour l'affaire» вместо —

«L'audition est donnée de l'affaire...», Также совершенно невозможно изменить формулировку: «Встать! Суд идет!». В то время как, обычные клише изменяются в зависимости от их места в предложении. Ситуационные клише следует воспринимать и употреблять в речи целиком, как одну неизменяемую лексическую единицу, и обязательно в связи с конкретной речевой ситуацией независимо от семантической информации, содержащейся в его компонентах.

Переводчик, желающий специализироваться в сфере юридического перевода, обязан в совершенстве владеть юридической терминологией, знать клише, реалии стран, нормы составления юридических документов. Это сложная, ответственная и кропотливая работа, требующая постоянного контроля, самосовершенствования, обучения, приобретения дополнительных знаний. Переводчик обязан разбираться в основах юриспруденции, владеть теорией государства и права, уметь читать законы и делать это регулярно, отслеживать изменения в законодательствах стран его иностранного языка. Выполняя особо ответственные переводы, желательно, консультироваться с опытными юристами.

Литература:

1. Андре Боссар «Международная преступность» Париж. 1988 г.
2. Статья 6 УК Испании.
3. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык Либроком, 2009. — 456 с. — ISBN: 978-5-397-00117-5
4. Теоретический курс перевода. Испанский язык: Учебник, Иовенко В. А. 2005 г. изд. ЧеРо, — 132с. — ISBN: 5887111690.
5. Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова
6. Толковый словарь живого великорусского языка Даль В. И. изд. «РООССА» 2011 г.
7. Испанский толковый словарь «El requeño Larousse» 2010 г.
8. Французский толковый словарь «Le petit Larousse» 2008 г.

Особенности перевода профессионализмов на примере произведений

Артура Хейли

Михеева Светлана Валерияновна, старший преподаватель
Московский политехнический университет

Перевод профессиональной лексики сегодня становится все более востребованным в связи с активным расширением мировых рынков, увеличением количества заключаемых интернациональных контрактов и договоров, прогрессом в сфере информационных технологий и тенденции использования в средствах массовой информации особой лексики, присущей конкретным сферам, для более полного погружения в освещаемые события. Профессионализмы широко используются в устной и письменной речи специалистов, тем самым делая ее естественной.

Профессионализмы — это слова или обороты речи, свойственные людям какой-либо профессии, характерные

для них. Технический или специальный язык является синонимом профессионализма. Слова и выражения, присущие речи представителей той или иной профессии или конкретной сферы деятельности, проникают в общелитературное употребление и обычно выступают как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов [3, с. 21]. Границы между профессионализмами, профессиональными жаргонизмами и профессионально-жаргонными словами зыбкие, неустойчивые, разделяются условно или не разделяются совсем [1, с. 79]. Профессионализмы иногда отождествляют с жаргонной лексикой отдельных профессий. Это естественно, т.к. часто

среди профессионализмов могут быть и жаргонные элементы. Профессионализмы чаще всего являются образными названиями производственных процессов, орудий, продуктов, труда, изобретений и т.д.

Профессионализмы очень часто используются в качестве средств речевой характеристики героев произведений. Их профессиональная направленность, ограниченность сферы употребления сразу определяет область деятельности, сферу обращения, интересы и устремления героев произведения. Образный характер профессионализмов проявляется в том, что названия предметов и процессов, происходящих в данной области производства или уникальных для данного вида деятельности, описываются на основе эмоционально-образной ассоциации, а не на логических и смысловых связях. Например, *tin-hat*, в буквальном переводе означающее «жестяная шляпа», в военной сфере является названием стального шлема или каски. Также *tin-fish* (дословно «жестяная рыба») — подводная лодка, *block-buster* (дословно «сметающий квартал») — особая бомба, предназначенная для разрушения больших зданий.

Степень распространения профессионализмов в повседневной речи зависит, прежде всего, от уровня популярности и востребованности данного вида деятельности в обществе. К наиболее распространенным типам профессионализмов, вошедших в словарь литературного английского языка, относят навигацию, мореходство (например, выражение *to let go the lines* — отдать концы, отчалить; *forecastle* — бак, полубак и т.д.) и спорт (например, выражения *coveted paste boards (hard-to-get tickets)*; *grid classic (big game)*; *tankmen (swimmers)*; *centure (100-yard dash)*).

Чаще всего появление профессионализмов в языке связано с изобретением принципиально новых, ранее не встречавшихся объектов, для которых необходимо было подобрать название. Профессионализмы можно в некотором роде считать терминами, однако следует разграничить их употребление. Обозначение профессиональной лексики через понятие «термин» применимо в большей степени по отношению к специализированной части литературно-книжной лексики. Более широкий спектр выражений, употребляемых в устной разговорной речи, но специфичный для конкретной профессиональной сферы целесообразнее обозначить понятием профессионализмы.

При переводе текстов, содержащих профессионализмы, возможно использование общеизвестных способов. Для текстов, содержащих большое количество профессионализмов, предпочтительнее использовать функциональный метод частичного перевода. В отличие от частичного перевода полный перевод предполагает воспроизведение всех единиц исходного текста. Выбор способа полного перевода зависит от цели переводчика, исходного текста и аудитории, для которой он предназначен. В большинстве случаев для перевода текстов используется сочетание этих способов. Помимо основных способов перевода существуют три основных группы переводческих приемов, на-

правленных на передачу значения слов и выражений: **лексические, грамматические и стилистические**.

Лексические приемы применяются для перевода отдельных слов, например, имен собственных, присущих исходной языковой культуре и отсутствующих в переводящем языке; терминов в той или иной профессиональной области; слов, обозначающих предметы, явления и понятия, характерные для исходной культуры, но отсутствующих или имеющих иную структурно-функциональную упорядоченность в переводящей культуре. Среди лексических приемов можно выделить *транслитерацию, транскрипцию, калькирование, описание, семантическую модификацию, комментарий и смешанный (параллельный перевод)*.

Грамматические приемы применяются для перевода грамматических структур исходного текста, например, абсолютных причастных оборотов и т.д. Среди них выделяют *функциональную замену, перестановку, добавление, опущение, антонимический перевод и нулевой перевод*.

Стилистические приемы применяют для перевода стилистически отмеченных единиц исходного текста (метафор, идиом и многих других тропов). Основными приемами, входящими в данную группу, являются: *замена словесного состава, замена образа, замена тропа (или фигуры речи), изъятие переносного значения, дословный перевод (с комментариями или без)*.

Поскольку профессионализмы чаще всего являются отдельными словами или словосочетаниями, то для их перевода целесообразно использовать лексические методы перевода. Наиболее предпочтительными являются *описание и переводческий комментарий*, поскольку профессионализмы не входят в состав общеупотребительной лексики, и часто их буквальный перевод не отражает смыслового значения и эмоциональной окраски. Однако, при переводе терминов, относящихся к названиям технических приспособлений или производственных процессов, характерных для данного вида деятельности, может применяться *транскрипция или транслитерация*.

Одной из особенностей стиля американского писателя Артура Хейли является погружение читателя в профессиональную деятельность людей, вокруг которых разворачиваются события романов. Так один из исследователей творчества А. Хейли К.А. Керер отмечает следующие особенности его произведений: достоверность, реалистичность, практическая анатомичность изображаемых событий и максимальная детализация той профессиональной деятельности, в рамках которой и происходит повествование [2, с. 68]. Обратимся к примерам переводческих приемов и трансформаций при переводе романов Хейли «Аэропорт», «Колеса», «Отель», «Перегрузка», «Окончательный диагноз», «Детектив».

Довольно часто переводчики используют прием **калькирования**. При этом в тексте оригинала нередко дается описание профессионализма. Сравните: *She might even be using a TelePrompTer*. Ему даже показалось, что она счи-

тывает текст с «телесуфлера». Each of Doil's hands was secured to one of the guards alongside by an «iron claw» manace device — a single handcuff with a horizontal metal bar that enabled each guard to totally control one hand, so that any kind of resistance was impossible. Оба запястья Дойла были схвачены «стальной клешней» — одиночным наручником с длинной металлической ручкой, держась за которую шедший рядом надзиратель мог полностью контролировать руку заключенного, исключая всякую возможность сопротивления. Everyone in the meeting knew about a bowie knife, sometimes called an «Arkansas toothpick». Естественно, все присутствовавшие отлично знали, о каком ноже шла речь. Это был бови-нож, в просторечии называемый иногда «арканзасской зубочисткой». He knew the so-called «open list» was circulated periodically to hospitals on request. It contained information on pathologists available for appointments, and the men concerned had given permission for their names to be used. There was also a «closed list», but this was retained in confidence by the pathologists' professional society. Mostly the «closed list» comprised men dissatisfied with their present appointments who were seeking discreetly to make a change. Собственно, у Томаселли было два списка. Так называемый «открытый список» свободных врачей и «закрытый список» — тех, кто работает, но недоволен местом и готов переменить его. When a passenger saw his bag disappear at the check-in counter it went, by a series of conveyor belts, to a room deep below the departure gates which baggage men privately called «the lion's den». It acquired that name because (so baggage men confided after several drinks) only the brave or innocent would allow a bag they cared to enter here. Сданный пассажиром чемодан по системе транспортных лент направлялся от регистрационной стойки в помещение, находящееся глубоко под выходными воротами, которое грузчики из багажного отделения называют между собой «львиной клеткой». Это название объясняется тем (во всяком случае, так утверждают люди, работающие в багажном отделении, после нескольких рюмок вина), что только храбрые и наивные способны сдать то, что им дорого, в багаж.

Нельзя не отметить также прием *транскрипции*, встречающийся в переводах: The

wheelchair group's *modus operandi* was to collect information about who was dealing, where, when, how often, and when new supplies were expected, then pass all that information anonymously to the Police Department's anti-drug task force. «Модус операнда» отряда состоял в том, чтобы негласно собирать информацию: кто торгует наркотиками, где, кому, как регулярно продает и когда ожидает поступления новой партии товара; затем анонимными телефонными звонками сообщать обо всем тактическому подразделению по борьбе с наркотиками полиции Майами. Данный прием использован здесь в связи с тем, что словосочетание «modus operandi» на латыни означает «образ действия», «порядок функционирования».

Семантическую модификацию, то есть подбор смыслового значения единицы исходного языка соответ-

ственно контексту, можно наблюдать в следующих примерах: Mel braked hastily, avoiding a speeding honey wagon, on its way from the ramp area to disgorge its malodorous four-hundred gallon load of contents pumped out from aircraft toilets. Мел резко затормозил, чтобы не столкнуться с «душистым фургоном», который мчался ему наперерез, спеша избавиться от своего малоприятного груза — четырехсот галлонов, выкачанных из воздушных туалетов. The tape recordings show that clearly; our 'think group' played all of them many times. Магнитофонные записи четко свидетельствуют об этом; наша «мозговая группа» неоднократно прослушивала их. The result was a «greenhouse» (another design idiom for the upper body of any automobile) far stronger than conventional cars, a reality which a tough series of crashes and rollovers had already confirmed. В результате «оранжерея» (термин, изобретенный дизайнерами для обозначения верха автомобиля) получилась более прочная, чем у обычных машин, что подтверждала целая серия испытаний в аварийных условиях — столкновений и кульбитов. So heading in to the mainstretch in front of the stands, you want the straightest line possible. At two hundred miles an hour, if you let the car wander you lose time bad. — ...так вот, когда выходишь на отрезок перед трибунами для зрителей, важно нащупать строго прямую колею. Если на скорости двести миль в час машина начнет «рыскать», потерянное время уже не наверстать.

Из грамматических приемов авторы перевода чаще всего используют *функциональную замену и нулевой перевод*. Функциональную замену (т.е. использование в переводе иной грамматической формы языка перевода, близкой по функционально-смысловым свойствам исходной единице) можно наблюдать в следующих примерах: These were in a holding area, which pilots called the penalty box, and would move in as gate positions became vacant. Их держали в так называемой «предварилровке» — в ожидании, пока освободятся места у галерей-гармошек. At the Rome end of the journey, there would be a three-day layover for the crew... В Риме экипаж получит трехдневный отдых — «на пересып»... Airport men called the group a Conga Line. It had a head, a tail, a body, and an entourage, and it progressed down a runway with the precision of choreography. В аэропорту эту снегоуборочную команду называли «Анакондой». У нее была голова, хвост, туловище и все аксессуары змеи, и продвигалась она вперед, извиваясь, словно в танце. Getting tensed — consciously and deliberately — was a part of the job. Controllers called it «sharpening to an edge». Это умение напрячься — напрячься намеренно и сознательно — было особенностью их профессии. Диспетчеры говорили: «Надо обостриться». Нулевой перевод использован в следующих случаях: There she switched on a portable light on a small stand. This is a «black light». Затем включила настольную лампу на маленькой подставке. — Это «черный свет». Designers liked to see results of their work out of doors — «on the grass», as they put it. Дизайнеры любят поглядеть на результаты своего труда под открытым небом — «на травке», как они выражаются.

Используются также приемы **опущения и добавления**: Beside each light point was a small plastic marker, identifying it. The markers were known colloquially as «shrimp boats» and controllers moved them by hand as aircraft progressed and their positions on the screen changed. У каждой точки ставится маленький отметчик из пластмассы. В обиходе отметчики эти называют «козявками», и диспетчеры передвигают их рукой, следуя за продвижением самолета и изменением его положения на экране. First, on the original recorded tape where Patrick described the double killing, Cynthia performed what tape technicians with a sense of humor termed a «Nixon-Woods-Watergate» — erasing a previously recorded portion by running the tape and holding down the record button with no microphone connected. Прежде всего она проделала трюк, который звукорежиссеры не без чувства юмора окрестили «уотергейт» — с оригинальной кассеты, где Дженсен описывал обстоятельства совершенного им двойного убийства, она полностью стерла куски с собственным голосом, пользуясь для этого секундомером. What he had not explained, because none there needed to be told, was that a public utility like Golden State Power & Light had two kinds of electrical reserve — «spinning» and «ready». Он не стал объяснять присутствующим, поскольку все и так это знали, что коммунальная служба, какой, по сути, являлась компания «Голден стейт пауэр энд лайт», располагала резервными мощностями двух типов: «рабочий резерв» и «резерв, находящийся в состоянии готовности».

Иногда при переводе целесообразно делать **лексические замены**: There, a month after arrival and while his platoon was probing the enemy from an advanced position, they were strafed and bombed by American planes. (Afterward the ghastly error was described in military double-talk as «friendly fire.») А там, через месяц после прибытия, когда его взвод вел разведку боем, их на бреющем полете атаквали и по ошибке подвергли бомбардировке американские самолеты. (Впоследствии эта ужасная ошибка получила на языке военных название «дружеского обстрела».) Afterward he explained, «He's a barber, and one

of our bird dogs. — Это парикмахер и один из наших «охотничьих псов». »It's a special kind of car made up for showing in advance of the real thing. In the trade we call it a «one off». — Это машина, изготовленная в рекламных целях до того, как начнется серийное производство. На языке коммерсантов это значит что-то вроде «сигнальный экземпляр». Minutes later a formal decision was recorded: For Farstar, all lights green! Несколько минут спустя принятое решение было внесено в протокол: «Фарстару» — «зеленую улицу». Также встречаются и **перестановки**: There he was escorted to an interrogation room — nowadays, in official «soft-speak», referred to as an interview room. ... препроводили...в комнату допросов отдела по расследованию убийств — как нынче называют ее более «цивилизованно» — в «комнату собеседований». And from now on we have another test around here with new fabrics. Rather obviously, it's known as the mink test. Поэтому мы ведем сейчас опробование новых тканей. Естественно, называется это «испытание на норку».

Таким образом, перевод профессионализмов является сложным многоступенчатым процессом, требующим глубокого изучения специфики области использования профессиональных терминов, контекста и частных значений слов и выражений. При переводе профессионализмов недопустимо использование буквального перевода, необходимо применять различные переводческие приемы, в том числе транскрипцию и транслитерацию отдельных слов, например, технических приспособлений, процессов, специфических для данной профессиональной области. Перевод профессионализмов не может быть осуществлен корректно без наличия у переводчика знаний из конкретной сферы деятельности, позволяющих ему ориентироваться в терминах и реалиях, без наличия у него соответствующих словарей и глоссариев, освещающих специфическую лексику, используемую людьми одной сферы деятельности. Именно необходимость ориентироваться в сугубо профессиональной лексике и делает перевод профессионализмов столь трудной и одновременно востребованной задачей.

Литература:

1. Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков: учеб пособие / Н. К. Гарбовский. М.: Изд-во Либроком, 2009. — 144 с.
2. Керер К. А. Лингвокультурный образ профессионала в производственных романах Артура Хейли // Вестник Челябинского госуниверситета. Сер. Филология. Искусствоведение. — Вып. 55. — 2011. — № 17. — с. 232
3. Татаринов В. А. Теория терминоведения Т. 1. / В. А. Татаринов — М.: Московский лицей, 1996. 311 с.
4. «Новая звезда лтд» Англо-русский словарь по автомобильной технике и автосервису. М.: Новая звезда, 1999. — 703 с.
5. Марсанов В. П. Англо-русский словарь по гражданской авиации (English-Russian dictionary of civil aviation). 2-е изд., испр. И доп. Ок. 24,000 терминов. Москва, Скорпион-Россия, 1996. 560 с.
6. Курьянов Е. И. Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями): Около 12,000 терминов — М.: Московская международная школа переводчиков, 1993. — 320 с.

Специфика перевода фразовых глаголов с образным потенциалом

Пивоненкова Татьяна Борисовна, магистрант
Московский государственный областной университет

История фразовых глаголов в английском языке берёт своё начало в XI веке, когда наречия в предложениях с прямым порядком слов стали располагаться в постпозиции к глаголу. В настоящее время насчитывается около 15000 фразовых глаголов, и их состав постоянно пополняется, в том числе и за счёт фразовых глаголов с образным потенциалом.

Фразовые глаголы с образным потенциалом или образные фразовые глаголы — это, в нашем понимании, фразовые глаголы, способные быть основой для ассоциативного значения. В их составляющих заложена скрытая способность создавать наглядно-чувственные картины внешнего мира. Такие фразовые глаголы формируют целостный образ, при этом выражение идеи доступно нашим органам чувств. Многие лингвисты, в числе которых А. И. Смирницкий, Дж. Поуви, отмечали идиоматический характер некоторых фразовых глаголов. Л. А. Чиненова подчеркивала, что говорить об идиоматическом характере можно в том случае, когда «значение всего сочетания как целого не выводится из суммы значений, составляющих данное образование единиц» [7, с. 66]. Однако понятие образности фразовых глаголов, включающее в себя их способность сформировать в сознании человека определенный образ посредством ассоциативного мышления, возникающего под воздействием органов чувств, исследователи не затрагивали.

Фразовые глаголы играют важную роль в формировании лексической системы английского языка, но многие теоретические и практические вопросы их перевода разработаны крайне слабо: существует весьма мало учебно-методических пособий, которые обучали бы переводу фразовых глаголов, в связи с чем возникают затруднения при подборе русских эквивалентов английских фразовых глаголов [1].

В процессе работы с образными фразовыми глаголами переводчику необходимо учитывать следующие факторы, оказывающие влияние на перевод:

- 1) семантику фразовых глаголов;
- 2) образный потенциал;
- 3) прагматические аспекты;
- 4) коммуникативные аспекты, а именно коммуникативные пометы (polite/impolite, Вг/Am);
- 5) контекст.

Важную роль в любой коммуникации играет прагматическое воздействие на получателя информации, и требование коммуникативно-прагматической эквивалентности является основным среди требований, предъявляемых к переводу [8, с. 145].

«Близость к подлиннику, — пишет Белинский, — состоит в передаче не буквы, а духа создания... для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе

иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же, как и соответствующая фраза, состоит не всегда в видимой ответственности слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального». [6, с. 74]

Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне отмечают, что существуют два пути перевода, по которым может следовать переводчик. Так, существует перевод прямой (буквальный) и перевод не прямой (косвенный). Прямой перевод включает в себя транслитерацию, калькирование и дословный перевод. Что касается транслитерации и калькирования, то они практически не используются в процессе перевода образных фразовых глаголов.

Дословный перевод, или перевод «слово в слово», обозначает переход от исходного языка к языку перевода, который приводит к созданию правильного и идиоматического текста, а переводчик при этом следит только за соблюдением обязательных норм языка. При переводе образных фразовых глаголов с английского языка на русский, как и при переводе фразовых глаголов вообще, мы можем говорить о дословном переводе в том случае, когда значение русского глагола при переводе является производным лексическим значением от основного значения глагольной части фразового глагола. И в этом случае значение русского глагола при переводе будет совпадать со значением фразового глагола. Будут совпадать и их образные значения. Нам представляется это возможным, поскольку в русском языке фразовые глаголы отсутствуют, а роль послелога при переводе часто выполняет приставка. Например:

If he ever discovered that a family member or friend was in need, he discreetly wrote a cheque or did a direct transfer, waving away thanks, changing the subject, seemingly embarrassed by the ease with which he could solve someone else's financial crisis [10, с. 173]. *Узнав, что какой-нибудь родственник или друг нуждается в деньгах, он без лишних слов выписывал чек или прямо переводил деньги, отмахиваясь от слов благодарности и стараясь сменить тему. Казалось, он сам смущен той легкостью, с которой способен разрешить финансовые трудности человека* [5, с. 246].

Основное значение глагола «to wave» — махать. В словаре Macmillan данный глагол имеет следующую дефиницию: to move your hand to say hello or goodbye or as a signal; «Отмахиваться» является производным лексическим значением от глагола «махать». Значение глагола «отмахиваться» совпадает со значением фразового глагола «to wave away». Образность при переводе сохранена. Наличие некоторых случаев дословного перевода образных фразовых глаголов с английского языка на русский можно объяснить общностью культур народов, говорящих на данных языках.

Если же переводчик признает дословный перевод неприемлемым, то он считает необходимым прибегнуть к косвенному (непрямому) переводу. Под неприемлемостью имеется в виду, что сообщение, которое переведено дословно:

- (а) передает другой смысл;
- (б) не имеет смысла;
- (в) невозможно по структурным соображениям;
- (г) не соответствует ничему в металингвистике языка перевода;
- (д) соответствует чему-то, но не на том же стилистическом уровне языка [2, с. 161].

Что касается непрямого перевода, то он заключается в том, что переводчику необходимо подвергнуть исходное сообщение специальным процедурам для того, чтобы прийти к желаемому. Считается, что процесс перевода чаще всего описывается через типы мыслительных операций, с помощью которых переводчик находит нужный вариант перевода, т.к. готовые решения в словарях отсутствуют. При этом отмечается, что между единицами оригинала и перевода существует непосредственная связь, благодаря которой из исходной единицы путем каких-либо преобразований (трансформаций) может быть получена единица перевода [3, с. 171]. Рассмотрим пример, взятый из Британского лингвистического корпуса:

Drama and tension will boil up; laughter and tears may erupt; and the timer will tick without mercy. Драматизм и напряжение будут нарастать; могут разразиться смех и слезы; и таймер будет тикать без сожаления (перевод наш).

Основное значение фразового глагола «to boil up» согласно словарю Macmillan Phrasal Verbs Plus — to heat liquid, or to heat something in a liquid, until it boils; «вскипятить, сварить». Его переносное значение — «закипать, нарастать» об эмоциях. Сравнение в данном случае проводится с закипающей водой. Изначально спокойная, она постепенно начинает бурлить, её температура повышается. Таким же образом и человек, испытывая негативные эмоции, вначале скрывает их, а затем постепенно начинает их показывать. Ему становится всё сложнее контролировать себя.

Как утверждает В. Н. Комиссаров, наиболее важными компонентами значений образных фразовых глаголов при выборе их эквивалентных соответствий являются следующие:

- 1) образный компонент значения фразового глагола;
- 2) прямой компонент значения фразового глагола, составляющий основу образа;
- 3) эмоциональный компонент значения фразового глагола;
- 4) стилистический компонент значения фразового глагола;
- 5) национально-этнический компонент значения фразового глагола.

Необходимо понимать, что эквивалентное соответствие должно воспроизводить переносный смысл перево-

димого фразового глагола, выражать то же эмоционально-оценочное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь соответствующую стилистическую окраску.

В большинстве случаев при переводе образных фразовых глаголов переводчик легко справляется с передачей основного значения глагола. Однако сохранение образности при переводе — задача весьма сложная, входящая в число основных из тех, что стоят перед переводчиком. Близость культур помогает достаточно легко в большинстве случаев выявить заложенную в высказывании образность, однако при её передаче на русский язык могут возникнуть определенные трудности. В случае необходимости образность может быть передана в переводе с помощью другого образа, не заложенного в оригинале. Это подтверждается на практике. Следующий пример взят из романа Л. Мориарти «Big Little Lies».

Celeste often did this; she'd be chatting perfectly normally and then she'd suddenly be *floating off* with the fairies [10, с. 81]. Селеста часто так делала: разговаривает нормально и вдруг куда-то *уносится* [5, с. 154]. В данном случае перевод «уплывает куда-то» не был бы адекватным, т.к. в русском языке при описании мыслительного процесса часто используются глаголы, связанные с движением по воздуху, имеющие отношение к образу ветра. В связи с этим образ воды трансформируется в образ ветра, уносящего от нас предмет.

Иногда приходится использовать одноплановое соответствие, лишённое образности, чтобы сохранить главный компонент значения. Это объясняется тем, что найти образному фразовому глаголу русский эквивалент, пусть даже построенный на другом образе, не представляется возможным. Например, в некоторых случаях в русском языке может отсутствовать глагол, который мог бы одновременно передать основной смысл, что является для переводчика наиболее важным, и отразить заложенную в оригинале образность. Рассмотрим ещё один пример из романа Л. Мориарти:

«These are good.» Fred took a gigantic bite from his muffin while simultaneously *snaking out* his hand and taking a second one. «До чего вкусно». — Фред отхватил здоровый кусок от кекса и одновременно *протянул* руку за вторым. Глагол to snake out в отличие от глагола to snake through не зафиксирован в словарях фразовых глаголов Macmillan Phrasal Verbs Plus, Oxford Phrasal Verbs Dictionary, в таких онлайн словарях, как <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>, <http://www.urbandictionary.com>, <https://www.collinsdictionary.com>. В примерах, представленных в лингвистическом корпусе, фразовый глагол snake out не употребляется с дополнениями. В качестве актанта использованы только живые существа (без дополнений) или существительные «дорога», «тропинка», «путь» (без дополнений) (по аналогии с глаголом «to snake through», зафиксированным в словарях). Примеров, в которых этот глагол употреблялся бы применительно к части тела, нами не обнаружено.

Двигаться подобно змее — значит быть незаметным, ловким. Движение руки сравнивается со скользящим движением змеи. В Универсальном англо-русском словаре http://universal_en_ru.academic.ru зафиксирован следующий перевод глагола *to snake out* — двигаться резкими толчками, выскользнуть. В данном случае мы имеем дело с деепричастием, связанным с дополнением «his hand», а подлежащим является «Fred». В качестве перевода на русский язык использование деепричастия или глагола «проскользнуть», «скользнуть» применительно к действующему лицу — Фред — не представляется возможным. В связи с этим для того, чтобы сохранить и прямой смысл, и образность, можно было бы использовать описательный вариант перевода, или грамматическую трансформацию. Возможные варианты перевода:

«До чего вкусно». — Фред отхватил здоровый кусок от кекса и вместе с тем проворно (ловко) протянул руку за вторым.

«До чего вкусно». — Фред отхватил здоровый кусок от кекса, и одновременно с этим его рука скользнула ко второму.

Еще одна частая причина использования однопланового соответствия заключается в том, что имеющийся в русском языке эквивалент — образный глагол, который имел бы то же значение, что фразовый глагол оригинала, — относится к другому регистру общения. Так, например, образный фразовый глагол *to bottle up* имеет в словаре Macmillan Phrasal Verbs Plus стилистическую помету *formal*. Он используется в устойчивом сочетании

со словом «feelings», когда речь идет о неких негативных чувствах и эмоциях. Русский глагол «закупоривать» также употребляется в сочетании с негативными чувствами, он обладает яркой образностью и имеет в основе своей тот же образ, что и фразовый глагол (закупоривают бутылку). Однако в толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова он имеет стилистическую помету *разг.* Следовательно, он не может быть использован в переводе. Поэтому в англо-русском словаре Кортни ему соответствует перевод «подавлять, сдерживать». В этом случае яркая образность будет потеряна, но основной смысл будет передан верно.

В заключение следует отметить, что при переводе фразовых глаголов с образным потенциалом следует учитывать коммуникативные условия их использования, регистры общения, к которым они могут быть отнесены. Переводчику следует быть осторожным в своём желании передать как можно более точно образность, заложенную в оригинале. Он должен удостовериться в том, что подобранный им эквивалент образного фразового глагола относится к тому же регистру общения, или, по крайней мере, к нейтральному. Необходимо принимать во внимание прагматические свойства образных фразовых глаголов и их коннотативные значения, отраженные в лексикографических источниках; учитывать семантический, образный, стилистический компоненты фразовых глаголов.

Переводчик должен помнить о том, что задачи, стоящие перед ним, не являются неразрешимыми, несмотря на всю строгость требований, предъявляемых к переводу.

Литература:

1. Андросова И. Г. Лингвистические особенности английских фразовых глаголов и трудности их перевода // Современные гуманитарные исследования. — Москва, 2010. № 2. С. 136–140.
2. Вине Ж. — П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. С. 157–167
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2000. — 767 с.
5. Мориарти Л. Большая маленькая ложь. Пер. с англ. И. Иванченко. — М.: Иностранка, 2015. — 544 с.
6. Фёдоров А. И. Образная речь. — Новосибирск: Наука, 1985. — 120 с.
7. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. — Москва: Московский Государственный университет, 1986. — 101 с.
8. Швейцер А. Д. теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: УРСС, 2009. — 215 с.
9. Macmillan Phrasal Verbs Plus. — Macmillan Publishers Limited, 2005. — 536 с.
10. Moriarty Liane. Big Little Lies. — Penguin Books, 2015. — 471 с.
11. Povey, Jane. Phrasal Verbs and How to use them. — М., 1990. — 176 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Важность проектной методики при изучении английского языка (на примере проекта «Ecotourism in Kuban Region – a Fresh Glance»)

Коновалова Эмма Камоевна, кандидат филологических наук, доцент;
Махнач Владислав Сергеевич, студент
Армавирский государственный педагогический университет

Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути.

Полат Е. С.

В наше время перед образованием ярко выражена проблема активного творческого восприятия знаний, поэтому необходимо сделать образовательный процесс более интересным и занимательным, а также раскрыть суть получаемых в школе необходимых знаний и их практическое применение в повседневной жизни. Их разрешение требует умения применять новые педагогические подходы и технологии в современной общеобразовательной школе. Любой учебный предмет имеет свою возможность использования тех или иных способов в новых технологиях обучения.

Задача нынешнего образования состоит в донесении знаний до ученика, но и формирование у них творческого мировоззрения. Изменения, совершающиеся в российском обществе, требуют развития новых, более эффективных способов образования. Они направлены на индивидуальное и комплексное развитие личности, а именно: творческих способностей, ориентацию в информационном пространстве, абстрактное мышление, нахождение и использование знаний. А также обдумывание и планирование будущих действий, эффективное сотрудничество в группах и умение быть открытым для новых контактов с людьми. Все эти навыки помогут формированию у учеников уникального умения ставить задачи и решать насущные проблемы.

Одной из таких технологий, которая обеспечивает личностно-ориентированное воспитание и обучение, является метод проектов, так как он включает в себя множество других современных технологий. Метод проектов стал использоваться в начале XX века. Его основатели американские ученые Дж. Дьюи и К. Х. Киллпатрик. Главный смысл их программы — это строить обучение на активной и подвижной основе, через практическую деятельность ученика, отталкиваясь от его знаний и умений.

В настоящее время этот метод успешно развивается и обладает большой популярностью за счет гармоничного сочетания практического и теоретического материала.

Работа над проектом может вестись как индивидуально, так и в группе. В группе участникам следует помочь распределить обязанности и поставить четкий образ получаемого результата. Проектная работа начинается в классе под руководством учителя и продолжается дома. А по окончании учащийся знакомит нас с результатом своей проектной деятельности. Немало важно организовать работу так, чтобы участники наиболее эффективно раскрыли и проявили свои творческие способности. Для этого нужно убедиться в том, что проект подходит для всех участников группы. Это можно понять, если исходить из их интересов, предпочтений и темпераментов. Учащихся необходимо убедить в использовании разных способов работы, например, графическое написание, оформление, подборка иллюстраций, а по возможности — аудио или видео оформление.

Совместная проектная работа дает возможность каждому ученику не только выполнять легкие для него задачи, но и приобретать умения совместного коллективного труда, когда необходимо выслушать партнера, сделать анализ его мнения (принять или не принять его точку зрения), при этом объяснить свой выбор. То есть каждому проявить свое «Я», рассказать о себе и о своих мыслях, дать оценку тому, интересен ли ты своим собеседникам как личность или нет. Здесь мы уже видим проявление волевой саморегуляции и избирательности индивида.

Метод проектов используется при обучении английскому языку в рамках программного материала для школьника.

Основной целью использования данного проекта при обучении иностранному языку является возможность более эффективного овладения учащимися иноязычной коммуникативной компетенции. В понятие иноязычной коммуникативной компетенции входят:

— речевая компетенция — создание способов проявления коммуникативных навыков во всех видах речевой

деятельности: говорении, аудировании, письме, чтении, переводе в пределах определенной темы;

— социокультурная компетенция — формирование представления о социокультурной сущности стран изучаемого языка;

— языковая компетенция — овладение учащимися лексическими навыками по теме в качестве основы для оформления коммуникативных умений;

— учебно-познавательная компетенция — усовершенствование учебной деятельности по овладению ИЯ;

— компенсаторная компетенция — формирование навыков выходить из трудных ситуаций в условиях нехватки языковых средств

Этот проект развивает и совершенствует совместную культуру общения и социального поведения в целом, а также приводит учеников к практическому владению иностранным языком.

Мы, приводим пример применения метода проектов, как обучения иностранному языку, при котором учащиеся овладевают знаниями в творческом процессе составления планов и самостоятельном выполнении практических заданий.

Тема проекта «Ecotourism in Kuban Region — a Fresh Glance»

Мезмай — жемчужина Краснодарского края!

Экотуризм, как и любое другое направление, имеет свои основные цели и задачи: сохранение природы, популяризация экологии в целом; а также объяснение людям, как правильно и рассудительно использовать природные ресурсы, чтобы не нанести ей вред. Место для отдыха в Краснодарском крае — это не обязательно проживание, в крупных курортных городах, например, в Сочи или Геленджике. Много интересного данный регион может предложить не только соотечественникам, но и иностранным туристам, которые стремятся к уединению с природой и ее познанию.

Цель проекта — ознакомление иностранных туристов с экотуризмом в Краснодарском крае, на примере курортного поселка Мезмай.

Основные задачи:

- поиск информации о данном поселке;
- перевод найденной информации на английский язык;
- создание презентации на английском;
- создание буклета о достопримечательностях поселка Мезмай.

Проектным продуктом стала работа на тему «Ecotourism in Kuban Region — a Fresh Glance, Мезмай — жемчужина Краснодарского края!», ее презентация и буклет.

План работы:

- Первый этап — подготовительный — состоит из выбора проблемы и темы, а также подготовки объекта и предмета, разработки целей и задач, гипотезы исследования, подготовки инструментария, обучения участников исследования, выбора методов и разработки методики исследования.

- Второй этап — конструирующий (постановочный) — состоит из непосредственного исследования и разбивки на этапы.

Окончательно выбрав тему, мы разбили наше исследование на этапы и разделили их между группой студентов. Каждый начал работать в своем направлении, по запланированным задачам.

Собрав информацию, стали ее обобщать и сопоставлять в единую работу. Сбор информации занял 2 недели.

Исследование включило в себя работу с данными из сети интернет. Следующим этапом стала работа с фотоматериалом по данной теме.

- Третий этап — корректирующий — состоит из формулирования предварительных выводов и их уточнения.

В процессе работы происходили некие корректировки полученных данных, и изучение с педагогом правил оформления исследовательского проекта, а также подбор иллюстративного материала. После написания текста приступили к созданию презентации и буклета. В целом изготовление продукта — исследовательской работы, презентации и буклета к ней заняли 1,5 месяца.

- Четвёртый этап — контрольный.

Доведены последние недочеты в работе.

- Пятый — заключительный — включает в себя подведение итогов и оформление результатов. Написание письменной части проекта заняло 2 недели.

Мы выполнили, поставленные перед нами задач. Были созданы презентация и буклет с достопримечательностями.

В данной работе проведено исследование о поселении Мезмай (Краснодарский край). Самым сложным этапом работы, стало составление текста. Возникли трудности с ее оформлением. Однако мы с нашим руководителем, изучили все правила составления исследования и справились с проблемой. Важным и основным этапом стал перевод текста на английский язык и приспособление его под публичное восприятие.

Выступление на Конкурс проектов по английскому языку «Experience Unity Through Diversity and Cross-Cultural Dialogues With Cultural Difference». мы считаем итогом нашего исследовательского проекта.

Закончив наш проект, можем сказать, что работа над ним нас увлекла и многому научила. Мы научились работать над исследовательским проектом, а именно находить с информацию в сети интернет и отбирать самое важное, беседовать с интересующими людьми, собирать и обрабатывать полученный материал, ставить цели, задачи, делать выводы, правильно оформлять работу и создавать презентации. И все это на английском языке!

Данный проект может послужить клеше для других ознакомительных работ по теме экотуризма.

Главным достижением стало выступление на конкурсе проектов по английскому языку «Experience Unity Through Diversity and Cross-Cultural Dialogues With Cultural Difference».

Литература:

1. Материалы курса «Оценивание в условиях введения требований нового Федерального государственного образовательного стандарта»: — М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2013. — 96 с.
2. Материалы курса «Новые педагогические технологии: организация и содержание проектной деятельности учащихся»: Лекции 5–8. — М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009. — 68 с.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

VI Международная научная конференция
Самара, март 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.03.2018. Формат 60x90 1/8.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,86. Уч.-изд. л. 8,16. Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый», г. Казань

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.